

https://vk.com/belle_books

ВИКТОРИЯ ДАЛЬ

Глушица

АНГЕЛ КОВБОЯ,
ПРЕВРАТИВШИЙСЯ В ИСТИННЫЙ ГРЕХ

ОН ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ, ЧТОБЫ ЖЕНИТЬСЯ НА АНГЕЛЕ... После двух лет работы на золотых рудниках в Калифорнии, Калеб Хайтауер вернулся домой, чтобы жениться на любви своего детства — Джессике Уиллоби. Но возвратившись, узнает, что его невеста теперь торгует собственным телом. Слепленный яростью, он не может смириться с былой нежной невинностью бесстыдной женщины, которую однажды полюбил. И Калеб знает, что сделать с блудницей. Он полон решимости получить от нее все, что она продавала другим мужчинам. Он даже готов заплатить за удовольствие ради своей мести. И ВСЕ, ЧТО ОН ВИДИТ — ГРЕХ... После смерти отца, Джесс осталась без гроша за душой и заключил сделку с дьяволом. Теперь ей предстоит встретиться со своей первой любовью, чье презрение не сравнится с ее сожалением. Чтобы загладить вину, она позволит Калебу утолить его ненависть при помощи собственного тела. Эта сделка обнажит их до обжигающей страсти и откроет самые уязвимые места. Джесс все же удастся увидеть своего любящего Калеба, которого грубый ковбой скрывает глубоко в душе. Но невыносимая правда все же всплывет на поверхность. Она может натолкнуть их на прощение... или уничтожить их хрупкую связь навсегда.

Оригинальное название : Harlot (Bartered Hearts #2) by Victoria Dahl, 2015

Виктория Даль (Торгующие сердцами #2) « Блудница » , 2017

Переводчик: Мария Касмынина

Редактор: Марта Торгунова

Вычитка: Даша Алексеева, Юлия Монкевич

Оформление: Юлия Монкевич

Обложка: Полина Соколова

Глава 1

Луг Купера, Колорадо, 1875 год

ДЖЕССИКА НЕ БЫЛА ШЛЮХОЙ.

Калеб Хайтауер знал это на сто процентов. Она не была шлюхой и не работала в борделе, там ей было не место.

Да, дом находился в миле от Черного Горного Ручья и стоял в тени полумертвого от удара молнии тополя — все так, как ему и сказали, но он все еще не верил в эту историю. Она не была шлюхой, и он не найдет ее здесь.

Краска на большей части южной стены дома потрескалась и облупилась, лишь небольшой ее участок был новым и белым. Под свежевыкрашенным квадратом стояла лестница, но на ней никого не было. Скорее всего, рабочий пошел обедать, ведь был почти полдень.

Так как он ехал на лошади по длинной грунтовой дороге, Калеб надвинул на глаза шляпу, чтобы спрятать их от летнего солнца, но при этом старался что-нибудь увидеть в

темных окнах дома. Мужчина не заметил никакого движения. Ни внутри дома, ни вокруг сарая, ни у хозяйственной постройки. За сараем находился садовый участок, а сразу за ним было небольшое кукурузное поле.

Замычала корова, за которой никто не присматривал. Одинокая курица ходила вокруг сарая и бесцельно клевала грязь.

Калев поравнялся с провисшим передним крыльцом дома и, наконец, услышал голоса.

Девушка.

И мужчина.

Двигаясь неторопливо, он понял, что делал все медленно, оттягивая момент. Мужчина стянул с себя перчатки, привязал лошадь к одному из посеревших перил крыльца и снова поправил шляпу.

Медленно.

Когда его сапог с глухим стуком опустился на первую ступеньку, голоса внутри замолкли. Наступила долгая пауза, и Калев заставил себя сделать еще три шага к двери и постучать. Его удары встретила тишина. После чего раздались звуки шагов в тяжелой обуви по деревянному полу. Он уловил движение в дверном стекле.

Это была женщина, но не Джесс. Калев знал силуэт Джесс, а эта дама показалась ему чересчур пышной. Что еще более важно, она была слишком низкого роста. За те два года, как он уехал из города, Джессика Уиллоби могла набрать в весе, но не уменьшиться в росте.

Это была не она.

— Вам помочь? — спросила женщина из коридора, весьма неприветливым тоном для леди, которая зарабатывала деньги своим очарованием.

Калев прикоснулся к своей шляпе, но его рука застыла, когда она подошла ближе, вытирая пальцы о потертый передник. Солнце осветило ее, и он увидел темную кожу и волосы, приглаженные маслом. Она не являлась хозяйкой дома. Это была другая шлюха, о которой он слышал в салуне.

Рука Калеба оцепенело опустилась.

— Могу я поговорить с вашей хозяйкой?

Она слегка наклонила голову.

— В данный момент ее нет дома. Если вы хотите...

— Мелисанда? — позвали ее из глубины дома.

И вот... вот это и произошло. Этот момент, который Калев пытался оттянуть. Это был ее голос. Джессики.

Он не слышал его так давно, что сердце пыталось выпрыгнуть от радости, услышав знакомый звук, но мужчина подавил в себе эти эмоции. Нет. Не может быть. Это ужасно.

Первая женщина посмотрела через плечо на фигуру, вышедшую из тени коридора. Ее голова была опущена, глаза смотрели на полотенце, которое она сворачивала, но Калев узнал бы ее даже со спины. Волосы Джесс были красного оттенка; он никогда таких не видел, пока не встретил ее. Темные и глубокие, они выглядели так, будто бы были прохладными на ощупь. И плечи, всегда прямые и гордые.

Джессика приподняла голову и резко остановилась.

Даже в темноте через стекло Калев увидел шок на ее бледном лице. Шок и страх. Она притихла на мгновение, но, наконец, нарушила молчание.

— Что вы хотите? — спросила Джесс своим прекрасным голосом. Калев не мог

разглядеть ее глаз.

И не хотел.

— Так, ты — шлюха, — сказал он, намереваясь задать вопрос, но вместо этого буквально выплюнул всю фразу.

Она выпрямилась, развернув свои гордые плечи.

— Это частная собственность, — таким родным, но ледяным голосом резко произнесла Джессика. — Я попрошу вас покинуть ее. Хорошего дня.

Калев не двигался. Они смотрели друг на друга, хотя мужчина ничего не видел в ее глазах, за исключением слабого проблеска.

— Билл, — позвала она. Большая тень зашевелилась в коридоре позади нее.

— Верно, — пробормотал Калев. У нее и защитник здесь есть. Как и у любой достойной шлюхи. — Ладно.

Он сделал шаг назад и снял шляпу, намереваясь стереть пот со лба, прежде чем сесть на лошадь для долгой поездки обратно в город, как вдруг Джессика ахнула. Калев замер, его рука легла на пистолет, услышав тревогу в этом звуке.

Ее голос остановил его руку.

— Калев?

Недоверие, с которым она произнесла его имя, говорило о том, что девушка только сейчас узнала его. Калев не знал, сожалел ли он, что снял свою шляпу, или нет. Возможно, следовало бы остаться для нее незнакомцем и уйти. Джессика даже не узнала бы, что он был здесь.

Калев оглянулся, она стояла и качала головой. Но вот Джесс шагнула вперед, и оказалась в солнечном свете. Боже, это была та самая Джессика, которую он всегда знал, и в ту же секунду все остальное стало неважно. В конце концов, он провел целых два года, мечтая о ней, и только несколько часов назад узнал, что девушка предала его.

— Калев, — повторила Джесс на этот раз увереннее. Но мысль о двух годах должно быть тоже поразила ее, и она посмотрела на женщину, стоящую рядом с ней. Взгляд Джессики метался между ними двумя, прежде чем снова остановился на Калеве.

— Все в порядке, Мелисанда, — сказала она, обернувшись. — Все хорошо, Билл.

Женщина не двигалась. Не сдвинулась и темная тень Билла в холле.

— Все в порядке, — повторила Джессика, поворачиваясь к Калеву. — Я знаю его.

Мелисанда ушла. Ее тень присоединилась к охраннику, и они оба исчезли в задней части дома.

Джессика, казалось, застыла, а ее кожа стала белой как снег.

Голубые глаза девушки выделялись словно небо. И рот такой сладкий и привлекательный.

— Ты — шлюха, — повторил Калев, стыдясь своих слов. Пока они были верными. Джесс была здесь.

В этом борделе. Как ему и сказали.

Она изменилась. Похудела. Ее полные губы стали еще красивее, и два года назад он не замечал, чтобы девушка так поджимала свою челюсть.

Калев слышал, насколько сильно билось его сердце, и чувствовал, как приливала к нему кровь. А затем отливала обратно. Глаза у Джессики были такие же голубые, но вот рот, возможно, уже не был сладким. Теперь это был рот блудницы.

— Я не шлюха, — она подняла дрожащую руку к виску и задержала ее там. — Это

неправда.

Ярость снова захлестнула Калеба, потому что мужчина почувствовал надежду. Он хотел верить ей. Жаждал просто кивнуть, сказать «конечно» и подхватить ее на руки. Несомненно, Джессика не была шлюхой. Ужасно было даже думать о подобном.

Калев наклонил голову и надел шляпу, чтобы спрятать лицо.

«Человек не должен быть вежливым с проституткой, не так ли?»

— Тогда что ты здесь делаешь, Джессика?

— Это мой дом.

— Я имею в виду, — проворчал он, — почему ты живешь здесь, в глуши, с этими незнакомцами, и почему весь город называет тебя шлюхой?

Когда он поднял голову, то обнаружил, что девушка занервничала. Ее губы приоткрылись, как будто она хотела сделать вдох, пока ее рука сжималась в кулак, а голубые глаза наполнялись слезами.

Калев ощущал себя сторонним наблюдателем, испытывая ужас от того, что сказал Джессике. Она была самой утонченной женщиной, которую он когда-либо встречал. Всегда была. Калев любил Джесс с того дня, как отец привез ее в город. Ей было двенадцать, такая бледная, худенькая и образованная. Пятнадцатилетний Калев отдал ей свое сердце не раздумывая.

Он бы молча, страдал всю свою жизнь, никогда не сказав ей ни слова, но правда была в том, что Джессика тоже влюбилась в него. Она улыбалась, когда Калев пытался избегать ее. Краснела, когда краснел он. И на ее четырнадцатый день рождения, когда Калев осмелился поцеловать соблазнительные губы девушки, она вздохнула и поцеловала его в ответ.

Но чаще же всего Калев старался не прикасаться к ней, зная, что она была слишком хороша для него. Ее отец был доктором, который переехал на запад, чтобы открыть приют для богачей, больных чахоткой (*прим. пер.: чахотка — это туберкулез*). Будучи банкиром, отчим Калеба входил в круг общения доктора Уиллоби. Но сам Калев? Он был сыном грубого судебного исполнителя, который умел складывать буквы в слова достаточно хорошо, чтобы рассматривать листовки с разыскиваемыми преступниками и читать информацию о вознаграждении.

Калев был похож на отца. Такое же лицо, будто вытесанное из твердого дерева, и рот, который казался жестоким, если он не улыбался. А иногда, даже когда улыбался.

Он выглядел как преступник, и это помогало ему в течение последних двух лет, но контраст между его грубой, загорелой кожей и бледной красотой Джессики всегда заставлял его нервничать. Он боготворил ее. А она продавала себя незнакомым людям.

Слезы закапали и побежали вниз по безупречным щекам девушки.

— Я сожалею, — прошептала Джесс. — Калев...

— Так это правда? — он ждал отрицательного ответа. Вроде: «нет, никогда».

Она повернула голову и посмотрела в сторону маленькой гостиной позади себя, прежде чем ее взгляд опустился к сапогам. Они были грубыми и блеклыми. Калев никогда не видел, чтобы девушка носила нечто подобное.

Джессика глубоко вздохнула, нахмутив брови, как будто была чем-то озадачена. А потом кивнула, и широко распахнула глаза. Встретившись с ним взглядом, голос Джесс зазвучал твердо, несмотря на то, что очередная слеза скатилась по щеке девушки.

— Да. Это правда.

«О, святой Боже!» Слова проникли в Калеба, будто ножи. Нет, даже хуже. Они были словно удары топора. Было больно. Его душа разрывалась, и все, что мужчина хотел сделать для нее, вырывалось наружу — его кровь, желудок и все нежные сладкие чувства, которые он никогда не показывал никому, даже ей.

— Мне жаль, — прошептала Джессика.

Калеб не мог этого понять. Как же это произошло? Ее отец умер всего семь месяцев назад. Он узнал об этом только много недель спустя, но Джесс должна была быть в порядке. У ее отца в городе был красивый дом, полный дорогих вещей. Она никогда не писала Калебу, ни о смерти своего отца, ни о том, что ей нужны были деньги. Оказалась слишком гордо? Разве могла женщина быть настолько гордой, что скорее продаст себя, чем попросит денег?

Джессика подняла руку, как будто потянулась к нему через стеклянную дверь.

— Я не думала, что ты вернешься.

— Я обещал, что вернусь, не так ли?

— Да, но...

— Я говорил, что вернусь так скоро, как смогу.

Она подняла подбородок.

— Ты сказал, что вернешься, *если...* если заработаешь денег... если станешь владельцем земли... Я просила тебя не уезжать. Но ты все равно уехал.

Калеб сжал кулаки так сильно, что его пальцы онемели.

— Так что, это способ наказать меня?

— Нет! Я не продавала себя, чтобы наказать возлюбленного детства, который, как я думала, никогда не вернется. Прошло уже *два года*. Когда ты ушел, мы практически были детьми, и ты никогда ничего не обещал мне.

— Только потому, что не хотел связывать тебя с человеком, который может...

— Ну, надо же! — отрезала Джессика. — А теперь... — она вздохнула и кивнула, — мне жаль, что я причинила тебе боль, и рада, что ты дома в безопасности, но разговор окончен. Хорошего дня.

Она отвернулась.

Неужели это все? Просто *«мне жаль и хорошего дня»*? За два года его пальцы стерлись до костей, Калеб сэкономил почти каждый цент, чтобы вернуться домой и попросить ее руки, а теперь она просто ушла от него? Туда, где принимала других мужчин в своей постели?

Нет.

— У меня есть деньги, — сказал Калеб.

Джессика замерла в нескольких футах от двери. Молчание. Девушка стояла так какое-то время, должно быть, выравнивала свое дыхание. Калеб мог разглядеть бледную полоску голой шеи между воротником ее серого платья и волосами, поднятыми кверху. Он так долго мечтал поцеловать ее там. Думал сделать это в их первую брачную ночь. Двигаясь медленно и осторожно, чтобы не спугнуть.

Его стиснутые руки задрожали.

— Что? — спросила Джессика, все еще стоя в коридоре.

— Я могу заплатить, — эти слова были сказаны настолько тихо, что Калеб не был уверен, услышит ли их девушка, но потом она слегка повернулась. Достаточно для того, чтобы заметить ее прямой нос, и как девичья грудь поднялась от глубокого вдоха. Джессика долго смотрела в пустоту, и не оглядывалась на мужчину.

В конце концов, ничего не сказав, она просто ушла, растаяла в тени дома, а он слушал шаги, пока за ней не закрылась дверь, отрезавшая его от любых звуков.

Калебу ничего не оставалось, кроме как убраться оттуда, но он простоял у дверей еще десять ударов сердца, прежде чем смог заставить себя уйти прочь.

Глава 2

Звуки этого места по-прежнему пугали ее. В последнее время все вызывало ужас, но этот старый дом, находящийся в отдаленной местности, и безлунная ночь... хуже просто не могло и быть.

Ветви дерева скребли по крыше. Билл говорил, что его нужно срубить, прежде чем оно упадет, но тогда Джесс чувствовала бы себя более открытой, незащищенной. Более уязвимой.

Плотно завернувшись в свое одеяло, Джессика пыталась не паниковать, но здесь было небезопасно. Ну, не совсем, конечно. Сначала сюда приезжали какие-то мужчины из города, стучали в двери и требовали их впустить, они пьяными голосами кричали в окна, приглашали ее совокупляться, просили отсосать и сделать другие вещи, которые девушка даже не понимала.

Но эти визиты практически прекратились, особенно после того, как к ней переехали Мелисанда и Билл. Они оба искали работу в городе и узнали, что вниз по дороге открылся новый бордель. Мелисанда была готова выполнять любую работу, даже носить тяжести, а так же кухарничать и убирать дом. Билл оказался мастером на все руки, а также мог обеспечить девушкам защиту.

Джессике они оба понравились. Она четко предупредила их о том, что в этом доме не было никакой проституции, и была бы рада, если бы они согласились работать вместе с ней на ферме. Они переехали. Билл поселился в маленькой комнатке над сараем, однако, спустя некоторое время, стал спать у Мелисанды чаще, чем у себя. Они бы поженились, но Билл был белым, а им не хотелось привлекать внимания.

Джессика была рада, что они жили с ней. Так она чувствовала себя почти в безопасности.

Если бы кто-то постучал в дверь сегодня, то им оказался бы какой-нибудь пьяный ковбой из города. Но это оказался Калеб.

Рыдание вырвалось из горла Джессики.

Он вернулся. Что добавило еще одну ложь к множеству других, которые отчим Калеба наговорил ей. Не следовало удивляться, но девушка была шокирована. Когда Джесс решила пойти на эту роковую авантюру и совершить нечто ужасное... она твердила себе, что, по крайней мере, Калеб об этом никогда не узнает.

Ей сказали, что он поселился в Калифорнии, якобы решил остаться там с новой возлюбленной. Джессика полагала, что девушка, скорее всего, была красива и умна. Наверняка она умела готовить, убирать и внесла более весомый вклад в жизнь человека, чем аккуратное вышивание. Конечно же, Калеб женится на этой девушке. Если он когда-нибудь вернется в Колорадо, то будет уже семейным человеком.

А теперь, менее чем через шесть месяцев после того, как она продала свою девственность, он вернулся обратно, и посмотрел на нее с презрением. И на это была причина.

— О, Боже, — прошептала Джессика и прикрыла рот рукой, чтобы заглушить крик, вырывающийся из груди. О, Боже. *Калевб*. Что бы он ни делал в Калифорнии, он вернулся, и Джесс не могла вынести того, что теперь ему была известна правда о ней. Конечно, Калевб пребывал в ярости, но его глаза были наполнены такой болью. Из-за *нее*. Он не мог в это поверить.

Она любила его. Всегда любила и всегда будет. С того самого момента, когда они впервые встретились, Калевб сделал ее жизнь невероятно *настоящей*. Обращался с ней нежно, но в тоже время вызывал бурю в ее сердце. Для Джессики никогда не имело значения, что Калевб грубоват. Она любила его таким, каким он был.

Калевб был единственным, кто всегда настаивал на том, что он ей не пара. Что Джесс слишком хороша для него.

Теперь он никогда не скажет так снова.

Уткнувшись лицом в подушку, Джессика плакала до тех пор, пока не заболело горло, а глаза не распухли от слез. Она понятия не имела, сколько прошло времени. Возможно, час. Когда же, наконец, слезы высохли, то сил на то, чтобы бояться у нее, по крайней мере, не осталось.

Чего же именно Джессика еще боялась? Ее жизнь была решена. Все, о чем хотела или мечтала, теперь было за пределами досягаемости. Пусть приходит ночь. Пусть мужчины лапают ее и бросают плотоядные взгляды. Ей больше нечего терять.

Пусть приходит и Калевб, если захочет.

Ее тело словно застыло от этой мысли. Разум зацепился за эту идею, а затем попытался отвергнуть, но Джессика не позволила. Она медленно выдохнула и снова подумала об этом.

Что сделает Калевб, если вернется? Он не вернется, чтобы принести извинения. Не вернется, чтобы продолжать осуждать ее. Она была шлюхой. Единственная причина, из-за которой Калевб мог вернуться, озвучена им с презрением.

«*Я могу заплатить*».

Так много отвращения в этом предложении. Заплатит за то, что они хотели сделать на их брачном ложе.

Теперь Калевб никогда на ней не женится. Никогда не полюбит. Но он мог бы заплатить за возможность воспользоваться ее телом. Джессика должна была бы обидеться, но разве это было оскорблением? Она и прежде брала деньги за это, и с Калевбом будет делать то, о чем мечтала в течение многих лет.

И все же Джесс не мечтала, что это случится в нынешнем году. Но узнала, что это такое. Секс. Половой акт. Тот же самое, что происходит с каждым животным на скотном дворе.

Она думала, что у людей это будет по-другому... вздохи и поцелуи, трогательные стихи. Так она представляла себе секс с Калевбом, как нечто прекрасное, таинственное и *красивое*. Теперь же Джессика знала, какой это на самом деле уродливый процесс. Ни чем не отличающийся от того, как это делали кошки.

Если Калевб заплатит за секс с ней, то он несколько раз схватит ее за грудь, потеревит соски, а потом засунет свой член в ее отверстие. Его рот будет похож на голодное животное, ничего прекрасного в этих поцелуях не обнаружится. Ничего, кроме слюней и посасывания. После скажет ей несколько матерных слов, прежде чем его губы скривятся в нелепой гримасе, которая должна выражать удовольствие, но выглядеть будет так, будто ему больно.

Джессика должна быть рада, что теперь никогда не выйдет замуж. Не будет спать ночью с мужем, потом готовить еду, стирать белье, воспитывать детей, а с заходом солнца снова ложиться с ним в кровать... и так каждый день. Зачем женщины это терпели?

Но, так или иначе, она все еще была глупа. Не могла представить руки Калеба, которые бы мяли ее грудь, несмотря на их грубую силу. Он всегда осторожно прикасался к ней, держал ее руку так, будто та могла сломаться. И его губы были такими твердыми, а челюсть настолько сильной, что Джессика не могла представить, как бы он слюнявил ее кожу.

Конечно же, некоторые женщины наслаждались половыми отношениями. Джесс видела влюбленные взгляды между мужьями и женами. Читала прекрасные стихи из песни Соломона в Библии. И Мелисанда любила Билла. Она спала с ним, жила с ним. Должно быть, существовало что-то еще, кроме такой привлекательной мужской защиты.

Возможно, с Калемом это было бы красиво. Если бы он все еще любил ее. Если бы они поженились. Но никто не доставит такого удовольствия шлюхе.

На улице поднялся ветер, кидая ветви дерева на крышу дома. Джессика зажмурилась, стараясь не позволить страху овладеть ею снова.

Звуки походили на те, что раздавались при переломе пальцев, но снаружи не было ни души. Никто не пытался проникнуть внутрь и облапать ее. Никто не кричал в окно, что она — *шлюха*.

Единственный мужчина, приходивший на этой неделе, сказал ей об этом тихо и в лицо. И если Калекб вернется, то снова постучит в дверь. Назовет по имени и причинит ей боль одним лишь своим взглядом. Не нужно бояться вещей, которые прячутся в темноте. Ночь уже не была такой страшной. Ведь Калекб приходил днем.

Глава 3

Джессика чувствовала, как Мелисанда наблюдала за ней, пока они копались в саду. Обе еще не завтракали, но печенье уже стояло в духовке. Некоторые дела было лучше закончить до наступления жары.

— Что? — в конце концов, не выдержала Джессика.

— Ты знала того мужчину?

— Да.

— Клиент?

Она покачала головой, надеясь, что подруга оставит эти расспросы. Но была уверена, что Мелисанда так просто не отвяжется.

— Твои глаза опухли, — настаивала Мелисанда.

— Все в порядке. Ничего не случилось. Не волнуйся.

— Я не волнуюсь. Ни я, ни Билл.

Откашлявшись, Джессика вытерла рукавом лоб.

— Он... Билл, я имею в виду... относится к тебе плохо?

— Нет. Я уже говорила, он — хороший человек.

— Но... Когда ты приехала сюда, то искала работу. Проституткой.

— Да, — Мелисанда ответила с такой интонацией, будто они обсуждали вышивание.

— Но он все равно относится к тебе хорошо, — сказала Джессика, пытаясь найти в этом смысл.

— Несмотря на то, что я — шлюха? Да, он любит меня. Я бы не сказала, что Билл в восторге от этого, но я была шлюхой, когда мы встретились. Однако продолжал приходить.

Проводил со мной больше времени. Говорил, что я красивая. Был первым человеком, заставившим меня поверить в это. С ним я никогда не чувствовала себя уродливой, даже когда он наблюдал за тем, как я смывала с себя грязь после других мужчин. Это просто было частью нашей жизни. Маленькой частью.

— А сейчас нет?

Мелисанда пожалала плечами, ее глаза сосредоточились на бобовом дереве, которое она обрабатывала.

— Сейчас нет, спасибо. И никогда не станет снова, что бы Билл ни говорил. Хотя мир меняется с каждым днем.

Джессика не могла себе представить, как мужчина способен полюбить женщину, бывшую проститутку, тем более ту, которая на самом деле была ею. Но Билл был спокоен. По крайней мере, выглядел таковым. И он явно не возражал против того, чтобы посещать бордели самому.

— А что, если у вас появятся дети? — спросила Джессика. — Ты уже не сможешь работать как сейчас.

— Многие шлюхи рожают детей, но я не могу их иметь, — ее слова впервые звучали нерешительно. — Я потеряла ребенка в четырнадцать лет. Кровотечение не останавливалось несколько месяцев. Теперь у меня там все нарушено.

Джессика прикоснулась к ее руке.

— Прости, не следовало спрашивать об этом.

— В любом случае, я была слишком юной, — сказала Мелисанда. — Ребенок, вероятно, убил бы меня. Почему ты спрашиваешь об этом? Это из-за того мужчины?

Джессика покачала головой и перешла к следующему ряду фасоли, чтобы увеличить расстояние между ними.

— Нет.

— Ты знала его раньше?

Раньше. Да. В ее прошлой жизни, когда мир состоял из бесконечного чтения, шитья и чаепитий с другими молодыми женщинами. Ее отец не был богат. У него, судя по всему, вообще не было денег, но у Джессики была крыша над головой, привилегии и защита.

Мелисанда проигнорировала ее молчание.

— Он приходил, чтобы увидеть тебя.

— Это неважно, — быстро ответила Джессика. — Теперь он знает правду.

Но не всю. И она надеялась, что никогда не узнает.

— Это просто... неважно.

— Хорошо, — сказала Мелисанда. — Но твоя жизнь не закончилась.

Джессика застыла, а клинок ее мотыги остановился в нескольких сантиметрах от твердой земли.

— Что?

— Ты раздвинула ноги за деньги, и это не убило тебя. Поэтому ты поднялась и двигаешься дальше, как любая другая шлюха, захотевшая бросить данное занятие. Многие женщины не могут этого сделать. А ты смогла — это повод, чтобы праздновать, а не умирать.

Кожу Джессики покалывало от чувства, близкого к ужасу. Как Мелисанда могла сказать

такое? Это неправда. Шлюха — это никчемный кусок ничтожества. И использованный. Разрушенный. Быть проституткой хуже, чем быть мертвой, потому что никто даже не станет оплакивать ее, и Джессике пришлось идти дальше. Продолжать двигаться. Продолжать дышать. Притворяться живой. Но все знают, что шлюхи — грязные, пустые оболочки.

— Эти мудаки наполнены не ядом, — пробормотала Мелисанда, — а просто спермой. Вокруг полно мужчин со спермой внутри, и смотри, как они собой довольны.

Смех Джессики был, скорее всего, больше от шока, чем от шутки; после того, как удивление исчезло, она кивнула. Слова подруги были справедливы. Мужчины всегда довольны собой. И чтобы шлюха не делала — они считали, что всю работу выполняли сами.

— Они ведь чьи-то мужья, — прошептала Джессика, боясь продолжать этот разговор даже посреди каменистого поля, называемого фермой. — Они отцы и мужья, а мы позволяем им...

— Разве ты не чья-то дочь? — резко ответила Мелисанда. — А я?

В горле Джессики застрял ком. Она не могла дышать. Все смотрела на Мелисанду, которая выглядела настолько сильной и красивой после того, как десять лет продавала свое тело мужчинам. Да, Мелисанда была чьей-то дочерью. Так же, как и Джессика. Ее любили и оберегали двадцать один год, и она была человеком. Женщиной. А, может, ею и осталась...

Мелисанда кивнула.

Но девушка не смогла кивнуть в ответ.

— Если ты любила его, и сейчас он тебя не хочет, то полюби кого-нибудь другого. Или, вообще, не влюбляйся. По крайней мере, ты по-прежнему жива. Он этого не изменит.

Правильно ли это было? Во всяком случае, она этого не чувствовала.

— Печенье подгорит, — сказала Мелисанда, заканчивая разговор на эту тему. Джессика осталась на поле, глядя на туманный намек горы вдалеке.

Пусть девушка и была все еще жива. Но даже если так и было, то настоящая беда заключалась в том, что она не хотела быть живой.

* * *

Калев поздно спустился к завтраку. И вовсе не из-за бутылки виски, которую прикончил накануне. У него было более чем достаточно опыта с алкоголем, чтобы выжить. Просто он забылся и вышел к завтраку со своей матерью, с двухдневной щетиной и перегаром. На что его отчим бросил на него неодобрительный взгляд и приказал выйти из-за стола.

Мужчина не мог сказать, что ему нравился человек, за которого мать вышла замуж десять лет назад, но Калев уважал его. Теодор Дарст предоставил матери Калеба хороший дом, и не был жесток с ним самим, несмотря на то, что у них не было ничего общего. В возрасте четырнадцати лет Калев уже работал на ранчо Смитов, когда мать и Теодор поженились. Богатый банкир не понимал мальчика, но они сумели сохранить мир.

К тому времени, как мужчина отмылся и побрился, его мать уже возвращалась из столовой.

— Сегодня ты съешь двойную порцию, — сказала она, потянув Калеба вниз для поцелуя в щеку, — это так здорово, что ты снова дома, мой сладкий мальчик.

«Сладкий мальчик». Куда уж там! Калев никогда не был сладким, даже в детстве, и уверен, что не стал слаще после двух лет работы на рудниках, пока добывал полезные

ископаемые.

Он отправился в Калифорнию, чтобы заработать состояние, и, в конце концов, сделал это. Мужчина не собирался отсутствовать целых два года, но находил все новую и новую тяжелую работу, чтобы заработать достаточно денег на покупку дома и земли разом. Только теперь у него не будет жены, которая бы разделила с ним все это.

Как только Калев занял место за столом, его отчим поднял глаза от своей газеты, сверкнув лысиной в лучах солнца.

— Ты выглядишь более презентабельно, — грубо сказал Теодор. — Полагаю, ты провел вечер, празднуя возвращение домой?

Калев хотел огрызнуться.

«Празднуя».

Теодор обманул его. В своем письме он сообщил, что Джессика уехала из города, и будет жить с родственницей после смерти отца.

Сначала Калев не был особо встревожен, хотя не понимал, почему Теодор — единственный человек, написавший об этом в письме. Он должен был услышать эти новости от самой Джессики. Но она горевала и готовилась переехать к давно потерянной тете. Когда Калев попросил адрес в следующем письме, мать полностью проигнорировала эту просьбу. Теперь он знал почему.

«Что могло случиться? Неужели Джессика просто так порвала с ним? Почему стала заниматься проституцией?»

Возможно, следовало писать ей самому вместо того, чтобы полагаться на свою семью для передачи новостей.

Сначала Джессика посылала письма вместе с примечаниями его матери два раза в месяц.

Калев кропотливо читал каждое слово девушки, перечитывал письма множество раз до тех пор, пока канцелярская бумага не становилась мягкой и изодранной. Но не отвечал. Джессика знала, что он не ответит.

После того, как мать вышла замуж во второй раз, Теодор Дарст попытался заставить Калеба снова начать посещать школу, но ему было уже четырнадцать лет плюс два года стажа у Смитов на ранчо, поэтому он отказался.

Так или иначе, школа никогда ему не давалась. У Калеба была голова для шифрования, и он всегда любил слушать рассказы учителя о древнем Риме. Но письмо и чтение были тяжелой и при этом болезненной работой. Буквы, казалось, прыгали вокруг, изменяясь по пути от страницы до мозга и от мозга до руки.

Поэтому Калев не писал Джессике, смущаясь, что она увидит его кошмарные письма. Рука девушки была гладкой и изящной, а слова весьма красивыми. Он видел, какими прекрасными были ее письма, и не хотел, чтобы она смотрела на его безграмотные каракули.

Джесс спрашивала его о новой жизни в каждом письме. Что он делал или видел. Но Калев не мог рассказать ей об отчаянных трудностях в шахтерском городе. О грубой жизни, наполненной грязью и кровью, блевотиной и потом. Не мог рассказать, что единственные женщины, встречавшиеся ему за эти недели, были усталыми шлюхами и прачками-матерщинницами.

А порой, его работа и вовсе заключалась в запугивании, приходилось даже прибегать к насилию, чтобы защитить чужие деньги. Пусть лучше Джессика думает, что он герой,

живший среди больших деревьев под голубым небом Калифорнии.

Кaleb всегда посылал сообщения, полагаясь на свою мать, которая могла расшифровать его ужасный почерк и исправить слова с ошибками для девушки.

Спустя год послания от Джессики стали приходить реже. Возможно, она устала писать письма призраку. Или злилась, что он не вернулся домой через год.

В скором времени его мама написала, что отец Джесс умер, и Кaleb, наконец, отложил в сторону свою гордыню и послал девушке телеграмму с соболезнованиями. Обещал скоро вернуться. Раньше, чем планировал. Его взяли на новую работу, сложнее предыдущей, и он собирался приехать, как только сможет.

Джесс не ответила. И тогда даже мать Калеба перестала говорить о ней. А он наконец-то собрал свои заработки и поехал домой, намереваясь вернуть Джессику обратно. В конце концов, ее не сложно было разыскать.

Газета шуршала, пока Теодор переворачивал страницы. Кaleb слишком сильно стучал вилкой по тарелке всякий раз, когда опускал ее. В прихожей тикали часы.

— Ты солгал мне, — наконец-то нарушил тишину Кaleb.

Теодор нахмурился, выглядывая из-за газеты.

— Что, прости?

— Ты сказал, что Джессика покинула город и уехала жить к родственнице.

У Теодора покраснели уши. Он опустил газету.

— Теперь послушай...

— Я прибыл в город, ожидая услышать, что она уехала на восток, чтобы жить с незамужней тетей, но знаешь, что я узнал?

— Сынок...

— Слышал, что она живет на той старой ферме за Черным Горным Ручьем.

Теодор уставился на него, закрыв рот и ожидая, что Кaleb продолжит говорить, но он не выглядел как человек, готовый извиниться.

— Почему ты солгал? — продолжал давить мужчина.

— Потому что думал, что ложь будет слаще правды.

— Правды о том, что она — шлюха? — выплюнул слова Кaleb.

Теодор с силой ударил тарелкой по столу.

— Следи за своим языком в этом доме. Да, я думал, что ложь гораздо лучше, чем правда о том, что она стала... блудницей. Она была для нас практически как дочь. Ты знаешь, как твою мать унижали после этого? Весь город шептался!

Но Кaleb никак не мог взять это в толк.

— Не понимаю. Как это произошло?

— Да кому интересно, как это произошло? — рявкнул Теодор. — Это отвратительно, и я не хочу, чтобы ты заводил этот разговор снова. Держись от нее подальше. Самое ужасное уже отгремело в далеком прошлом. В конце концов, все худшее уже затихло.

Кaleb оставил эту тему, но его мысли вертелись, вращались и кружились вокруг того, кем она стала теперь.

Незнакомец был первым человеком, сообщившим ему об этом. Мужчина, конечно, хотел сначала увидеть свою мать, но ее дом был пуст, поэтому он направился в большое здание, когда-то принадлежавшее отцу Джессики.

Спрашивал о ней, и девушка на кухне посмотрела на него большими глазами.

— Ты — Кaleb Хайтаур, верно? Ты учился с моим братом Рикки, — а затем

наклонилась, чтобы прошептать. — Она — шлюха.

— Кто? — спросил Кaleb, смущаясь.

— Джессика Уиллоби. Она живет в борделе.

Кaleb попятился назад, глядя мимо служанки в дверной проем за ее спиной. Он ожидал услышать изнутри вой или истерический смех. У этой девушки было явно не все в порядке с головой. Возможно, теперь это здание использовалось в качестве больницы для душевнобольных.

— Эй! — позвала она, когда Кaleb развернулся и выбежал на улицу.

В одном из кварталов был магазин, где он потратил гроши на мятные палочки для Джессики, скромное пожертвование, чтобы его огромные и грубые от работы руки не бросались в глаза.

Кaleb подумал о том, чтобы спросить о ней, но нет, он не хотел этого делать. Какая-то девушка уже сказала гнусную ложь о Джесс, и она будет огорчена.

Он зашел в три салуна и не нашел никого, кроме незнакомых людей.

Кaleb заказал виски и опрокинул стопку. Когда бармен предложил еще порцию, он осушил и ее.

— Вы знаете, мисс Уиллоби? — наконец, смог спросить Кaleb, пока в его голове гудело что-то, гораздо более разрушительное, чем алкоголь.

Бармен пожал плечами, в то время как остальные мужчины тупо уставились друг на друга.

— Она жила через пару улиц вниз, — добавил Кaleb. — Ее отец был врачом в клинике. Он умер несколько месяцев назад.

Двое мужчин покачали головами, а третий наклонился вперед, и его губы еле зашевелились от опьянения.

— Он ищет эту шикарную шлюху, — произнес тот нечленораздельно. — Она съехала за Черный Горный Ручей.

Самый старый человек рассмеялся.

— Ты не похож на того, кто может позволить себе такую киску, друг. Тебе лучше направиться в Элла Мэй.

Шум в ушах Калеба превратился в рев.

— Как далеко до Черного Горного Ручья? — спросил он вместо того, чтобы перестрелять их всех.

— Примерно миля. Там также есть и темнокожая девушка, если тебе нравятся такого рода вещи. Скорее всего, сейчас там больше барышень, но это место только для богачей. Для господ и им подобным. Тебе бы лучше посветить там золотом или вылетишь как остальные.

Самый пьяный из мужчин добавил:

— Я слышал, что туда ездят аж из Денвера, чтобы трахнуть эту женщину — Уиллоби, но не могу вообразить, что такого у нее под юбками, что стоило бы таких проблем. Возможно, ее киска отличается по вкусу от всех остальных.

Их смех обрушился на голову Калеба как булыжники. Он не понимал, что потянулся за пистолетом, пока бармен не положил руку на винтовку, висевшую под зеркалом.

— Подумай, прежде чем двигать рукой, сынок, — спокойно предложил он.

Кaleb послушался. Уходя, он едва уловил возмущенные разговоры за спиной.

— Что? — отрезал кто-то. — Откуда нам знать, какую шлюху он может себе позволить? Снаружи яркое солнце каким-то образом сделало так, что у мужчины зазвенело в ушах,

как будто кто-то включил дробилку для руды в его голове.

Пьяницы все перепутали. Джессика и ее отец, должно быть, перебрались из дома в город, прежде чем доктор умер. Какая-то неудачная семья заехала в их старый дом, и та дочь продала себя за деньги. Это была не Джесс.

Обратно, в дом своей матери, Калев шел вслепую, пока чья-то рука не сжала его локоть. В этот момент он не сомневался, что, повернув голову, увидит девушку. Смеющуюся Джессику с глазами, сверкающими умом и теплотой, и она объяснит, почему живет с какой-то незамужней тетужкой сейчас, и что...

Мать прервала его фантазии.

— Ты действительно дома! Я думала, ты вернешься через несколько недель, но ты здесь, и о, Боже мой, какой ты уже большой, Калев!

Его руки свободно болтались, пока мама обнимала его.

— Мама, — он, наконец, отстранился от родительницы. — Где Джессика?

Только в тот момент он поверил. Его мать не ответила, а с ее губ сорвался какой-то испуганный звук.

Она отступила, и ее лицо побледнело.

— Джессика? — прошептала мать, будто спрашивала, кого Калев имел в виду.

Но потом улыбнулась, и губы женщины дрогнули.

— Ее отец умер, мой дорогой. Ей пришлось уехать из города. В любом случае, тебя не было так долго. Полагаю, ты, вряд ли вообще ее помнишь.

— Где она? — продолжил настаивать Калев.

Женщина вытасила платок из рукава и приложила его ко лбу. Несмотря на жару, она была бледна как смерть.

— Я уверена, что ни чем не могу тебе помочь. Возможно, она осела где-то и однажды выйдет на связь. Теперь давай отведем тебя домой, я попрошу Салли приготовить что-нибудь особенное на ужин. Не могу поверить, что ты здесь.

Он оставил свою мать разговаривать с кем-то на улице, а сам пошел прямо к общественной конюшне, где сел на коня. А затем узнал всю правду.

Калев громко опустил вилку и сглотнул, чтобы удержать свой завтрак в желудке.

— Я полагаю, — снова заговорил Теодор, на этот раз, не отрываясь от газеты, — что мог бы найти для тебя место в банке, если ты собираешься остаться. Хотя... — он поднял глаза, спокойно глядя на Калеба, — тебе бы сейчас лучше обустроиться в Калифорнии.

— Согласен, — пробормотал Калев.

— Есть работа на серебряных рудниках в Колорадо, если у тебя неприятности в Калифорнии.

— Я не шахтер, и нет никаких неприятностей.

— Нет? — он схватил газету. — Тогда почему ты выглядишь так, будто из твоих парусов пропал весь ветер?

— Я в порядке.

— Хорошо. Просто ты планировал не возвращаться до следующей весны и передумал так внезапно. Я предположил, что есть какая-то проблема.

— Там нет проблем.

Не в Калифорнии. Проблема была здесь.

— Ну, я пообещал твоей матери, что ты сможешь остаться здесь настолько, насколько захочешь. Она очень рада, а это значит, что и я тоже. Но сейчас, ты такой же мужчина, как и

я.

Свободные руки и все такое.

Калеб не стал говорить, что он работал с двенадцати лет и был больше мужчиной, чем Теодор когда-либо. И продолжил держать рот на замке.

Теодор был не таким, как отец Калеба. В самом деле, было бы странно представить его элегантную мать с гладкой кожей, какой она, должно быть, когда-то была — достаточно смелую, чтобы выйти замуж за такого стального человека, как Джон Хайтауер. Но она нашла себя на ферме. К счастью для матушки, она была школьным учителем, поэтому сейчас могла играть роль супруги образованного банкира. Женщины переменчивы, судя по всему.

Калеб отодвинул стул.

— Я останусь всего на несколько дней.

Теодор сложил свою газету и хмуро посмотрел на Калеба.

— Да. Хорошо. Твоя мать будет разочарована. Но каждый человек должен выбрать собственный путь. Когда что-то не получается так, как запланировано, необходимо сформировать новый план.

Теодор откашлялся, но если он и подумал о последних обстоятельствах с мисс Джессикой Уиллоби, то выглядел сконфуженным лишь слегка.

По правде говоря, это была вина Калеба. Он был тихим человеком, как и его отец. Никогда не заявлял о своей прекрасной любви и преданности Джессике, хотя внутри был так же горяч, как и любой поэт. Если его мать и отчим думали, что разочарованный Калеб скоро забудет грех Джессики, то он не мог их в этом винить.

И так было проще. Если бы они узнали об ужасной и грызущей муке в груди Калеба, к боли еще пришлось бы добавить и унижение. Он никогда не просил ее выйти за него замуж. Никто не знал, что они были больше, чем просто юными влюбленными. Никто, кроме самих Джессики и Калеба.

Она была для него всем. Превратила его из грубого наемного рабочего ранчо и помощника на китайской кухне в новой столовой своей матери в мальчика, любившего странные и опьяняющие слова Шекспира. В подростка, знавшего названия английских цветов, потому что Джессика дала ему книжку с картинками о них. В мужчину, который знал, кого он любил в этом мире и как тяжело работал, чтобы стать достойным ее.

А теперь Калеб был никем. Все его лучшие воспоминания были связаны с Джесс. Все планы строились ради нее.

Он не мог остаться здесь. Калеб мог бы сегодня же уехать из города, если бы не мать. Ее день рождения должен был наступить через два дня. Мужчина останется, но только на эти два дня. Калифорния была тем сломанным местом, которому он принадлежал.

— Служба начнется через сорок пять минут, — сказал Теодор, поднимаясь из-за стола. — Я могу одолжить тебе куртку.

— Сэр, — ответил Калеб, — спасибо за предложение, но сегодня я пропущу поход в церковь.

Его отчим остановился и уставился на него.

— Твоя мать будет вне себя, — сказал Теодор и вышел из комнаты.

У Калеба не было никаких планов на день, но он не мог пойти в церковь. Не мог видеть всех этих людей, зная, что они слышали о Джессике, и, гадая, совокуплялся ли с ней кто-нибудь из присутствующих.

Он нуждался в тишине. Облегчение пришло, когда его семья уехала, и дом опустел, но Кaleb знал, что часы для него будут тянуться бесконечно. Кaleb не мог придумать, чем заняться днем, потому что не понимал, что делать со своей жизнью теперь. Джессика оказалась шлюхой. А он стал никем.

Глава 4

Кaleb сказал, что в состоянии заплатить. А ей были нужны деньги.

Даже сама эта мысль казалась ужасной. Недопустимой. Но она никак не покидала голову девушки.

Жизнь в этом месте стоила Джессике всего один доллар. Вот почему она приняла это предложение. Один доллар плюс ее девственность и все достоинство, которое она имела. Один доллар превратил эту сделку в юридически оформленную, так ей объяснили...

Девушка заключила данный договор, так как думала, что это обеспечит ее будущее. Один доллар, единственная ночь — и Джессика сохранит имущество. Тогда она могла бы продать дом с земельным участком — по крайней мере, хоть какая-то польза оттого, что она натворила. Джесс покинет этот город и страну, и не станет вспоминать о нем. Никто и никогда не найдет ее.

Но Джессика не знала об уплате налогов. Этот маленький неприятный сюрприз выяснился позже.

— Это твой дом, но ты потеряешь его, если не выплатишь налоги до конца месяца.

Это было сказано с ухмылкой, и тогда Джессика поняла правду. Как глупа она была. Совершенно слепа.

Еще пять ночей за сорок долларов. Это была вторая сделка. Сумма достаточная для уплаты налога и пени. А что ей было делать? Она уже была продажной. Ее единственный выбор на тот момент заключался в том, чтобы быть шлюхой, владеющей землей, или быть шлюхой «у разбитого корыта». Она остановила свой выбор в пользу участка земли.

Конечно, нельзя продать место, использовавшееся когда-то в качестве борделя. Ни одна уважающая себя семья не захочет здесь жить. Но Джесс думала, что никто не узнает. Она была так глупа. Так наивна.

Возможно, когда-нибудь вспыльчивый холостяк и купит все это, но гораздо дешевле, чем Джессика заработала своим трудом, и тогда она сможет уехать. Но это произойдет только в будущем, через несколько лет. А сейчас налоги за текущий год были уплачены. Еще десять долларов. С таким же успехом могла быть и тысяча. Также существовала перспектива голодной зимы. Даже если она захочет умереть — это будет медленный путь. Джессика не могла голодать, но и не могла лишиться этой ужасной, заброшенной фермы, которой владела, а у Калеба были деньги.

Девушка потратила весь субботний вечер, размышляя об этом. Думая о Калебе. Он не прикасался к ней часто во время ухаживаний, но когда делал это, тело Джессики словно *светилось*. Его рука на ее запястье — самое простое прикосновение, а она уже дрожала от греховных мыслей.

Кaleb целовал ее несколько раз, только потому, что она его просила. Говорил, что это неправильно. Что не мог воспользоваться ею. Но, Боже, эти поцелуи были прекрасны.

В последний раз, прежде чем уехать в Калифорнию, Кaleb попытался отстраниться, как

только тепло его рта коснулось ее. Джессика притянула его назад, и вцепились пальцами в рубашку мужчины, чтобы удержать рядом. Он успокоился немного, а затем, вдохнув из ее рта, руками обхватил лицо Джесс с такой нежностью, что ее тело, казалось, стало жидким.

Расплавленным, горячим и пульсирующим. И мысль об этих руках на ней снова...

Но руки Калеба больше не прикоснутся так к ней. Они не обхватят ее лицо, не погладят запястья или щеки. Но это по-прежнему были руки Калеба. И она любила их.

Джессика уселась за кухонный стол писать послание. Несмотря на грубый деревянный пол и голые полки на кухне, бумага для писем у нее была отличного качества. У Джесс осталось несколько вещей, которые не были проданы, чтобы заплатить за долги отца, и личные бланки одни из них. Ей очень хотелось выцарапать выбитые инициалы, но это было бы ребячеством. Девушка носила то же имя, несмотря на то, что была совершенно другим человеком.

Джессика заплела волосы и надела шляпу с полями, которая была опущена достаточно низко, чтобы держать лицо в тени. Девушка запечатала письмо в конверт, написала на нем имя Калеба, и отправилась седлать мула Билла.

Было воскресенье. В это время все находились на службе в церкви. Она могла приехать в город, оставить письмо Калебу и уехать, прежде чем кто-нибудь узнает ее.

Через час Джессика привязала мула в узком переулке позади дома Теодора Дарста. Несмотря на прохладную тень от облаков, у девушки на лбу выступил пот. Она не хотела быть здесь. Не желала, чтобы ее вообще кто-нибудь когда-нибудь увидел снова.

Джесс отправляла Билла в город за продуктами, когда им нужен был сахар, мука или кофе. Мелисанда тоже иногда ездила, утверждая, что ее не беспокоили осуждающие взгляды. Но девушка не была в городе несколько месяцев, и внутренний голос уговаривал ее уйти. Это ужасная идея вряд ли стоила риска быть замеченной старым другом. Новым врагом.

— Мне нужны деньги, — прошептала про себя Джессика, направляя мула вперед, когда он почувствовал ее напряжение и остановился. Через три дома Джессика увидела ворота, ведущие во двор Дарстов. Она соскользнула с мула и встала возле них, осматриваясь.

Это были всего лишь белые деревянные ворота, которые не причинили бы ей никакого вреда, но ее колени дрожали, когда она полезла в сумку и схватила письмо. Безупречный бумажный конверт теперь казался ей каким-то странным бледным квадратом в серый день. Когда Джесс перевернула письмо, имя Калеба было написано так, как девушка обычно его писала. Как будто она все еще принадлежала ему. Но Джессика не его.

Она слышала, что его кто-то остался ждать в Калифорнии. Что, вероятно, тоже было ложью, но Джессику, так или иначе, это не заботило. В конце концов, мужчины никогда не переживали о своих далеких возлюбленных.

Злость от этой мысли придала ей сил, чтобы открыть ворота и двинуться по направлению к кухне. Она не стучала. Только надавила на дверь, пока та чуть не приоткрылась, и наклонилась, чтобы подsunуть письмо. Петли заскрипели. Джессика уронила письмо, дверь закрылась, а девушка ударилась об косяк.

Прежде чем поставить ногу на ступеньку ниже, Джессика осмотрелась, и деревянная дверь со скрипом открылась.

— Здравствуйте, — сказала повариха. — Я могу помочь вам?

— Нет, — пробормотала Джесс и попятилась.

Повариха склонила голову, вытерла руки о передник и с улыбкой сказала:

— Глупости. Давайте я вам... — слова замерли на ее губах, а глаза расширились. —

Ты! — выдохнула она.

«О, нет». Джессика попятилась еще быстрее.

— Что ты здесь делаешь? Убирайся отсюда!

— Простите, — прошептала Джессика.

— Проваливай и не возвращайся! — прокричала старуха ей в след и замахнулась на нее фартуком. Джессика вспомнила, как однажды повариха суетилась над тарелкой с маленькими бутербродами и заверяла, что Калев, несомненно, вернется домой из Калифорнии. Теперь же ее лицо было красным от гнева.

— Убирайся отсюда! Тебе должно быть стыдно за себя, ты распространяешь мерзость по всей округе!

Джессика побежала вниз по каменной дорожке, которая вела к крошечному сараю и воротам.

— Я сожалею, — удалось сказать ей, прежде чем мужской голос громыхнул из дома.

— Что тут случилось? — спросил Калев. Он шагнул через дверной проем, глазами прошелся от поварихи к Джессике до того, как она развернулась и побежала, хлопнув воротами. Мул шарахнулся в сторону, но девушка грубо дернула его за шею, таща вниз по аллее и не останавливаясь, чтобы сесть на него верхом. Джессика побежала к дороге и не замедлила шаг, пока не свернула за угол.

Не заботясь о том, чтобы отдышаться, Джесс остановила мула, вскарабкалась ему на спину и ударила по бокам. Никто не видел, как она сбегала из города, но моральный вред все же уже был причинен. Она проигнорировала слезы, катившиеся по ее щекам, и поскакала дальше. Это больше не ее место. Она должна уехать.

* * *

Калев уставился на то место, где женский силуэт скрылся за сараем. Ему едва удалось разглядеть девушку, прежде чем она убежала. Ее лицо скрывала тень от соломенной шляпы, но он был уверен, что это была Джессика.

— Кто это был? — спросил он Салли.

— Не бери в голову. Просто какая-то попрошайка.

— Это была Джессика?

Калев посмотрел на повариху, когда та не ответила. Ее рот был плотно сжат, а щеки пылали красным.

— Что она хотела? — продолжал выпытывать мужчина.

— Да кто ж знает, что нужно таким женщинам? — огрызнулась Салли. — Не беспокойся об этой нахалке, Калев.

Он ненавидел Джессику. Хотел заставить ее страдать так же, как она заставила страдать его. Но все-таки ошетинился, услышав, как ее обозвали с такой злобой.

Отказавшись от нежной манеры поведения с этой женщиной, помогавшей воспитывать его, Калев встал прямо и хладнокровно посмотрел на повариху.

— Ее зовут Джессика, — произнес он.

Женщина напряглась, с презрением втянув носом воздух, но затем пожала плечами, вместо того, чтобы продолжать извергать ненависть.

Его мозг корчился от боли настолько реально, что Калев чувствовал это физически. Желудок скрутило слишком крепко. Мышцы болели, призывая бороться с кем-то или чем-то. Мужчина хотел сжечь весь этот город и убить каждого, кто к ней прикоснулся.

Ее отец умер, и она превратилась в шлюху. Сотни девушек в Калифорнии имели такую же историю. Тысячи. И еще несколько по дороге в Элла Мэй. Они все были такими же хорошими, сладкими и чистыми, как и Джессика раньше. Это казалось невозможным, но это было так.

Калев посмотрел на то место, где она исчезла.

«Зачем Джесс приходила сюда? Чтобы попытаться объяснить? Извиниться? Должен ли он разыскать ее и потребовать ответа?»

Мысли закрутились в его голове, а затем Калев повернулся, и его ботинок задел что-то бледное по полу. Конверт. Калев поднял его и увидел свое имя. Сердце пропустило удар.

Инстинктивно скрыв это от Салли, он спрятал письмо за спину и позволил ей пройти мимо. Через несколько секунд, Калев закрыл дверь своей спальни и надорвал конверт. Это было не извинение. Это было приглашение.

Сердце Калеба снова вспыхнуло, рассыпаясь от ненависти и боли. Сердцебиение участилось, а пульсация крови начала отдаваться в ушах, потому что мужчина не мог ощущать ничего, кроме собственного гнева. Она пригласила Калеба, чтобы он трахнул ее. За деньги. То же самое Джессика предлагала бесчисленным незнакомцам. И хуже всего было то, что он собирался сделать это.

Глава 5

«Вот глупая», — пробормотала про себя Джессика, как только шагнула в дверь своей кухни.

Она закрыла все занавески, желая уединиться после случившегося сегодня вечером, но последние солнечные лучи все еще просачивались сквозь ветхий синий материал, прикрывавший окно на кухне. Она сказала ему приехать после захода солнца, а оно уже почти зашло.

Джесс поступила так необдуманно. Уронила письмо и убежала как трусиха, не имея понятия, увидел ли его Калев вообще. «Что, если его подобрала повариха? Что, если она показала послание своим друзьям, которые разнесут весть о приглашении по всему городу? Что, если она показала его Теодору Дарсту?»

Ужас пронесся сквозь Джессику, вызывая приступ тошноты. «Нет. Это не могло случиться».

Она не сможет этого вынести.

Либо Калев придет сегодня, либо нет. Это единственная неопределенность, которая скоро разрешится. Все в городе уже знали, кем она была. Хуже ситуация уже не станет, независимо от того, сколько писем напишет Джесс.

Она пыталась держать себя в руках в течение всего воскресного обеда. Помогло то, что Билл и Мелисанда были неболтливými людьми. Обед был тихим, но быстрым. Мелисанда с Джессикой помыли и высушили посуду в мгновение ока.

— Ко мне может прийти посетитель, — тихо сказала Джесс.

— Тот мужчина? — спросила Мелисанда, будто совсем не удивилась.

Джессика кивнула, закончив разговор. Билл и Мелисанда ушли в их уютную комнату за сараем, как делали каждый вечер. А девушка осталась ждать.

В конце концов, ей не пришлось долго томиться. Услышав шум, она подняла голову и

стала выглядывать из окна, когда Калев вдруг постучался в дверь. Два стука, оба быстрые и жесткие.

Джессика рванула к двери, ее сапоги заскользили по деревянному полу. Калев был здесь. Ее сердце норовило выскочить из груди.

Девушка положила руку на грудь и сильно нажала, пытаясь удержать сердце от взрыва. Она предложила себя ему, и тот пришел, чтобы принять предложение. Почему же Джесс так потрясена?

Она предположила, что если будет стоять там, где сейчас, то Калев уйдет. А может, постучит еще несколько раз. Может, будет колотить по двери, и кричать, как другие мужчины. Джесс не могла такого представить. Калев всегда был тихим. Молчаливым, но сильным и благородным. И если у него ничего от этой благородности не осталось, Джессика все равно не думала, что мужчина бы позволил себе такое поведение. Ведь так?

Девушка скоро узнает. Узнает, будут ли его нежные и заботливые руки тискать ее и оставлять синяки.

Джессика переместила одну ногу вперед, а затем другую. Отодвинула щеколду и открыла дверь.

По крайней мере, это был Калев. Не кто-то другой. Не его отчим.

Они смотрели друг на друга долгим взглядом, небо позади него было достаточно темным, отчего свет лампы заставлял его лицо сиять. Калев побрился и вдруг показался больше похожим на того парня, которого она любила, но он никогда не смотрел на нее раньше так, как сейчас. Его подбородок был словно высечен из камня, а взгляд оставался холодным и спокойным.

— Сколько ты хочешь? — спросил Калев.

От печали в ее горле встал комок. Джессика с трудом сглотнула, но ощущение не прошло, поэтому она просто открыла дверь шире и впустила его. Мужчина пах мылом и кожей, девушка почувствовала его аромат, когда тот прошел мимо нее. Он принял ванну, и данный факт, каким-то образом, заставил ее почувствовать себя немного лучше.

Мужчина смущенно замер в гостиной, когда она прикрыла дверь. Джессика оставила ее незапертой. Если бы Калев решил потешить свое уязвленное самолюбие кулаками, Билл находился на расстоянии крика.

Девушка взглянула на его руки.

Если он ударит ее, остановит ли она его?

Они стояли в тишине. Джесс не знала, как это обычно происходило. Даже не знала, сколько должна была попросить денег за услуги.

Когда больше не осталось сил выносить это молчание, пошатываясь, она направилась в сторону маленького столика возле окна. На нем стояла наполовину пустая бутылка виски, оставшаяся от последнего посетителя.

Девушка не стала спрашивать, хотел ли он выпить. Глоток виски для нее был гораздо нужнее, нежели вежливость.

Она налила напиток в два последних хрустальных бокала, которые у нее остались. На них были сколы, поэтому Джессика не смогла их продать. Не глядя на него, она протянула Калебу бокал, затем осторожно повернула свой стакан так, чтобы сколы ободка не порезали ее губы. И проглотила виски залпом.

Когда Джесс, наконец, рискнула и посмотрела на Калеба, он наблюдал за ней недоверчиво, как будто был в шоке от того, что она пила крепкий алкоголь. Ужасный смех

чуть не вырвался из Джессики от мысли, что она была благородной шлюхой, никогда не прикасавшейся к виски.

Она успела прикрыть свою истерическую реакцию кашлем.

Калев покачал головой и допил напиток. Его руки выглядели слишком большими, когда он обхватил бокал.

— Сколько? — спросил он снова, когда поставил фужер с резким и глухим стуком.

Джессика кивнула. Лучше с этим разобраться побыстрее.

— За ночь?

— А за что же еще?

— Я не... я просто... да. За ночь. Конечно.

— Ну, если только ты не делаешь что-нибудь особенное... — глумился Калев.

Джессика побледнела. Ее единственной особенностью была девственность, и с этим было быстро покончено. У нее не имелось достаточно даже общих навыков шлюхи, чтобы знать, какие особенности могли существовать.

— Скажи мне, что ты предлагаешь, — его голос был грубым и холодным, будто суровый зимний ветер кружил вокруг нее.

Джессика почувствовала, как приоткрылся ее рот, но она не смогла выдать из себя ни звука. Не могла даже сделать вдох. Девушка не желала участвовать в этих переговорах. Только хотела, чтобы это было сделано. Она бы легла, Калев удовлетворил бы свою потребность, и тогда она смогла бы заработать деньги. Немного конечно, но больше, чем прежде. Она была трусихой. Еще одно мерзкое имя можно будет добавить к остальным.

— Пять долларов, — прошептала Джессика.

— Что?

— Пять долларов. За ночь.

Калев разозлился.

— Я слышал, что ты стоишь довольно дороговато. Думаю, это то, чем можно гордиться. Никаких грязных фермеров между этих ног, я прав?

Она пыталась сделать так, чтобы писк, вырвавшийся из ее рта, прозвучал как согласие.

— Почему ты решила, что у меня есть пять долларов?

— Не знаю, — сумела произнести она, — это моя цена.

Джессика не могла делать это за меньшую сумму. В действительности, пять долларов лишь закрыли бы брешь в том, в чем она нуждалась, но сейчас у нее имелось всего семьдесят пять центов, которые Джесс хранила в погребе в консервной банке. Единственным вариантом уплаты налогов было продать корову, но тогда им придется пережить зиму без молока и сливочного масла.

Калев шагнул к ней ближе, Джессика чуть отстранилась, однако мужчина потянулся мимо нее за виски и налил им обоим еще по стаканчику. Она взяла бокал настолько быстро, что виски выплеснулось на пол. Игнорируя это, девушка с благодарностью выпила противную жидкость.

На этот раз мужчина поставил свой пустой стакан более мягко и подошел к окну, несмотря на то, что там уже была крошечная темнота. Его пальцы коснулись выцветшей голубой бязи, скрывающей их от посторонних глаз, а затем Калев плотнее сдвинул вместе две половинки штор.

— Я заплачу тебе двадцать, — сказал он.

Джессика замерла, ожидая какого-то объяснения. Но мужчина лишь смотрел на свои

руки, гладившие тонкую ткань.

— Что, прости? — наконец спросила Джесс.

— Двадцать долларов, но я хочу всего.

— Всего — это *чего?* — удивилась девушка.

Его каблук немилосердно скрипнул по деревянному полу, когда мужчина повернулся к ней.

— Я хочу всего, что ты делала с другими мужчинами. Все, за что тебе уже платили. Хочу, чтобы ты сделала со мной все это.

— За сегодняшний вечер? — прошептала Джесс, а ее разум уже начал рисовать образы.

— Нет. За столько вечеров, сколько на это потребуется. За несколько дней, может, за неделю. Но ты не принимаешь больше никого, ясно? Никого, пока я здесь. Я — твой единственный клиент.

Все, что она когда-нибудь делала, заняло бы от силы две ночи, но Джесс не сказала ему об этом. Вместо того, чтобы спорить о пустом, она изменила сумму.

— Двадцать пять, — ответила Джессика.

— Идет.

Девушка чуть не ахнула. Она не ожидала, что сделка будет совершена так быстро. Двадцать пять долларов. Это было гораздо больше, чем Джессика предполагала. Даже пять долларов казались значительной суммой. А двадцать пять позволят не только оплатить налоги, но и продержаться весь следующий год. Джессика должна была быть в восторге, но вместо этого она с ужасом осознала, что они заключили сделку, и теперь пришло время, чтобы предоставить Калебу то, за что он заплатил.

Он вытянул маленький мешочек из кармана пальто.

— Верю, что ты не нарушишь наш договор, если я заплачу авансом.

Монеты звякнули в его руке, и яркое золото замерцало в свете лампы. Калев отсчитал стопку и поставил на стол. Джессика кивнула.

— Ну, тогда, — сказал мужчина, — веди меня в свою комнату.

Виски начало прожигать ей внутренности, и слава Богу, потому что в противном случае девушка, возможно, упала бы на колени и заплакала. Но вместо этого, она потянулась к лампе.

Джесс любила этого человека так давно. Калев обращался с ней так, словно она самая красивая женщина в мире. Будто Джессика была слишком прекрасной для его грубых рук.

Мужчина провел годы, наблюдая за ней, словно та разобьет ему сердце, если он коснется ее.

Но это было *раньше*. Теперь Джессика была разовой сделкой. Услугой.

Она повела его к лестнице и начала подниматься. Калев последовал за ней.

На полпути девушка поняла, что ждет, чтобы он остановил ее. Чтобы изменил свое мнение и извинился за то, что унизил Джесс. Спросил, что случилось, и предложил свое прощение, любовь и обещание забрать ее.

Джессика прижала пальцы ко рту, чтобы остановить рыдания и желание убежать. Даже после всех этих тяжелых месяцев, она все еще пыталась мечтать, что ее прежняя жизнь вернется, что девушка не будет нищей шлюхой, что это — не ее реальность.

Но Калев не остановил ее. Они шли по короткому коридору к двери ее спальни, и мужчина следовал за ней, ведь сейчас она была его шлюхой. На неделю.

Глава 6

Мужчина сел на кровать, а Джессика осталась возле двери, сжимая лампу немеющими пальцами.

— Прибавь света, — сказал Калеб, когда скинул с плеч пальто, — я хочу видеть тебя.

Конечно. Она поставила лампу на комод и направилась включить вторую, стоящую на шатком столике рядом с ее кроватью. Несмотря на то, что спичка дрожала в ее руке, светильник вспыхнул быстро — это был пылающий свет, который Джесс хотела потушить. По крайней мере, как только они окажутся в постели, девушка сможет закрыть глаза. Калеб хотел посмотреть, но она не горела желанием видеть ничего из этого.

Мужчин наблюдал за ней, пока снимал свои сапоги. Не желая слышать его приказа раздеваться, Джессика потянулась к кнопкам на воротнике платья. Его взгляд последовал за ее рукой. Девушка расстегнула только одну, прежде чем задала вопрос.

— А как же Калифорния? — спросила Джесс, не зная, почему пыталась пристыдить его. Ей нужны были деньги. Если Калеб уйдет и заберет свои монеты, придется умолять его остаться.

— Калифорния? — он поднял подбородок и застыл с сапогом в руке.

— Разве там тебя никто не ждет? Возлюбленная?

— Какого черта ты говоришь? Ты была моей возлюбленной. Прежде чем решила заняться этим.

— Так у тебя больше никого нет?

Эта новость — лишь крошечная капля в огромном и темном океане ее бед. Появление у Калеба новой женщины в Калифорнии оказалось всего-навсего еще одной ложью. И единственной причиной, по которой девушка легче поддалась своим страхам. Она думала, что он ее бросил. Полагала, что у нее никого не осталось. Но Джессика не могла сказать ему об этом, иначе пришлось бы все объяснять.

— Откуда такие мысли? — потребовал ответа Калеб.

— Просто... столько времени прошло. Мне казалось, ты поселился там окончательно.

Челюсти Калеба сжались.

— Ты никогда не верила, что я вернусь за тобой. С самого начала.

Нет. Он был неправ. Джессика верила в это так долго.

— Ты никогда не писал, — сказала девушка, пытаясь объясниться.

— Ты знала, что я не буду писать, — прорычал Калеб, — но я сказал, что вернусь. Дал обещание. Ты явно не понимаешь, что это значит.

Джесс не понимала. Больше нет. Она думала, что была предана Калебу, но оказалась, что стала единственной, кто потерял веру. Девушка должна была знать его лучше.

Она все разрушила.

Ей хотелось приглушить свет, спрятаться под одеялом и заплакать от того, что натворила. Но Джесс заключила с ним сделку, и теперь была ему должна. Месть. Вот, что мужчина хотел взять.

— Я сожалею, — прошептала она.

Его челюсти сжались.

— Просто сними платье, — пробормотал Калеб, наконец, оторвавшись от нее.

Без его обжигающего взгляда ей было легче расстегнуть пуговицы, но пальцы все равно не слушались.

«Даже без платья я буду далеко не голой», — успокоила себя Джессика, когда

справились с пуговицами на запястьях и начала снимать наряд. Девушка все еще носила юбки, корсет и панталоны. На самом деле, единственное, что Калев мог заметить, когда платье упало на пол — это голые руки, которые он уже видел достаточно часто в жаркие летние дни во время их прогулок у ручья и обедов на церковном пикнике.

Глаза мужчины вернулись к ней, и взгляд сразу зацепился за вершинки ее груди. Джессика забыла о том, что этот кусочек кожи тоже был ни чем не прикрыт, и почувствовала, как на лице появился румянец. Застенчивая шлюшка. Возможно, она нашла свою особенность.

Но Калев, по крайней мере, уже не казался злым. Как только Джесс добралась до своей юбки, он нахмурил брови, как будто был слегка озадачен чем-то и обратил на что-то свое пристальное внимание. Она развязала завязки, борясь с узлом и уверяя себя, что по-прежнему останется одетой, когда юбка упадет на пол.

Юбки упали с шорохом, как ей показалось, гораздо громче, обычного. Джесс знала, что Калев смотрел на нее, но больше не могла смотреть на него в ответ. Девушка сдвинула обе половинки корсета вместе, чтобы освободить первые несколько крючков. Это не заняло много времени. Она потеряла в весе и не удосуживалась затягивать корсет, так что сейчас легко его сняла.

Джессика не делала этого раньше. Ее ощупывали и раздевали, но девушка никогда не снимала собственную одежду перед мужчиной, позволяя ему смотреть. Джесс не знала, что теперь делать. Ее сорочка доходила до коленей, снизу выглядывали панталоны, а далее были только черные чулки, коричневые сапоги и...

— Мои сапоги, — бормотала девушка в замешательстве.

Калев хотел, чтобы она также сняла сапоги и чулки или только нижнее белье? В конце концов, сапоги же ему не мешают.

— Позволь, — сказал Калев, и тон его голоса больше напоминал о том, как он однажды разговаривал с ней. Мужчина опустился перед ней на колени.

Его движения настолько поразили Джесс, что она подняла руки, останавливая его, но Калев не собирался нападать. Он прикоснулся лишь к ее обуви. Сапоги легко поддались, и Джессика устала на его макушку, на взъерошенные волны каштановых волос. Щетина на лице Калеба, до того как он начал ее брить, была темнее, чем она помнила, а его волосы оставались того же цвета, что и два года назад. Темные и золотистые одновременно. Она подняла над ним руки, растопылив пальцы, но так и не решилась дотронуться до мужчины.

Калев коснулся ее лодыжки, и Джесс автоматически подняла свою ногу, позволяя ему стащить сапог. Его сильные пальцы были такими теплыми, в то время как искусственное освещение падало на волосы мужчины.

Джессика прикоснулась к нему.

Калев замер. Рука мужчины задержалась и обвилась вокруг ее лодыжки, когда Джесс запустила пальцы ему в волосы. Он был теплым и мягким в отличие от жестокости, которую хотел показать.

Девушка никогда не могла себе позволить почувствовать его раньше, но сейчас она была шлюхой, и могла действовать как угодно. Так что Джесс накрутила его пряди на свои пальцы, а затем приладила их. Калев вздохнул глубоким и спокойным вдохом, пока она ласкала его, и нагнул голову немного вперед. Его лоб коснулся ее живота. Он позволил себе задержаться там, пока она гладила его шею.

Возможно, его жена была бы такой. Прикасалась бы к нему всякий раз, когда хотела.

Давала бы раствориться в ней. Знала бы, что принадлежала ему, не потому, что он купил ее, а в силу того, что когда-то сказала: «да».

Вот так бы они готовились ко сну после долгого дня. Кaleb опускался бы на колени, чтобы помочь ей снять сапоги, как делал бы каждый день. Мягко целовал ее, и девушка таяла бы в его объятиях, открываясь для него. Ее рот, ноги, сердце. Мужчина хотел бы сделать ее доброй, милой и святой.

Рукой девушка обхватила его за затылок.

— Кaleb, — прошептала Джессика.

Он снова вздохнул, его пальцы нежно заскользили вдоль ее икры, чтобы задержаться за коленом. После чего мужчина поднял голову, чтобы посмотреть на нее. При свете фонаря Кaleb поймал ее взгляд, и Джессика подумала, что его глаза, возможно, были мокрыми от слез, но через мгновение они сузились от гнева. Кaleb сделал еще один глубокий вдох и наклонил голову, чтобы расшнуровать другой сапог. Теперь его движения были грубее: он потянул узел шнурка, дергая ее ногу.

Джесс вскинула руки, и снова ей не хватило духа прикоснуться к нему. Кaleb поднялся и позволил ей снять второй сапог самой.

— Теперь снимай остальное, — сказал он, сев на кровать, а потом стянул подтяжки и начал расстегивать свою рубашку.

Боль скрутила все внутри девушки.

Джессика вспомнила на мгновение, каково это — любить его. Мужчина никогда не обижал ее.

Но она заставила его себя ненавидеть. *Джесс* сделала это.

Девушка кивнула и сняла остальное нижнее белье так быстро, как только смогла. Сначала сорочку, потом панталоны, а затем стянула вниз свои чулки. Студеный комнатный воздух охлаждал ее разгоряченное тело. Соски, затвердев, превратились в болезненные камешки. Она прикрыла их одной рукой и как могла, заслонила самую интимную часть своего тела другой.

Джессика никогда не была полностью обнаженной. Не с мужчиной. Но Кaleb не хотел никаких компромиссов. Он хотел ее голой. Голой. И Джессика даст ему это.

Она не могла смотреть на него, но ее уши уловили какой-то звук. Мужчина долго молчал, в то время как боль сильнее разрасталась внутри ее.

«О чем он думал? Кaleb уже видел это раньше, или это для него ново? Он посещал шлюх? Ей должно быть больно, если мужчина ходил к ним?»

Джессика даже не знала, хотела ли, чтобы он думал какая она красивая, или хотела, чтобы он смущался наготы, как и она. Ее тело больше не было святым. Теперь оно просто сосуд, который нельзя очистить.

Когда тишина загудела в ушах, Джесс услышала шорох ткани. Она посмела посмотреть на Калеба и увидела, что тот снял рубашку. Его широкие плечи выглядели поразительно большими. Когда он двигался, мышцы на его руках буквально бугрились. Волосы покрывали его грудь. Мужчина подошел ближе к Джесс.

По крайней мере, с этой частью девушка была знакома. Она вошла в зону его досягаемости и попыталась снять напряжение со своих рук. Отпустила одну, а другой скользнула вниз, чтобы прижать ее к животу вместо груди.

Кaleb коснулся ее так, как она ожидала. Его пальцы двинулись по груди Джесс, и она отпрянула. Но он не хватал ее грубо. Не тискал и не щипал за сосок. Его пальцы очертили

медленный круг на ее коже, вызывая мурашки. Калев обхватил нижнюю часть ее груди. А затем погладил сосок большим пальцем. Один, два раза, и Джессика задрожала от странного, томительного ощущения.

То же самое мужчина сделал с другой грудью; его дыхание ускорилось, но она свое сдерживала. Прикосновение мужчины заставило ее почувствовать себя слишком... неопределенно.

Джессика испытывала страх, ожидание и ужасное осознание того, что тело, которое она оберегала почти всю жизнь, было использовано. Она хотела, чтобы свет от ламп был не таким ярким. Мечтала, чтобы комнату окутал мрак. Предпочитала, чтобы он не видел, как его загорелые пальцы ласкали ее бледную кожу. Его не должно было быть здесь. Джесс не обязана была позволять ему этого.

Она, наконец, вдохнула, и мужские руки заскользили вниз, по ее ребрам к мягкому изгибу бедер. Калев гладил их так нежно, как в последний раз целовал ее. Все тело Джессики покалывало от волнения, от этих украденных прикосновений. Но ничего не было украдено сейчас. Девушка была куплена и оплачена.

Его руки двинулись вниз к ее ягодицам. Мужчина издал звук, похожий на мягкий стон, когда сжал ее плоть и притянул к себе. Калев губами поймал ее сосок. Она сжалась, ожидая боли. А потом... потом поняла, что ей не больно. Его рот был теплым и внимательным, язык закружил вокруг ее сосков... сначала легко, а затем более решительно.

Джессика быстро заморгала, смущенная своими ощущениями. Ее руки, вновь поднятые, как по тревоге, зависли над головой. Когда его рот обрушился на ее губы, девушка ахнула. А затем сжала в свой кулак его волосы и застонала.

* * *

Калев был ошеломлен тем, насколько красивой она оказалась. Конечно, мужчина пытался представить ее множество раз. Удовлетворяя себя бесчисленное количество ночей на протяжении многих лет, он воображал розовые соски или темные волосы между ее ног. Думал о том, что Джесс позволит ему сделать, когда они поженятся. Разрешит ли она ему увидеть все, или будет слишком застенчива?

Джесс не стеснялась. Она стояла перед ним абсолютно голая, пока Калев проверял округлости ее задницы и сильнее всасывал розовый сосок. Боже, запах ее кожи заполнил все его внутренности, и призывал потянуть сильнее за вершинки ее груди. Девушке это нравилось. Ей на самом деле чертовски нравилось, как Калев работал своим языком.

Пальцами Джессика впились в его кожу, и издавала мягкие звуки, обвиваясь вокруг него, заставляя его голову кружиться.

«Ей нравилось это с другими мужчинами?»

Разные мысли терзали Калеба и разносились по всему телу кровью, которая прилиwała к члену. Он нажал коленом на ее бедра, заставляя раздвинуть ноги. Если девушка так сильно хотела быть оттраханной, мужчина, черт побери, трахнет ее.

Калев скользнул одной рукой вниз по ее заднице, и его сердце было готово выпрыгнуть из груди, потому что он собирался коснуться ее киски. Голая киска Джесс была открыта для него. Пальцами мужчина нашел ее мягкий жар, и стон Джессики превратился в хрип, когда девушка отпрыгнула от него.

Мужчина нахмурился. Он ожидал почувствовать влажность. Калев слышал, как большинство мужчин хвастались, якобы их женщины были такими чертовски мокрыми, что

они выскальзывали из них на кровать. У него не было большого опыта со шлюхами, но Калев отчетливо помнил жгучий влажный жар вокруг своего члена.

Он ненавидел проявление заботы. Его слюна была достаточно влажной. Калев мог плюнуть в руку, смазать свой член и трахать ее так глубоко и долго, как захочет. Его член запульсировал от одной этой мысли. Да. Этого будет достаточно.

— Ложись, — приказал Калев.

Джессика кивнула, подняв руку и прикрывая грудь, она отступила назад, будто мужчина не сосал ее секундой раньше.

Девушка обошла вокруг него, а взгляд Калеба зацепился за прекрасную бледность ее округлой задницы. Черт, она была великолепной. Самой красивой шлюхой, которую мужчина когда-либо видел.

Его ствол напрягся в штанах. Калев встал и расстегнул ширинку, когда Джессика скользнула на кровать и легла на спину. Ноги девушка сдвинула вместе и посматривала с опаской на то, как он взял свой член в руку.

Мужчина не смог сдержать стон, когда крепко сжав, погладил свой пенис. Посмотрев на Калеба, глаза Джессики расширились и, увидев что-то свирепое и дикое в нем, она осталась довольна. Да, Калев хотел сказать: «*Посмотри на мой член. Знай, что он собирает тебя трахнуть*». Он заскрипел зубами и попытался удержать эти слова, хотя не знал, почему беспокоился об этом. Калев заплатил за право говорить все, что хотел.

Раздвигая ее ноги коленом, он переместил свой вес на матрас и склонился над девушкой, придавив ее бледные бедра. Мужчина понял, что не снял брюки, но не посчитал нужным останавливаться. Он продолжал себя гладить, пока девушка впивалась в него взглядом. Калев осознал, что мог кончить прямо сейчас. Пометить ее своим семенем, пока она смотрела. Мысль о том, что он мог бы поступить так унижительно с женщиной, которую когда-то любил, перевернула все его внутренности.

Что же, не в этот раз. Сейчас он хотел оказаться внутри Джессики.

Калев плюнул в руку и снова погладил член. Дыхание Джессики участилось, а ее маленькая грудь начала подниматься и опадать быстрее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Просто чтобы быть уверенным, мужчина облизал свои пальцы и распространил слюну по ее киске тоже. Бедра девушки взбрыкнули напротив него. Калев замедлил движение и более тщательно увлажнил киску.

Джессика ахнула, и ее бедра разошлись на дюйма больше. Теперь Калев мог любоваться ее розовыми складочками, и лицезреть темно-рыжие кудри. Мужчина оказался очарован этим зрелищем. Калев провел пальцами вдоль женских складок совсем немного, когда Джесс застонала. Он еще раз прикоснулся к этому месту, и Джессика всхлипнула, а ее рука сжала простынь. Колени девушки упали.

Теперь она была мокрой от собственного желания. Калев увидел блеск влаги на ее киске. Погрузив в нее пальцы, мужчина закрыл глаза в шоке от жара. Он толкался в нее, снова и снова возвращаясь к месту, которое заставляло ее ахать всякий раз.

— Тебе нравится это, — изумленно прошептал мужчина.

«О, Боже!» Он столько лет боялся прикоснуться к ней.

С проклятием Калев раздвинул шире ее бедра и прикоснулся своим членом к горячему влажному входу. Толкнувшись один раз, Калев глубоко погрузился в ее киску, что заставило Джессику вскрикнуть.

Девушка зажмурилась, когда он в очередной раз скользнул в нее.

— Посмотри на меня, — приказал Калевб, когда ее жар обжег его член. Мужчина хотел, чтобы она знала, кто ее трахал, и что это был ни какой-то любовник из Денвера, проходящий к ней по ночам. — Смотри на меня, когда я тебя трахаю.

Девушка открыла глаза и уставилась на него. Калевбу пришлось заставить себя двигаться медленнее, иначе бы он кончил спустя три толчка. Мужчина ждал этого всю свою жизнь, и хотя все вышло не так, как он планировал — это было всем, чего он желал.

Удерживая себя на руках, Калевб почти полностью вытащил свой член, прежде чем снова медленно погрузился, наблюдая за тем, как ее рот открылся с придыханием. Глаза Джесс удерживали его взгляд, и, Боже, мужчина на мгновение потерялся. Он представил, что это не было сделкой. Что все это было хорошим и правильным. Что ее голубые глаза мерцали в свете лампы, из-за любви, которая делала их такими блестящими. Возможно, ее розовые соски стали такими твердыми, потому что он поклонялся им так, как будто был ее супругом. Слово, Джессика никогда не раздвигала ноги перед другим мужчиной.

Калевб держал свой член глубоко внутри, а затем опустил вниз, пока их тела не прижались друг к другу, и поцеловал ее. Удивительно, но Калевб вспомнил вкус Джессики.

Мучительный исключительный вкус ее губ, которые расслабились под его натиском. Он лизнул девушку, и рот Джесс открылся для него. Калевб застонал, когда коснулся своим языком ее.

«Боже, да». Мужчина чувствовал себя, так же как и тогда, когда они впервые поцеловались, только теперь он был внутри нее, а член был похоронен в ее киске, и его обволакивало тепло женского тела.

Руками Джессика ласкала его спину, и, Боже мой, как хорошо это ощущалось. Девушка впивалась в него ногтями, пока Калевб овладевал ее ртом и киской, делая их своими. Он крепко целовал ее, трахал медленнее, желая, чтобы это длилось вечно. Все было очень красиво. Правда. Они могли бы делать это каждую ночь, если бы девушка только дождалась его. У них могло быть все *это*.

Гнев расцвел внутри него. Калевб прервал поцелуй и переместил свой вес на руки. Ее ногти оцарапали мужчину, когда он отстранился, и эта боль, заставила его начать толкаться в Джессику глубже. Калевб делал это снова и снова; вдавливался достаточно сильно, заставляя ее плакать от каждого толчка. Мужчина вбивался в девушку так, как никогда бы не решился, если бы она дождалась его. Звук ударов плоти о плоть удовлетворил его ярость.

— Черт, — пробормотал Калевб, чувствуя, как приятно увеличился член и какими твердыми стали яйца. — Бл*ть, да, да!

Он сильно кончил, чувствуя, как пульсировал член, изливая свое семя в девушку.

— Да, — прорычал мужчина в последний раз, все еще толкаясь в нее и надеясь, что Джесс почувствовала, как он заполнил ее.

Гнев отступил, как если бы он освободил себя от ярости, когда кончил. Калевб успокоился и открыл глаза.

Мужчина ожидал увидеть лицо, отвернувшееся от него, но Джессика не отвернулась.

Девушка по-прежнему смотрела на него, ее губы приоткрылись от шока. Слеза скатилась из ее глаза и исчезла в волосах на виске. Зрачки Джесс были широкими и черными, а губы влажными и красными.

Калевб вышел из ее тела и встал с кровати.

Мужчина застегнул свои штаны и схватил с пола рубашку, прежде чем Джессика

сомкнула свои ноги. Кaleb прошелся руками по своим волосам в попытке стереть картинку, на которых девушка лежала под ним, наблюдая, как он пытался навредить ей.

— Я вернусь завтра, — сказал Кaleb, засунув рубашку в штаны и застегнув подтяжки. — Помни, ты больше никого не принимаешь.

Джессика не ответила. Только натянула одеяло на обнаженное тело.

Кaleb сунул ноги в сапоги и схватил свое пальто. Он выбежал в темный коридор, не оглядываясь на ее лицо, которое было видно в свете ночи.

Глава 7

Джессика была слишком уставшей, чтобы что-либо делать, но на слабых ногах она все-таки спустилась вниз, чтобы запереть дверь, после чего умылась и налила себе еще одну порцию виски. Почувствовав головокружение, девушка поднялась обратно на второй этаж и упала на кровать.

Утром она также чувствовала слабость. Но не от виски, а от шока. Ночь с Кalebом оказалась не такой, как она ожидала.

Глядя на первые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь шторы, Джессика пыталась разгадать эту загадку. Она знала, что мужчина это сделает; и Кaleb поступил именно так, но, в конечном счете, ничего из этого не казалось нормальным. Вернее... девушка совершенно не чувствовала себя ужасно. Даже когда лицо Калеба выглядело жестоким и злым, а член наказывал ее изнутри... даже тогда, Джессика чувствовала, что нужна ему.

А до этого? Да, прелюдия была мучительной. Они осознавали, что делали что-то нечестивое и грязное, но при этом желали этого еще больше. Его рот на ее груди. Мужская рука между ее ног. То, как Кaleb поглаживал свой член, пока дразнил Джесс.

От этих мыслей между ног девушки росло тепло. Она вспомнила, как мужчина раздвигал ее бедра, призывая открыться для него. Вместо этого, Джессика сильнее сжала их вместе, чем только усилила остатки ощущений, которые Кaleb создал своими пальцами.

Джесс ошибалась насчет того, что происходило между мужчинами и женщинами.

Она заблуждалась в первый раз, и сейчас делала это снова. Это не было ни сладкой священной поэзией, которую она представляла себе, ни издевательством, пережитое ею несколько месяцев назад. С Кalebом она чувствовала себя... примитивно. И испытала то, чего никогда не испытывала.

В силу обстоятельств, Джессика считала себя девушкой, ступившей на порочный путь, но, возможно, разврат был в ней от природы, ведь неспроста же она прошлой ночью раздвинула ноги и толкалась бедрами навстречу, желая, чтобы Кaleb сделал это.

До прошлой ночи девушка никогда не смотрела на член мужчины. Лишь мельком видела его и никогда не хотела разглядеть. Но с Кalebом... Джесс взглянула на его твердый, толстый член и почувствовала страх, но что-то глубоко внутри сказала: «да». Каждое прикосновение мужских пальцев к ее интимным местам было тому подтверждением. *Да-да, внутри девушки что-то появилось.* Она была пуста, а он наполнил ее, и это получилось так просто.

Но все было не просто так, ведь Кaleb также наказывал ее. Он ловил себя каждый раз, когда становился мягким, и быстро возвращал свой гнев, позволяя ему управлять собой. И это тоже было правильно. Девушка хотела этого так же сильно, как и остальное. Джессика ненавидела то, что сделала. Возможно, он мог бы выпрахать этот стыд и боль из них обоих.

Кaleb вернется сегодня вечером, чтобы сделать это снова, и Джесс должна быть готова.

Она быстро оделась, выбрав платье с бахромой на подоле. На нынешней неделе ей нужны лучшие наряды для вечеров, что казалось странным после всех этих месяцев.

Мелисанда работала на кухне, не захлопнув за собой дверь и не закрыв ее на скрытый замок, который установил Билл.

— Как прошла твоя встреча прошлой ночью? — спросила она, медленно сцеживая молоко из ведра в кувшин.

— Хорошо, — сказала Джессика, ее лицо запылало от жара. Она даже подумала, что ее уши сейчас задымятся.

— Он быстро ушел, — прокомментировала Мелисанда.

Быстро? Девушка думала, что так и должно быть. Не было ни беседы на общие темы, ни чая со сладостями. Джессика откашлялась и начала делать печенье. Это одна из немногих вещей, которая хорошо у нее получалась в этой новой жизни.

Джесс удостоверилась, что никаких признаков Билла рядом не было, и снова откашлялась, покраснев.

— Ты знаешь что-нибудь о том, что нужно делать, если вдруг забеременеешь? — спросила девушка, — я имею в виду... полагаю, ты слышала о таких вещах?

Мелисанда на мгновение взглянула на нее.

— Уже?

— Нет. Мне повезло.

— Хорошо. Ну, после того, нужно выпить чаю с петрушкой или рутой. Когда у тебя были последние месячные?

— Несколько недель назад, — сказала Джессика, — почти три недели.

— Это хорошо. Пей чай с петрушкой в течение недели, пока не начнутся месячные.

— Спасибо.

— Попытайся сделать так, чтобы он кончил тебе на живот. Все сработает, если его сперма не попадет внутрь тебя. В любом случае мужчинам это нравится.

Да, девушка могла себе это представить. Джесс видела, как гордо он гладил свой член, подготавливая.

— Итак, — Мелисанда вытерла руки о передник, — ты ведь ничего не знаешь о жизни шлюхи.

Джессика почувствовала странный стыд от того, что не рассказала своей новой подруге всю правду.

— Это было... всего лишь несколько раз. Отец умер. Мне нужны были деньги. Я думала, что никто не узнает.

Мелисанда кивнула.

— Никто не сохранил это в тайне? Я не удивлена. Мужчины любят хвастаться почти так же, как трахаться.

— Да, — сказала Джессика, хотя слухи о ней распространил мужчина, которому девушка отказала. Он все разрушил. Джесс должна была просто переспать с ним. Так было бы лучше.

— Хочешь начать принимать клиентов? Ты сказала мне, что я не буду работать здесь шлюхой.

— Нет, — быстро проговорила Джессика. — Этого не будет. Только в этот раз. Налоги оплачены, и он... он будет посещать меня в течение нескольких дней. Вот и все. Мы заключили сделку.

Мелисанда опустила свой подбородок, как будто поняла.

— Все в порядке. Мы не будем вам мешать. Есть ли что-нибудь еще, что ты хочешь узнать?

— Я... — девушка не могла придумать, что спросить. Джесс уже исчерпала половину ее сексуальных познаний, но Калеб, казалось, хотел гораздо большего. — Что им нравится?

— Мужчинам? — медленное моргание Мелисанды означало ее удивление от заданного вопроса. — Они простые люди. Любят трахаться и играть с твоими сиськами. Иногда хотят шлепнуть тебя по заднице.

— О... — Джессика не знала об этом.

— Им нравится, когда их член берут в рот.

Девушка кивнула, так как уже делала это.

— Обычно они довольно быстро кончают от этого. Просто пососи его немного и дай им посмотреть на это. Вот и все. Некоторые из них бывают в этом грубоваты. Глубоко толкаются в плотку, пока ты не подавишься. Они все хотят кончить в рот, так что скажи заранее, если не сможешь его этим осчастливить.

— Просто пососать его?

— Да. И не кусай зубами. Это отправляет их прямо в ад, — Мелисанда улыбнулась, демонстрируя свои ровные зубы.

Джессика засмеялась, удивляясь тому, что смогла бы такое сделать.

— Кроме этого, большинство из них просто одиноки. Иногда они хотят обнять тебя; притворись, что ты девушка, которую они любят. Если у тебя есть время, в этом нет ничего плохого. Ты тоже можешь притворяться. Представь, что он милый человек, который не плюнет в тебя на улице, если скажешь: «привет». Притворись, что это реально. Иногда это помогает пережить еще одну ночь.

Джессика раскатала бисквитное тесто и начала вырезать кружочки. Она могла бы притвориться с Калебом. Это было бы легко. Эта мысль согрела тело Джессики, и она снова покраснела.

— Тебе нравится Билл? — спросила она тихо.

— Ты имеешь в виду в постели?

— М-м-м... — Джесс сосредоточилась на печенье, чтобы не встречаться с подружкой глазами.

— Да. Бывает и такое, знаешь ли. Даже с незнакомым человеком. Что-то есть в том, как он прикасается к тебе, как пахнет. Внутри тебя загорается искра, и может быть, это только на мгновение. Мне повезло с Биллом. Он тоже это почувствовал, и это, слава Богу, что-то значит для него.

— Я так рада, Мелисанда. И благодарна, что вы пришли сюда.

— Мы тоже. Мы ведь просто забрели сюда на какое-то время.

— Ты знаешь... — Джесс заколебалась, немного боясь поднимать эту тему, — мы не говорили об этом, но ты сказала, что останешься на некоторое время. Вы можете вернуться в дом. Вместе с Биллом.

Тонкие брови Мелисанды поднялись.

— Оба?

— Да, вы могли бы занять спальню.

— Нам хорошо там, где мы сейчас.

— Но там будет холодно зимой, — настаивала Джессика, — если вы, конечно, захотите остаться.

Рот Мелисанды растянулся в улыбке.

— Мы планировали остаться. Я не знала, намеривалась ли ты избавиться от нас. Билл хотел найти небольшую печку, чтобы поддерживать в сарае тепло. Но, возможно, я уговорю его переехать в дом. Здесь гораздо лучше.

Джессика вздохнула, стараясь не думать о том, как была одинока первые несколько недель.

— Вы могли бы переехать прямо сейчас.

— Нет, не сейчас. Сейчас так красиво. Мы открываем ставни на ночь, и в окно светят звезды. Можно почувствовать запах любого шторма, надвигающегося издалека. Иногда я лежу и вижу луну, слышу биение его сердца под моим ухом, и... — Мелисанда закрыла глаза и улыбнулась. — Каждый раз на какое-то мгновение это выглядит как единственная жизнь, которую мы когда-либо имели. Это ощущается так, словно жизнь *принадлежит* нам. Но... — она покачала головой и схватила тряпочку, — будет немного холодно спать с открытыми ставнями зимой.

Джессика рассмеялась и попыталась приглушить зависть, которую испытала к ним. Они так сильно любили друг друга, приняли друг друга, что могли лежать вместе всю ночь и удерживать все хорошее в маленьком мире между собой.

Прикосновение Калеба было приятным, даже со всей болью в нем. Если бы девушка не предала его, он бы, как и прежде, любил ее; Джессика смотрела бы на ночное небо и чувствовала, как весь мир принадлежал им двоим.

У Джесс никогда не будет такого с Калебом. Все, что она могла иметь — это несколько ночей. Она сделала это за деньги, но, возможно, сегодня Джессика смогла бы переспать с Калебом потому, что сама этого хотела.

Глава 8

— Тебя снова не будет вечером, Кaleb? — спросила мама, срывающимся от волнения голосом. — Я совсем тебя не вижу.

Он посмотрел на подруг матери: все до одной одали его улыбкой, обмахиваясь кружевными веерами в эту летнюю жару.

— Дамы, — произнес Кaleb и поклонился. — Мама. Прошу прощения. Я еду на ранчо Смитов, чтобы повидать старого друга.

Мать мужчины издала разочарованный вздох, на что старая женщина — миссис Крю, рассмеялась и помахала ему веером.

— Пойдем, Пенелопа. Такой молодой человек как Кaleb, не должен проводить вечера в гостинной, слушая сплетни старых куриц. Пусть ходит и развлечется.

Кaleb вертел свою шляпу в руках, мечтая поскорее убраться. Он наполовину был смущен, зная, куда собирался, а наполовину сгорал от нетерпения по той же причине.

— Я буду рад видеть всех вас на пикнике у мамы. А теперь, если вы меня простите...

Он никогда не чувствовал себя комфортно, когда находился в гостинной; особенно, если сидел там, взгромоздившись на стул и весь день слушал тиканье часов. Калебу всегда нравилось быть снаружи — загонять скот и обрабатывать землю. И пусть мужчина мечтал вернуться в собственный дом после тяжелого трудового дня, но в его фантазиях всегда присутствовала Джессика. Кaleb всегда представлял себе большую веранду, где они могли

бы сидеть и наслаждаться последними часами угасающего дня, глядя на небо.

Джесс привыкла к городской жизни, воспитывалась в ней, но утверждала, что мечтала о том же. Калев не был готов позволить ей работать, жить в какой-нибудь ветхой усадьбе, и превращать ее хрупкие руки в грубые инструменты. Он стремился купить землю, настоящий дом и заработать достаточно денег, чтобы нанять служанку, которая помогала бы по хозяйству, потому что Джессика была леди. Была. Когда-то.

Калев вошел в конюшню, раз за разом прокручивая в уме то, чем они занимались с Джесс прошлой ночью. Он вспоминал об этом в тысячный раз за сегодняшний день. О ее обнаженной груди, влажных губах, потрясающей розовой плоти между ног; о том, как трогал девушку там, вводил в нее пальцы, как толкал член в ее горячее тело и использовал его для своего удовольствия.

Мужчина снова хотел все повторить и сделать еще множество других вещей. Калев жаждал поглотить Джесс. Трахать ее до тех пор, пока его не перестанет волновать все на свете. Использовать девушку так долго, пока бы от нее ничего не осталось, таким образом, Джессика узнала бы, что он чувствовал.

Потирая рукой грудь, внутри которой все болело, Калев прошел во двор конюшни и нашел своего жеребца, который уже был оседлан и стоял в ожидании. Мужчина все проверил, убеждаясь, что молодой конюх проделал хорошую работу, а затем вскочил на коня и бросил мальчику монетку.

Калев поскакал к Джессике, чтобы провести с ней еще одну ночь.

«Как ей удавалось так прекрасно выглядеть после всего, что она сделала? Как девушка могла так хорошо пахнуть, заставляя его сердце болеть? Как она могла быть такой же, как и прежде?»

Потому что Джесс и осталась собой, лишь стала тише и серьезнее на первый взгляд. У девушки был тот же мягкий голос, те же глаза, наверное, та же широкая улыбка, если она когда-нибудь улыбалась. Она была той же Джессикой Уиллоби, но сейчас гораздо грустнее, и самым страшным было то, что все внутри Калеба умоляло исправить эту ситуацию.

Мужчина надвинул шляпу пониже на глаза. Когда Калев ускользнул из города, солнце уже садилось, и он хотел укрыться от всего мира. Вчера он любил Джесс. Ему нравилось целовать, прикасаться и погружаться в ее тело. Мужчина ненавидел Джессику за это.

Конь Калеба переступал с ноги на ногу и в танце сражался с сильно натянутыми поводьями, из-за чего мужчина заставил себя расслабиться и позволить ему пуститься вскачь. Дорога была широкой, и его жеребец не спотыкался. Калев закрыл глаза и вдохнул ароматы Колорадо. Здесь за городом он больше чувствовал себя как дома, нежели в усадьбе отчима.

Странно, но Калев всегда чувствовал себя настолько неуместным в новомодном доме его матери с ее новоявленными друзьями, а еще он влюбился в девушку, гораздо благороднее себя. Но мужчина никогда не ощущал дискомфорта рядом с Джессикой, хотя и испытывал неловкость во время чаепитий в гостиной дома Уиллоби с ее отцом.

Положение доктора Уиллоби в обществе, как главного врача противотуберкулезного санатория, было выше, чем у отчима Калеба. Ведь в городе уже было два президента банка и лишь один главный врач. Но Доктор Уиллоби никогда не вел себя с бахвальством и высокомерием. В основном в случае чего, он просто не обращал внимания на общественные происшествия, чему Калев мог только симпатизировать.

Его отчим же, напротив, всегда давал понять, что Калев с матерью теперь жили в семье

Дарст и обязаны были поддерживать хорошую репутацию данной фамилии, несмотря на то, что Калев никогда ее не принимал. Семья Дарст никогда не чувствовалась домом. Не то, что... Джессика.

Калев открыл глаза, чтобы она вновь не всплыла в его памяти. Эта умная, красивая девушка.

Джесс заставляла его смеяться. Краснеть. Нуждаться. Дышать. Она сподвигла его хотеть быть таким человеком, как его отец: сильным, уверенным и гордым. Подтолкнула мужчину в стремлении к лучшему.

Его конь замедлился, поэтому Калев ослабил поводья и позволил ему задавать темп. Солнце едва касалось горизонта. Мужчине не нужно было спешить, но ему так этого хотелось.

Данное соглашение было направлено на то, чтобы наказать ее. Даже, скорее всего, чтобы наказать их обоих. Джессике — за предательство, а его — за вечную любовь к ней. Но сегодня он не торопился проучить девушку. Калев спешил к ее телу. К чертовски сильному удовольствию.

Когда мужчина, наконец, увидел ее дом, адреналин зажег его кожу, будто солнце уже село и поднялось вновь. Мягкие лучи от лампы струились сквозь окно. Если он позволит своим глазам немного расслабиться и потерять фокус, то сможет представить себе другой дом на противоположном краю земли и совершенно иную жизнь.

Калев заметил высокого светловолосого мужчину, которого уже видел в первый день, идущего от задней части дома к амбару. Он повернулся в сторону Калева и посмотрел на него, прежде чем исчез в сарае и закрыл за собой дверь.

Принимала ли Джессика этого человека в своей постели? Открывалась ли для него, как для Калева?

Голова заболела от напряжения, когда мужчина заскрипел зубами и сказал себе, что все это глупости. Это невозможно. Она не стала бы спать с кем-либо другим. Мужчина ясно дал ей это понять, и девушка не рискнула бы деньгами.

От ревности Калев зажмурил глаза, привязал коня под навесом крыши крыльца и поднялся по ступеням. Он постучал в дверь костяшками пальцев, и издаваемый ими звук разрезал тишину подобно выстрелам.

Напряжение сковывало плечи от ожидания. Так и не услышав ничьих шагов, Калев наклонился в сторону, чтобы взглянуть сквозь дверное стекло, но не заметил никакого движения.

— Джессика? — крикнул он.

Попробовал открыть дверь, но она была заперта наглухо. Что если девушка сбежала? Взяла деньги и оставила его? Острый укол тревоги, который почувствовал Калев, не имел ничего общего с деньгами. Мужчина быстро спустился по лестнице и, обогнув дом, прошел печальные заросли сирени, прежде чем увидел заднюю дверь. Та была прикрыта. Он распахнул ее без стука.

Калев услышал резкий вздох Джесс, и в тот же миг увидел ее. Лишь потом он обратил внимание на шум воды. Она стекала с тела девушки, закручиваясь вокруг ее ног. Джессика прижала простынь к груди, но ее правый бок был открыт от верхней части мокрых бедер до края металлической ванны.

— Сожалею, — задышалась Джессика, изо всех сил пытаюсь прикрыть свое тело. — Я

думала, что будет лучше помыться сейчас. Корова выбежала из загона, и после ужина мы целый час пытались ее поймать. Если ты... — голубые глаза Джесс метнулись от двери к печке в темный коридор за ее спиной, — м-мне нужно закончить водные процедуры, — наконец выдавила она, запинаясь, и ее влажные щеки окрасились в пламенно-розовый цвет. Прядь рыжих волос, выпавшая из пучка, в который были завязаны волосы, опустилась ниже и осталась лежать на шее.

Калев шагнул в дом и закрыл дверь, отрезав шум шелеста листьев сирени.

— Все в порядке, — сказал он. — Я подожду.

Джессика сжала скомканную простыню, за которую схватилась. Вода заплескалась вокруг лодыжек, когда девушка сместилась в ванне.

— Ты будешь ждать здесь?

— Да.

Капля воды упала на бедро Джесс, привлекая его взгляд к ее блестящим бедрам.

— Я не могу... — в повисшей тишине, Калев услышал, как девушка сглотнула, — я не могу мыться перед тобой.

На мгновение он устоял на ее бедра, наблюдая, как при подтягивании простыни ближе к телу, мышцы Джессики напрягались и расслаблялись. Калев не был уверен, почему девушка стеснялась перед ним мыться. Он трахал ее прошлой ночью. И сегодня трахнет снова. Калев уже видел все это. Прикасался к ней. Пробовал Джесс. Чувствовал.

Прямо сейчас он мог заставить ее опустить простынь и показать свое тело, но предполагал, что это не было частью сделки. Если девушка не купалась перед каждым клиентом, то она не обязана была делать для него исключение. И, возможно, поэтому он так мечтал на это взглянуть. Это было словно посягательство. Смотреть, как женщина мыла свои самые интимные места.

Калев опустил голову в знак согласия и снял шляпу.

— Хорошо. Я подожду наверху.

Подбородок девушки едва шевельнулся, когда она кивнула. Пока мужчина шел мимо, Джессика не отрывала от него глаз, будто боялась, что он в любой момент вырвет простынь из ее рук и отбросит ее подальше. Но Калев не стал этого делать. Не хотел физически принуждать ее. Мужчина жаждал наблюдать, как она делала каждый свой выбор самостоятельно, чтобы он мог любить ее меньше.

Достигнув порога, Калев остановился.

— Не трудись одеваться, — сказал он, прежде чем пошел в сторону лампы, горевшей в гостиной. Калев не хотел, чтобы Джесс пришла к нему, как застенчивая жена. Ему нужно было помнить, кто она на самом деле.

Бутылка с напитком стояла там же, где ее оставили накануне вечером. Калев схватил виски и лампу, после чего устремился наверх. Кровать Джессики была аккуратно застелена. Комната оказалась пустой, совершенно не такой, как ее прежняя спальня. Однажды в полночь после танцев, он пробрался к ней через крышу. Джесс открыла окно, но осталась в своей комнате, остерегаясь, что ночью их поймают вместе.

В ее спальне теплое сияние желтых и зеленых тонов подчеркивалось белыми кружевами и огромным количеством подушек. Они говорили о музыке. Когда Калев не узнавал песню или композитора, Джессика напевала ему. Порой он даже симулировал невежество лишь для того, чтобы услышать, как она исполняла мелодию.

Калев представлял, как девушка закрывала шторы и начинала раздеваться. Он

мастурбировал в своей постели каждую ночь, молясь, чтобы следующим утром Джессика не заметила никаких доказательств вины на его лице. Даже одного вида изгиба ее груди под рубашкой было достаточно, чтобы сделать его твердым. И сейчас, вспоминая запах ее влажной киски, Калев снова был возбужден.

Мужчина сделал поток из бутылки, а затем зажег вторую лампу, и теперь ему стала видна вся ее новая комната. Здесь отсутствовали яркие тона. На кровати была постелена белая простынь и выцветшее розовое покрывало. Стоял шкаф с покосившейся дверцей. Здесь также был комод с треснувшим зеркалом, баночка крема и одна простая расческа. А на окне — грубые коричневые шторы. Это все, что было.

Калев выпил еще и открыл дверцу шкафа. Некоторые из платьев, которые некогда были яркими, потускнели от времени. Он открыл другую створку, и его челюсть сжалась при виде перчатки королевско-синего цвета с манжетом в зеленую и синюю клеточку. Мужчина узнал ее. Калев вспомнил руку Джессики в этой перчатке, обернутую вокруг его предплечья, когда они шли в церковь. Мужчина закрыл скрипящие дверцы.

Прижавшись лбом к шкафу, Калев зажмурился. Какой же он был дурак. Идиот, оставивший девушку в покое, чтобы доказать, что достоин ее. Тогда он бы женился на ней. Наполнил ее киску своим семенем, привязав к себе навсегда. Вместо этого Калев ушел, чтобы доказать что-то, что вообще не требовало никаких доказательств. Джесс никогда не была богиней, принцессой или королевой.

Женщина, которой она являлась сейчас, всегда жила внутри нее. Если бы Джессика действительно оказалась богиней, то никогда бы не захотела такого невежественного работника ранчо как Калев, не так ли?

Он услышал звук. Тихую поступь босых ног по деревянному полу. Мужчина неспешно повернулся, чтобы увидеть, как Джессика остановилась, все еще прижимая простынь к своему телу. Но на этот раз девушке удалось все полностью прикрыть, кроме нагих плеч и шеи. Джесс отвела взгляд, словно чего-то ждала. Приказа, возможно. Ее ложная скромность наполнила его гневом.

— Готова? — угрюмо спросил Калев.

Сухожилия на шее девушки напряглись, а ее влажные волосы прилипли к затылку, плотно прилегая к коже. Джессика кивнула. Спустя какое-то время она разжала кулак и отпустила ткань. Та мягко упала на пол, порхая и развиваясь. Девушка осталась полностью обнаженной.

Калев был чересчур возбужден и горяч, чтобы взять ее так же, как прошлой ночью. Слишком желал прикоснуться к ней. И теперь, когда Джессика оказалась на расстоянии восьми футов от него, мужчина собрался с силами и просто взглянул на нее. Она напоминала Калебу картины в музее, где мать принимала его во время визита в Денвер. Как Ева в райском саду или какая-то древняя Римская королева. Ее обнаженные плечи и тонкие ключицы, прекрасная совершенная бледная грудь с розовыми вершинками такого же цвета, что и губы. Соски девушки, как твердые камешки, так и просились к нему в рот. Все смутное возбуждение, которое он чувствовал, пока ждал ее, пока поднимался по лестнице, затмила похоть, от которой сейчас напрягся его член.

Калев видел ребра под мягкой выпуклостью ее груди, линию сужения талии и легкое расширение бедер. Изгиб живота девушки вел прямо к треугольнику завитков, одновременно скрывавших ее киску и притягивающих к себе взгляд. Бедра Джесс были длинными и бледными, намного мягче, чем у него, а волосы на них тонкими и золотистыми.

Пока мужчина разглядывал ее, руки Джессики сжались в кулаки по бокам, но на этот раз она не прикрывалась. Девушка сделала выбор. Хорошо.

— Распусти волосы, — приказал Калев.

Джессика медленно потянулась к пучку волос дрожащими пальцами. Она взъерошила их, чтобы те рассыпались каскадом вокруг ее плеч.

От ее вида Калев глубоко вздохнул. Теперь она выглядела не как королева, а как наложница.

— Ложись, — велел он. Джесс прошлепала через комнату. — На живот, — вдруг решил мужчина.

Калев был счастлив этому порыву, ведь на кровати девушка встала на колени и легла лицом вниз. Калев еще не видел ее попы, и, Боже, та была прекрасна. Аппетитная и красивая. Он подошел ближе, постоял у подножья кровати и пока раздевался, глазел на мягкие холмики ее ягодиц. На этот раз мужчина не хотел быть наполовину одетым и нетерпеливым. Калев собирался быть таким же голым, как и Джесс.

Повернув лицо в сторону, и сложив руки под подбородком, девушка лежала неподвижно, пока мужчина снимал одежду. Калев, наконец, закончил и опустился на колени рядом с ней на матрас, удивляясь виду ее совершенной кожи, такой бледной по сравнению с его налившимся членом. Чувствуя себя подобно голодному зверю, мужчина пригнулся и погладил Джесс ладонью от колена вверх по бедру.

Она задохнулась от его прикосновения, а когда он обхватил ее попку руками и сжал, дыхание девушки и вовсе резко замерло. Мужчина раздвинул ягодицы так, чтобы снова увидеть ее киску.

Калев поставил одно колено между ног Джессики и раскрыл ее. Его дыхание стало ускоряться, вынуждая чувствовать себя еще больше животным, поэтому мужчина заставил себя не просто погладить рукой у нее между ног. Вместо этого Калев нежно положил ладонь на середину ее спины. От вдоха ребра Джесс приподнялись, а потом когда она позволила воздуху покинуть ее тело, медленно опустились. Девушка вздохнула еще раз, и тогда Калев провел рукой вдоль ее спины, спускаясь ниже до тех пор, пока рука снова не оказалась на изгибе ее попки.

Мужские руки выглядели кощунственно: загорелые и все в шрамах против ее бледности. Пальцы Калева стали еще жестче нажимать на ее податливую плоть, и он заставил себя расслабиться. Мужчина кончиками пальцев скользнул между ее ягодиц, опускаясь все ниже, пока не коснулся тепла ее киски.

Джессика ахнула в то самое мгновение, когда Калев резко вздохнул.

— Перевернись, — прошептал он слишком хриплым голосом. Ему хотелось увидеть ее.

Мужчина подвинулся, чтобы дать Джесс возможность перевернуться. Когда она легла на спину, Калев встал на колени между ее ног, чтобы удерживать их открытыми. Теперь ее киска находилась прямо под его членом. Белая кожа ее бедер, мягкий живот, темные волосы и розовая влажность. Все это прямо перед ним. Разоблаченная и томящаяся в ожидании, Джессика позволяла ему делать все, что он хотел.

А мужское тело точно знало о своих желаниях. Просто войти в нее. Сделать это прямо сейчас и испытать лучшие в мире ощущения. Данная истина глубоко укоренилась в нем и не имела ничего общего с воспоминаниями о прошлой ночи. Он был животным и желал трахаться.

Но ему нужно было *все*, а не только секс.

— Поднимись повыше, — произнес Калевб, подсовывая свои руки под ее бедра, чтобы подтолкнуть Джессику выше на кровати. Она сместилась вверх, потом поднялась на локтях, внимательно наблюдая за ним, будто боялась того, что мужчина мог сделать.

Теперь, когда у него появилась возможность, Калевб присел на пятки, чтобы посмотреть на Джессику. Он никогда не рассматривал женщину подобным образом, только если видел мельком, во всяком случае, этот вид опьянил его. Он так отличался от тела мужчины. Колоссальная разница.

Калевб заскользил руками вверх по ее бедрам, большими пальцами погладив впадинки чуть ниже киски. Девушка напряглась, и ее натянутые сухожилия уперлись в его большие пальцы. Он повторил движение, наблюдая за игрой ее мышц. Дальше Калевб решил затронуть местечко между ее ног.

Джессика втянула живот. Он взглянул вверх, и, увидев, что девушка наблюдала за его руками, сделал это снова. Ее рот приоткрылся, и тогда мужчина пальцем коснулся того же сладкого места, которое трогал накануне вечером, заставив девушку ахнуть. Ее киска заблестела в свете лампы.

Калевб проследил очертания ее складок и наклонился ниже. Теперь он мог почувствовать запах Джесс. «О, Боже». Рот мужчины наполнился слюной, а член запульсировал.

Это было единственным, что сейчас он осознавал. Ее киска была всем, что Калевб мог видеть, чувствовать и ощущать на запах в данный момент. Больше в мире ничего не существовало. Ни прошлых обещаний. Ни Калифорнии. Никаких других мужчин. Никаких ошибок. Только этот сладкий центр и его пальцы, скользящие по ее влажности. Мужчина опустил голову и поцеловал ее.

Джессика попыталась свести бедра вместе, но мужские плечи ей помешали.

— Позволь мне, — прорычал он.

— Калевб... — она протянула руку, чтобы остановить его.

— Если ты позволяла это другим мужчинам, тогда разреши и мне.

Рука девушки остановилась.

Мужчина хотел попробовать ее, и Джесс не имела права ему мешать, не после того, как согласилась на все это. Ее пальцы скрючились, и девушка положила руку обратно на кровать. Калевб снова поцеловал Джессику, глубоко вдыхая аромат ее киски, который заполнил сначала его нос, а затем и все тело. Его сердце забилось быстрее, а кровь таким потоком прилила к его члену, что Калевб стал испытывать боль.

Мужчина ласкал Джесс, скользя языком вдоль мокрых складок и наполняя свой рот ее вкусом. Джессика всхлипывала, однако он знал, что не причинял ей боли. На самом деле то, как влага затопила его рот, когда Калевб снова лизнул ее — повергло его в шок. Нет, Джесс было не больно. Ей это нравилось. Девушке доставлял удовольствие язык мужчины на ее киске.

Он облизал весь путь до заветной точки. Когда Калевб достиг ее, Джессика закричала. Ее бедра дернулись в его сторону, и она попыталась увернуться, но мужчина обернул руками ее бедра и прижал к себе.

Калевб тут же вспомнил истории, которые слышал, сидя вокруг костра или за стаканом виски. Мужчины хвастались, что можно заставить любую девушку согласиться на секс, если поцеловать ее киску. Они рассказывали о том, как женщины умоляли вставить в них член,

если ты неторопливо работал языком.

Калеб хотел, чтобы она умоляла.

Мужчина подтянул ее ближе, открыл рот и принялся посасывать клитор. Джессика снова начала извиваться. Но на этот раз девушка не пыталась вырваться. А наоборот приподнимала бедра к его губам, пока он лизал. Его милая и скромная Джессика толкала свою киску в рот мужчине, чтобы получить большее.

И Калеб дал ей больше. Он быстро заработал языком, наслаждаясь ее дикими выкриками. Мужчина оказался здесь не единственным животным.

— Пожалуйста, — застонала Джессика, и ему это понравилось. Она запустила руки в его волосы. — Пожалуйста, Калеб.

Маленькая точка, которую он тщательно облизывал, становилась все крупнее и тверже под его языком.

— О, Боже, — простонала Джесс. — Пожалуйста. Я не... ты должен остановиться. Пожалуйста.

Ее бедра дрожали, раскачивались и прижимались к его голове.

— Стой! — закричала Джессика. Ее тело дернулось, а затем еще раз, в то время как рваные крики вырывались из ее горла.

Калеб не поднимал голову до тех пор, пока она, задыхаясь, не уронила бедра на кровать.

— О, Боже, — вздохнула девушка. Ее ноги дрожали, словно листья на дереве. — Калеб.

Он посмотрел на нее, Джессика сделала глубокий вдох и прижала руку ко рту.

— Я сожалею, — прошептала Джесс. Станный, высокий звук проскользнул сквозь ее пальцы. — Прости, Калеб.

Мужчина понял, что девушка начала плакать только тогда, когда она зарыдала.

— Не плачь, — сказал Калеб автоматически.

Он не причинил ей вреда и знал об этом. Она кончила.

— Я сожалею, — повторила девушка, сильнее прижимая руку к губам, когда Калеб поднялся. Слезы потекли из глаз Джессики и скрылись в ее волосах. Она протянула к нему руку, и ее заплаканные глаза встретились с его. — Прости меня за то, что я сделала. Мне жаль, что я не верила тебе.

Калеб попятился на кровати и встал, слегка запаниковав, хотя не был уверен почему. Он не желал видеть ее слезы. Нет. От них у него болело в груди.

— Не плачь, — повторил Калеб.

Джессика покачала головой, и на ее лице появились признаки следующего потока слез.

— Прекрати, — мужчина мечтал, чтобы она заплатила за все. Жаждал, чтобы девушка сожалела, но не так.

Необходимость успокоить ее причиняла Калебу физическую боль. Он хотел помочь. Укачать ее в своих объятиях, высушить слезы поцелуями и сказать ей, что все будет хорошо. Но уже никогда не будет хорошо. Ярость заполнила мужчину от мысли, что все могло бы сложиться иначе. Сейчас Калеб уже не мог помочь ей, и Джесс была не в силах исправить что-либо.

— Перестань плакать, — велел Калеб.

— Мне жаль, — заикаясь, повторила девушка. — Мне так жаль.

Он сжал кулаки, борясь с желанием подойти к ней. Как Джессика могла так поступить с ним?

— Если тебе так чертовски жаль, — отрезал он, — тогда встань на колени и докажи мне

это.

Ее глаза расширились. Наблюдая за ним, Джессика пыталась подавить рыдания. Возможно ли, что она неправильно его поняла? Нет, все верно. *Калев* ее *не* предавал. Джесс не имела права заставлять его чувствовать себя виноватым. Он просто стоял и ждал.

Наконец, Джесс кивнула. Взяла простынь и вытерла ею лицо и нос.

— Ладно, — прошептала девушка. Она поднялась с кровати, Калев старался не обращать внимания на слезы, которые все еще катились у нее из глаз.

Джесс встала на колени, ей не пришлось повторять дважды. Складывалось впечатление, будто она делала это сотню раз.

Калев шагнул ближе, его член вновь затвердел при виде голой девушки, стоящей перед ним на коленях.

Все-таки он должен был остановить ее, чтобы Джесс не ощущала неловкость.

Джессика посмотрела на него и медленно подняла руки к его бедрам. Калев вздрогнул от первого прикосновения, а затем закрыл глаза от ощущения ее пальцев, ласкающих его кожу.

— Прости, Калев, — прошептала Джесс еще раз. — По-настоящему.

А затем ее губы коснулись его пениса.

От шока мужчина резко вдохнул. Джессика отстранилась и посмотрела на него, но увидев, что тот вцепился в нее взглядом, повторила свое движение, мягко обхватив губами головку члена.

Калев наклонился ближе и обернул кулак вокруг своего пениса.

— Я сожалею, — прошептала она, и ее дыхание коснулось мужчины.

— Да, — сказал он, сраженный видом Джессики стоящей на коленях с открытым ртом так близко к его яйцам. Она посмотрела на Калеба и опустила взгляд вниз. Кончик розового языка появился на мгновение, как будто девушка хотела лизнуть его, но вместо этого лишь пододвинулась чуть ближе.

Калев хотел снова увидеть ее язычок и жаждал прикосновений Джесс к своему достоинству.

— Попробуй меня, — потребовал он, и удовольствие от грязных слов закружилось у него в животе.

Его больше не волновали ее слезы. Он хотел трахнуть ее рот.

Калев запустил пальцы в волны рыжих волос девушки и обхватил ее затылок.

— Попробуй мой член, — сказал он и притянул ее ближе.

* * *

Когда об этом говорила Мелисанда, казалось, что сделать это достаточно просто.

Но ничего простого в этом не было. Джессика делала минет только однажды, и ничего общего с тем, что происходило тогда, сейчас не было. В тот раз мужчина толкнулся в ее рот и приказал ей сосать. Единственное, что в действительности она делала — это старалась не блевануть.

Но Калев... Калев хотел чего-то другого. И его запах не вызывал у нее тошноту.

Сердце Джессики забилося чаще. Его член был очень толстым, а слегка темная кожа на нем оттянулась, чтобы обнажить широкую головку. В этом было что-то животное. Вульгарное. Но, по какой-то причине, она считала этот вид... соблазнительным.

— Джессика, — пробормотал он.

Девушка кивнула и вдохнула в темноте его запах. После чего облизала фаллос быстрым движением языка. Калевб застонал от этого легкого прикосновения. Джесс это понравилось. Слышать его реакцию на нее. Знать, что, несмотря на всю его силу и руку в ее волосах, это делало его слабым.

Пальцами девушка сильнее сжала его бедра и снова лизнула, а затем еще раз, пробуя его, как того просил мужчина. На вкус он был соленым и теплым, и те ощущения, которые мужчина вызвал у нее своим ртом, снова начали оживать между женских ног.

Желая ослабить Калеба еще больше, Джессика провела языком по головке, медленно втягивая его плоть в рот. На этот раз он вдохнул так резко, что она услышала, как воздух прошел через его стиснутые зубы.

— Больше, — задышался Калевб.

Джессика открыла рот и дала его члену скользнуть глубже по языку. Она попробовала все, что предложил Калевб. Его кожу, солоноватый вкус и секс. Мышцы мужчины задрожали.

— Да, — простонал мужчина, — вот так. Вот так, Джесс. Отсоси у меня.

Это был первый раз, когда Калевб назвал ее Джесс с тех пор, как вернулся. Может быть, на этот короткий миг он забыл, что ненавидел ее. Она сомкнула рот вокруг него и глубоко всосала, прижимаясь к его телу.

Мужской стон был таким сильным, что девушка почувствовала вибрацию через руки. Калевб толкнулся немного глубже в рот, но, не просто грубо трахая ее, как она ожидала. Он скользил медленно, потом снова выходил, его рука нежно держала ее за голову, а не заставляла насаживаться на его член.

— Глубже, — зашептал Калевб. — Бери глубже.

Она пыталась. Джессика сосала сильнее, но не могла вместить в себя больше, чем половину его члена, не поперхнувшись.

Мужчина взял ее руку и обернул вокруг своей эрекции.

— Покажи мне. Покажи мне, как ты это делаешь, Джесс. Покажи мне, что ты умеешь.

Стыд окатил ее, но девушка совершенно запуталась в желании, согревавшем ее киску.

Она не знала ничего, чтобы показать ему, однако пыталась. Когда Калевб своей рукой сжал ее пальцы, Джессика твердо обхватила его плоть и начала двигать рукой, как это делал он.

Она продолжала доставлять ему удовольствие, от чего мышцы его бедер задрожали. Дыхание мужчины стало быстрым и рваным, а кулак крепче сжал ее волосы.

— Да, — сказал Калевб. — Да, соси его. Покажи мне, шлюшка.

Джесс закрыла глаза. Она была шлюхой. Проституткой. Продажной женщиной. И она принадлежала Калебу, пока он не закончит с ней.

От твердого пола у девушки заболели колени, а челюсть заныла от растяжения, но Джесс не возражала. Девушка заслужила эту боль. Заслужила все это.

Его рука призывала ее двигаться быстрее, и она старалась не отставать от заданного им темпа, сжимая его бедра. Джессика пыталась поймать воздух через нос и продолжала делать то, что хотел мужчина.

— Я кончаю, — прорычал Калевб.

Девушка знала, что это означало, и почти запаниковала, но, когда семя наполнило рот, она начала глотать, пока он наполнял ее снова и снова. Наконец Джессика вырвалась, и

мужчина позволил ей сесть на колени и откашляться.

Калеб стоял, склонившись над ней и тяжело дыша, с растопыренными пальцами, словно по-прежнему тянулся к ней. Его член блестел от слюны и семени. Джессика смотрела на него в изумленном молчании, пребывая в шоке.

Мужчина выпрямился и покачал головой.

Калеб отвернулся, и она подумала, что все закончилось. Джессика потянулась в сторону кровати. Она не могла сидеть голой на коленях и просто ждать, когда Калеб уйдет, но как только Джесс взяла одеяло, чтобы прикрыться, Калеб обхватил ее плечо.

— Вот, — сказал он, когда девушка развернулась к нему. Ее колени, наконец, обессилели, и Джесс резко приземлилась на кровать, смотря в растерянности на то, как Калеб потянулся к ее лицу с полотенцем.

Холодная вода была как манна небесная для ее разгоряченной кожи. Сначала мужчина вытер ее щеки, потом уголки глаз, а затем и рот, касаясь губ так нежно, будто мог их повредить.

Джессика забрала у него полотенце, боясь, что разрыдается от такого нежного прикосновения. Она грубо вытерла вокруг рта и уставилась на смятую ткань в руке.

Калеб протянул ей бутылку виски, но Джесс так вцепилась в полотенце, что ему пришлось раскрыть ей пальцы и забрать его. Глоток из бутылки смыл вкус мужского семени, что был у нее во рту.

Джессика не могла поднять глаза. Не хотела.

Скрипнули половицы, и Калеб отошел от нее. Джесс сделала еще глоток спиртного, на этот раз даже не поморщившись от резкого вкуса. Если бы она выпила достаточно, то смыла бы больше, чем его вкус. Обратила бы в пепел прошлое, свою память — все, что знала. На какое-то время.

Джессика услышала плеск воды и поняла, что Калеб решил ополоснуться. Смыть ее с себя.

Отставив бутылку в сторону, Джесс свернулась в постели и потянула одеяло к подбородку. Калеб прошел по комнате, и его тень легла на стену. Он потушил сначала одну лампу, а потом другую, и его тень исчезла.

— Дождь начался, — прошептал Калеб.

Смешно, девушка не заметила стука дождя по крыше, но как только прислушалась к нему, удар грома сотряс дом. Калеб мягкими шагами подошел к окну, и долгое время смотрел в него, прежде чем приблизиться к кровати. Он присел, и тонкий матрас просел под спиной Джессики.

Она хотела попросить его остаться. Глупая мысль.

«Зачем ему оставаться?» И почему ей должно быть комфортней, если он будет рядом?

От этой дурацкой идеи у нее начало побаливать в груди. Если бы Калеб остался, то девушка могла бы притвориться, что он любил ее и принадлежал ей.

Мелисанда говорила, что иногда полезно помечтать. Что порой фантазии помогали прожить еще один день.

— Зачем ты это сделала? — спросил он сквозь тихий шум дождя.

Джессика хмуро посмотрела на пожелтевшие обои на стене.

— Ты сказал мне.

— Я не об этом. Я имею в виду, почему ты занялась *этим*?

Кровать покачнулась, когда мужчина показал на что-то, но Джесс не увидела на что именно. На ее тело, дом или жизнь.

«Почему? Потому что Калеб оставил ее, отец умер, ее обманули, ей было страшно и одиноко».

Девушка покачала головой.

— Почему, Джессика?

— Я умоляла тебя не уезжать, — прошептала она.

— Но ты знала, почему я уехал. Для тебя. Для нас. Ты не можешь винить меня. Я не превращал тебя в это.

«Нет. В этом не было его вины». Джесс сделала это сама.

— Я боялась, — сказала девушка, закрывая глаза от слабого света.

— Чего?

Снова прогремел гром, но где-то очень далеко. Она боялась очень многих вещей так долго, что трудно было вспомнить.

— Мой отец умер, — начала Джессика. — Это было так неожиданно. Я чувствовала себя... брошенной. Одинокой. Тебя не было так долго, и я слышала...

Когда Джессика замолчала, его вес сместился, и голос зазвучал гораздо ближе.

— Слышала что?

Девушка пожала плечами.

— Это не имеет значения. Я написала тебе. Умоляла вернуться домой. Ты не ответил.

— Я не получал это письмо.

Да, сейчас она это прекрасно понимала. Скорее всего, несколько писем его отчим не отправил. По крайней мере, ни одного письма от Калеба девушка никогда не получала. Его отчим, вероятно, уничтожил их.

— У него были долги, — сказала Джесс. — У моего отца. Я должна была предвидеть это. В первую очередь долги были причиной, по которой мы переехали из Пенсильвании в Колорадо. Мы жили не по нашим средствам. Я поняла это только недавно. Он любил изысканные вещи. Для него костюмы и платья для меня, французские вина и экзотические фрукты, множество книг — все это поставлялось из Европы. Через несколько дней после его смерти я узнала масштабы трагедии. Отец очень много задолжал. Дом принадлежал больнице и должен был быть освобожден для нового директора, а все остальное... все остальное было продано, чтобы оплатить его долги.

Она вдохнула, пытаясь ослабить страх в груди. Джессика каждый день просыпалась с уверенностью, что все наладится. Что положение улучшится. Но не было никого, кто бы мог спасти ее. Отсрочку тоже не давали.

Пока однажды отчим Калеба не предложил помочь. Она зажмурилась. Девушка не могла сказать ему об этом. Ни за что.

— Все наши вещи были распроданы, — быстро сказала Джессика, желая побыстрее закончить эту историю. — У меня ничего не осталось. Ни жилья. Ни возможности поддержать себя. Ни каких-либо навыков. Ни семьи.

— У тебя был я, — ответил Калеб. — Я бы приехал в течение нескольких недель. Дней, если бы сел на поезд из Фриско.

Сожаление царапало ее своими когтями.

— Я думала... я была уверена, что ты не вернешься.

— Почему? — рявкнул он. — Что я тебе сделал, чтобы заставить думать так, что?

— Ты уехал. После того, как я умоляла тебя не делать этого! — Джессика попыталась успокоить пульс, делая глубокие вдохи, прежде чем заговорила снова. — Ты уехал и в течение двух лет делал Бог знает что в Калифорнии. Да, я потеряла веру, Калеб. Мне было страшно. У меня *ничего* не осталось. Даже обещания, что ты женишься на мне.

— Ты знала, что я имел это в виду.

Джесс сидела и смотрела на него, выплескивая свой гнев через слова.

— *Имел в виду?* Ты сказал мне, что если я встречу кого-то лучше, то должна выйти за него замуж. Ты был *готов* отпустить меня.

— Никогда.

— Тогда тебе надо было жениться на мне, вместо того, чтобы бежать и преследовать удачу!

— Это не моя вина! — закричал Калеб. — Я сделал то, что обещал. Довел себя до полусмерти. Купил землю и дом. Если бы ты только продержалась еще несколько месяцев, мы могли бы... — он закрыл рот и обхватил голову руками. Его плечи опустились, и Калеб тихо выдохнул.

Джессика знала, что он хотел сказать. Они могли бы пожениться. Могли уехать и иметь свое местечко, где касались бы друг друга так страстно и так часто, как захотели бы.

Но Джесс не поверила в него. Она была сердита, когда он уехал, но быстро с этим смирилась. И ждала его. Никогда не планировала для себя любого другого будущего кроме как быть его женой. А потом месяцы превратились в годы, и девушка стала отчаиваться. И его отчим с радостью проводил ее вглубь темноты.

— Сожалею, — прошептала Джессика. — Когда ты не ответил на мое последнее письмо, я просто...

— Просто решила заняться *этим*?

— Нет, я... это было не так. Кое-кто... *пришел* ко мне. Предложил заплатить. За мой первый раз.

Его лицо напряглось, и Калеб поморщился.

— Сколько?

Джессика сглотнула. Это было сложно. Там был дом с землей и...

— Больше, чем смогла бы заработать за несколько лет учителем, прачкой или компаньонкой. Сделав это, я смогла обеспечить себе безопасность.

— И это оказалось так легко, что ты решила продолжать этим заниматься?

«Легко. Легко лежать и позволять мужчине причинять себе боль».

— Нет. Нет, это было нелегко.

— Боже, Джессика... — прошептал Калеб.

— Это было нелегко, — повторила она, снова ложась на спину и укрываясь одеялом.

— Сожалею, — сказал Калеб так тихо, что девушка не была уверена, слышала ли эти слова.

Она замерла, желая спросить, действительно ли он извинился перед ней, но не смогла. Знала, что этот шепот был единственной уступкой, которую она получит от него. Мужчина извинялся за то, что Джесс сделала с собой или ему было жаль, что он уехал из города? Гром прокатился над ними снова. И девушка уткнулась лицом в подушку.

Калеб коснулся ее плеча своей горячей рукой.

— Кто это был? — спросил он.

Джессика больше не хотела об этом говорить. Она ничего не могла ему сказать. Лишь

покачала головой.

— Кто это был? — повторил мужчина. — В этом городе всего две тысячи человек, и я хочу выяснить, кто это был.

Она продолжала молчать.

— Кто-то, у кого есть деньги, — прорычал Калеб.

— Это не имеет значения, — выпалила девушка.

— Конечно же имеет. Этот человек взял кое-что мое.

Воздух покинул легкие Джессики, как будто ее ударили в живот. У нее закружилась голова, словно кровать под ней начала вращаться.

— Он взял кое-что *мое*, — ответила Джессика.

— Нет. Ты это продала.

«Да. Это была правда. Гадкая, противная истина». Но мужчина все-таки вызвал в ней ярость. Джессика дернула плечом, от чего его рука скользнула с ее тела.

— Он сделал тебе больно? — Калеб произнес это настолько неприветливо, что она поняла — мужчина не хотел об этом спрашивать.

— Это не важно.

«Да, он причинил боль». Но она не шла ни в какое сравнение с тем, когда Калеб называл ее шлюхой и осознанием того, что он имел на это право.

— Это важно, — подчеркнул он.

И ее ярость иссякла. Мужчина ненавидел ее за то, что она стала шлюхой, однако переживал, что ей причинили боль.

Это одна из причин того, почему Джесс влюбилась в него много лет назад. Калеб был большим, грубым и серьезным, но, несмотря на это, складывал остатки еды в салфетку для бездомных котят, которые жили за ее домом. Калеб даже как-то признался, что его ужаснуло то, как объезжали новых лошадей, и он испытывал к ним жалость. Ведь животные хотели свободы.

Калеб был практичным, жестким и упрямым, а его сердце было больше, чем у любого джентльмена, с которым знакомил ее отец. Боже, она любила его. Даже после этого.

— Ты можешь остаться, — прошептала Джессика. — Пока не пройдет гроза.

На мгновение она испугалась, что Калеб посмеется над ней. Поглумится над идеей лежать в одной постели со шлюхой. Данный момент растянулся в ужасной тишине. Он ничего не ответил и не двинулся.

— Если хочешь, — пробормотала девушка пересохшими губами, и ее сердце затрепетало, пока она ждала ответа мужчины.

— Спасибо, — сказал Калеб, что не было точным ответом, но потом он поднял покрывало.

Кровать скрипнула. Мужчина лег позади и всем телом прижался к ней.

— Ах, — Джессика вздохнула, шокированная таким контактом. Она никогда не чувствовала подобного. Голый и горячий мужчина прижимается к ее спине. Его руки остановились на ее талии, и их тяжесть показалась ей странной и утешительной.

— Я уйду, как только закончится дождь.

Его дыхание согрело шею Джесс.

— Хорошо.

Мышцы заболели от напряжения, ведь девушка пыталась лежать рядом с ним, вытянутая как струна. Но Джесс так устала. Она почти не спала последние две ночи. Джессика

понемногу расслаблялась, позволяя себе прильнуть к нему. Ей стали известны все изгибы его тела. Его жесткие бедра. Ощущение его волос на ее коже. Где-то внизу она почувствовала тепло его члена. Сердцебиение Джесс начало потихоньку успокаиваться.

В наступившей тишине у девушки было время подумать и удивиться тому, что мужчина заставил ее почувствовать этой ночью. Он прикасался к ней своим ртом. Там. К месту, которое Джессика старалась не трогать, потому что оно было запянуто. Разрушено. Но Калев прикоснулся к ней. Он трогал, целовал и лизал ее, от чего странное чувство наполнило эту часть девичьего тела.

Джессика этого хотела. Чего-то большего. Она поднимала к нему бедра все выше и выше, и, наконец, произошло нечто чудесное. Что-то такое сладкое, яркое и всепоглощающее, отчего ее крики радости превратились в рыдания. Сейчас, просто думая об этом, внутри девушки снова начало все таять.

«Неужели мужчины испытывают это каждый раз? Так вот почему они такие жадные и цепкие, вот почему их лица превращаются из знакомых и вежливых в животные гримасы?» Ощущения заставляли Джессику стонать и кричать. Ее горло все еще пылало от криков.

Калев вздохнул у ее шеи. Его рука скользнула вдоль ее бедра, а затем обратно на ее талию.

— Ты все такая же красивая, Джесс.

Она могла бы заплакать от этих слов, если бы не отвлеклась на то, как Калев медленно провел рукой по изгибам ее бедер. А потом от ребер до груди.

— Такая идеальная, — прошептал мужчина.

Девушка ощутила, как его член зашевелился и увеличился в размерах, когда большой палец Калеба коснулся ее соска. Тот сразу же затвердел от давления. Его руки едва шевелились, и мужчина держал ее, подобно сокровищу.

Джессика решила помечтать.

Она закрыла глаза и позволила себе почувствовать то, чего всегда хотела.

— Ты такая мягкая, — вздохнул он. — Поверить не могу, что можно быть такой мягкой.

Да. Это была их кровать, а она являлась его женой, и Калев по-прежнему любил ее. Джесс хотела, чтобы он трогал ее везде, чтобы она *ощущала* его повсюду. Жаждала отдавать ему все снова и снова, потому что они принадлежали друг другу. Как сейчас. Голые и только вдвоем, с его твердым членом, конечно же.

Калев зажал ее сосок между пальцами, и Джессика резко вдохнула.

— Тебе нравится это, Джесс?

Ей было стыдно говорить подобное. Но стыду нет места здесь, в их постели, потому что Джессика фантазировала, как Калев любил ее. Она закрыла глаза и отказалась вспоминать правду.

— Да.

— Боже, — пробормотал мужчина, его пальцы снова сжались.

Удовольствие пронзило девушку. Она выгнулась в его руках, а ее бедра прижались ближе к телу Калеба. Мужчина хмыкнул и придвинулся к ней вплотную. Его член уютно устроился между половинок ее попки.

— Я не знал, что это тебе понравится, — прошептал Калев, пальцами перебирая и пощипывая соски, пока девушка извивалась и стонала. Джесс тоже не знала. Вообще-то она не должна была наслаждаться этим. Джессика воспитывалась как дворянка, но, возможно,

это не было ее истинной природой. Вероятно причиной, по которой девушка сказала «да» всему этому, было то, кем она стала. Исползованной, неудовлетворенной и похотливой.

— И это, — сказал Калев, когда его рука оставила в покое сосок, чтобы спуститься вниз по обнаженному животу. Своими пальцами он коснулся ее волос и продвинул их дальше. — Тебе нравится это.

Мужчина нашел ее киску и погладил там все складочки.

— Да, — выдохнула Джесс, дергая бедрами от его прикосновений.

Он начал делать покачивающие движения, со стоном скользя членом вдоль ее ягодиц.

— О, да.

Джессика слегка раздвинула ноги, чтобы он мог коснуться ее. Да, девушке это нравилось. Она любила это. И если бы женщины могли заплатить, чтобы ощутить себя подобным образом, вполне возможно, что Джессика оказалась бы в числе тех, кто заплатил бы. И она заплатит ему, даже если Калев будет делать все, что захочет. Трахает, посасывает, гладит и целует.

— Мне нравится, — Джессика задыхалась, когда его пальцы начали поглаживать ее вверх-вниз между ног. — Мне это нравится.

— Да, — прошептал Калев, работая рукой и ударяясь об ее попку. — Да. Ты любишь это.

— Люблю, — она положила свою руку поверх его и прижала ее сильнее, раздвигая пальцы внутри себя. — Я люблю тебя, — простонала Джесс.

Рука мужчины дернулась, девушка знала, что не должна была в этом признаваться, но это не имело значения. Это было не по-настоящему. Лишь в ее мечтах.

— О, Боже. Джесс.

Его пальцы ощущались слишком грубыми, но ей было наплевать. Другой рукой Калев схватил девушку за волосы, потянув голову назад. Мужчина прижал рот к ее шее, пока трахал девушку рукой, а его бедра ударялись об ее задницу. Ягодицы Джессики вспотели, и мужчине стало легче скользить по ним вместе с ней в одном ритме. Она выгибалась и извивалась, требуя большего, желая снова это ощутить. Девушка чувствовала приближение оргазма, далекое, мерцающее и дразнящее.

— Тебе это нравится, черт возьми, — прорычал Калев в ее влажную шею. — Тебе это нравится.

— Да! — девушка в любом случае принадлежала ему. Не важно, кем она была... его проституткой, любовницей или женой. Это не имело значения.

— Я хочу тебя сзади, — сказал Калев таким глубоким голосом, что она едва разобрала слова.

— Пожалуйста. Пожалуйста, — застонала Джессика. По крайней мере, Джесс знала эту позу. Мужчина хотел ее на коленях, как животное. Но она уже это делала. И сделает снова для Калеба.

Мужчина отстранился от девушки, и ей стало холодно. Джессика заставила ослабленные мышцы работать. Подтянула колени вверх и перевернулась, поднимаясь на руках. Она ждала этого момента; глаза по-прежнему закрыты, но мужчина к ней не прикасался. Девушка слышала его шаги. Уловила скрип половиц. И, как только открыла глаза, кровать снова прогнулась. Джесс напряглась, в ожидании, что Калев войдет в нее. Но он этого не сделал.

Своей рукой мужчина коснулся ее ягодиц. Пальцами проскользнул между ними, и что-

то прохладное и гладкое прижалось к тугой дырочке ее попки. Она вздрогнула.

— Калев? — захныкала девушка, но не отодвинулась. Тогда он нажал сильнее. Джессика застыла в полном шоке, и его палец скользнул внутрь.

Джесс вздрогнула, ожидая боли и готовая двигаться дальше. Это не то, что она имела в виду. Не то, чего ей хотелось.

Однако девушка знала, что этому уже поздно сопротивляться. Несколько мужчин говорили ей, что хотели бы сделать это. Мистер Стил — мясник, который снимал свою шляпу при встрече с ней, в ее предыдущей жизни, однажды наклонился к ней в магазине и прошептал, как бы хотел смазать ее попку и трахнуть девушку туда.

Джессика уставилась в изголовье широко открытыми глазами, когда его палец медленно продвинулся глубже. Это не было больно, но она чувствовала себя странно. Неправильно. Девушка задыхалась, ее дыхание осушало горло. Пальцем Калев двигал внутрь и наружу, посылая странные сигналы удовольствия.

— О, — выдохнула она, прикрывая трепещущие веки. Джесс чувствовала такое странное давление внутри.

Мужчина вытащил палец, и теперь ощущения были необычными. Пустота. Очевидно, что все это сейчас произойдет с ней. Девушка желала большего.

Она уловила аромат лаванды, исходивший от собственной кожи. Калев снова дотронулся до ее попки, и на этот раз он проник туда легко, хотя она все-таки отстранилась. А потом мужчина начал трахать ее пальцем, медленно скользя, что заставило девушку расслабиться, и захныкать. После чего ее руки ослабли, а бедра задрожали. Сладкое обещание закралось в ее душу снова. Все было не так. Неправильно. Но эта уверенность сделала удовольствие еще более интенсивным.

— Калев, — девушка вздохнула, ее руки упали, и она толкнулась бедрами вверх. Прижалась лбом к подушке и застонала. Она хотела сказать, чтобы мужчина остановился, но слишком боялась, что он так и сделает. Это не должно было ощущаться так хорошо. Так не должно было быть. Но даже без прикосновений к ее киске, та была мокрой и жарко пульсировала, сжимаясь с каждым скольжением его пальцев в ее анус.

— Боже, — застонала она. — Нет.

Джессика повела рукой к своему центру, потом к тому месту, которое болело, сильно надавливая против него, желая, чтобы это прекратилось, но ей стало еще больнее. Она покачала головой, но все равно еще раз приподняла бедра ему навстречу.

Его палец выскользнул.

— Пожалуйста, — взмолилась девушка. — Пожалуйста, Калев.

Удовольствие подкатывалось все ближе и ближе, как гром, звучащий над ними. Она хотела, чтобы оно накрыло ее.

Джесс услышала, как Калев смазал член слюной, а затем ощутила холодную влагу на себе. На этот раз он нажал сильнее. Девушка почувствовала, что ее тело начало для него открываться. Растягиваться.

— Калев, — выдохнула она, осознав, что сейчас он толкал в нее не палец, а член. — Подожди, подожди, — Джессика задыхалась, и ей казалось, что сейчас она признается ему в обмане. Что никогда не делала этого, что она не готова, и что ему надо прекратить. Все было не так. Неправильно и так противоестественно.

— Ш-ш-ш, — пробормотал мужчина. — Позволь мне, Джесс. Ты обещала.

Его руки ласкали ее бедра. Давление немного ослабло, и она попыталась отдышаться.

Было горячо, но точно не больно. Она просто чувствовала себя... заполненной. Его телом и его потребностью. Полностью использованной.

Теперь Калев положил обе руки на ее бедра, поглаживая, успокаивая, но его член все еще растягивал все внутри нее.

— Я хочу трахнуть тебя всеми возможными способами, Джесс, — сказал он. — Всеми. Хочу прикасаться к тебе. Исследовать каждый твой дюйм, прежде чем все закончится.

«Нет», — девушка покачала головой. Ничего еще не закончилось. Сегодня она могла делать то, что хотела. Калев был ее мужем. Он любил ее. И всегда будет. Девушка даст ему все. Джессика хотела быть заполненной им. Ничего не чувствовать, кроме его члена, невероятно плотно находившегося в ней. Не знать ничего, кроме этого. Только эта ночь, интимные действия и данный человек.

Девушка зажала ладонь между ног; шок от удовольствия заставил ее застонать, низко и глубоко, как животное. Калев продолжал ласкать ее пальцами. Затем они переместились на ее бедра, переходя от прикосновений к захвату.

Джессика нажала сильнее, двигая ладонью, не обращая внимания на боль, и острое, сладкое наслаждение пронзило ее.

Калев отстранился, а затем вошел чуть глубже.

— Да, — прорычал он. — Дай мне это, Джесс. Дай мне все.

— Да, — ответила она, с сокрушенным вздохом.

— То, что ты давала другим мужчинам.

— Да, — солгала девушка.

Он медленно и очень осторожно двигался внутри Джессики. Его член натянул ее горящую плоть, посылая импульсы ощущений, которые оживали внутри нее, пока ее рука прижималась к киске снаружи. Удовольствие настигло Джесс.

Девушка закричала, желая выцарапать путь к тому пику, которого достигла раньше.

— Тебе тоже это нравится, Джесс?

Пальцы мужчины впились в ее кожу. Его бедра задвигались быстрее, все также осторожно, по-прежнему гладко и легко.

— Тебе нравится заниматься этим вот так? В твою попку?

О, Боже. Девушка начала двигать рукой быстрее, и удовольствие внутри нее начало закручиваться сильнее. Как это было здорово. Как неправильно. Как мерзко, греховно и грязно.

— С тобой, — наконец-то она простонала.

— Что?

— С тобой. Мне нравится заниматься этим с тобой, — она заставила себя говорить, несмотря на пересохшее горло. — Мне это нравится. Мне это нужно. С тобой.

— Иисус, да, — прошипел он. Его толчки стали немного грубее, но ей было все равно. Джессика засунула пальцы себе в киску и закричала. Теперь ничего не существовало в мире, кроме удовольствия. Ничего, кроме его члена, который очищал ее от всей грязи.

— Мне это нужно. Пожалуйста. Пожалуйста. *Пожалуйста.*

Девушка кончила с криком радости, шока и отчаяния. Звериный вопль вырвался из нее, когда давление прекратилось, и наслаждение начало накатывать на нее волна за волной.

Джесс услышала ворчание Калеба, как будто мужчина был очень далеко. Чувствовала, как его член дернулся, и импульсы прошли сквозь плотное кольцо ее плоти. Девушка

прогнула спину, чтобы принять его глубже, в то время как ее собственный оргазм продолжался, мало-помалу утихая.

Джессика любила его. Вот какой она была.

— Пожалуйста, — девушка задышалась в подушку. — Пожалуйста. С тобой.

Дыхание Калеба оборвалось, как рыдание. Он вздрогнул позади нее, и схватил ее за бедра достаточно сильно, чтобы остались синяки. Джессика высунула пальцы из влагища и прошлась ими вдоль своей киски, чтобы почувствовать последнюю дрожь удовольствия. Ее мышцы дернулись еще раз.

— Джесс, — выдохнул он, это был последний интимный выдох, питающий ее печальное воображение. В течение долгого времени ни один из них не двигался. А затем мужчина ослабил хватку своих рук. Выскользнул медленно и освободил ее тело, отчего Джессика задержала дыхание.

Девушка позволила себе упасть на кровать. Теперь она была пуста. Ей было холодно. Кaleb укрыл ее одеялом, но от этого не стало теплее. С ее телом было покончено. Оно обмякло от усталости.

Джесс слышала, как мужчина снова ополоснулся. Слышала шорох одежды, когда он одевался. Дождь прекратился. Кaleb мог уходить.

Она старалась не чувствовать себя опустошенной, когда он так и сделал.

Глава 9

У Калеба возникли проблемы с концентрацией внимания во время разговоров, которые велись в его присутствии. Голоса все чаще сливались с пением птиц, музыкой скрипки и шелестом листьев. Ничего из этого не казалось реальным. Его настоящее «я» все еще находилось в спальне с Джессикой во время шторма.

— Кaleb, — отчитала его мать, невольно обратив на себя внимание мужчины.

Он искоса взглянул на лицо матери, скрытое от солнечных лучей широкополой шляпкой, создававшей метровый круг тени.

Мать цокнула языком и покачала головой.

— Тебе не следовало так задерживаться прошлой ночью. Ты готов уснуть, а это все-таки пикник в честь моего дня рождения.

— Прости, мама. Давай я сделаю тебе еще стакан лимонада?

— Нет, посиди со мной немного, — сказала она, нежно похлопывая по стулу рядом с собой.

Кaleb мог вспомнить то время, когда их пикники на одеялах устраивались в грязи, но та жизнь больше не для нее. Сейчас его мать была счастлива. Мужчина не станет ее упрекать за то, что причина ее счастья заставила его извиваться словно жука, загнанного в угол. Мать всегда любила его. Кaleb не мог сказать того же ни об одной другой живой душе.

— Какой прекрасный день, — вздохнула женщина.

— Точно.

Ливень смыл всю пыль и облака с неба. Теперь оно было ясным, ярко-синим и резало глаза.

— Ты видел Милдред с ее внуком? Не могу поверить, что ее сын стал отцом. Разве вы не друзья?

Кaleb нахмурился, пытаясь сосредоточиться на этих людях, ничего не значивших для

него.

— Томми? — спросил он. — Томми Шроп?

— Да, Томми! Сейчас все, конечно же, зовут его Томом. Он — адвокат. Они уезжают в Канзас в следующем месяце.

Это казалось правильным. Томми был одним из мальчиков, ухаживавших за Джессикой. Одним из мальчуганов, глумившихся над Калемом. Сузив глаза, мужчина оглянулся в поисках Томми Шропа, но не увидел его.

— Тебе тоже придется скоро обосноваться, ты так не думаешь, Калем? Ты мог бы вернуться сюда. Побывать рядом некоторое время. Найти себе жену. Калифорния так далеко.

«Найти себе жену». Он не мог представить себе женщину, которую хотел бы достаточно сильно, чтобы провести с ней остаток своей жизни. Работать. Болтать. Лежать ночью в постели. Джессика была исключительной, подходившей ему по всем параметрам. Единственной, кого он мог представить рядом с собой на всю жизнь. Не только из-за ее красоты. Из-за смеха, слов и кругозора. Уникальная девушка, наделенная богатым складом ума для того, чтобы заставить его чувствовать себя умным.

— Можешь ли ты представить себе звезды, Калем? — спросила однажды Джесс, глядя в ночное небо. — Можешь ли вообразить, что каждая из них — это солнце, такое же, как наше?

— Сияющее для других миров? — спросил он, вытягивая шею, чтобы увидеть то, что видела она.

— Да. Для миллиона других миров.

И Калем смог это увидеть. Просто, как Джессика и описала.

Калем посмотрел на свою мать.

— О, — она всем своим видом выражала неодобрение, будто громадная дождевая капля омрачила ее солнечный день рождения своим падением. — Ты должен забыть о ней.

— Я должен? Ты когда-то души в ней не чаяла. Любила как дочь. Ты писала мне, что Джесс приходила на ужин раз в неделю, чтобы поддержать вас с Теодором.

Ее лицо перекосилось и нахмурилось, мать уставилась на свои руки в перчатках.

— Приходила. Случившееся стало несчастьем.

— Ты пыталась ей помочь?

— Как я могу помочь такой женщине? Как ты можешь даже просить меня говорить о подобных вещах? Тебе необходимо забыть ее, Калем. Найти хорошую, достойную девушку.

Славную, порядочную женщину. Не девушку, стоящую на четвереньках. Не ту, которой бы это нравилось.

— Калем, — произнес отчим так близко от него, что мужчина подскочил. Он так быстро провалился в воспоминания о Джессике, что не услышал, как подошел Теодор.

— Сэр.

Калем встал, чтобы предложить стул рядом с матерью, но отчим махнул на него рукой.

— Ты поздно пришел, — хрипло произнес он.

— Да, сэр.

Калем подавил желание рявкнуть ему, что это не его дело.

— Надеюсь, что с тобой ничего плохого не случилось?

Мать прочистила горло.

— Он ездил на ранчо Смитов.

— Это правда? — спросил Теодор. — Ты хочешь устроиться там на старую работу?

Калеб встретился взглядом с женщиной.

— Просто навещал старых друзей.

— Некоторые из этих ковбоев настоящие хулиганы. Учти это, наведываясь туда.

Однажды твоя репутация уже опозорила эту семью.

Мать Калеба встала, шелестя юбками.

— Давайте просто забудем об этом, мистер Дарст. Я бы хотела прогуляться, Кaleb. У ручья сейчас должно быть прохладно.

— Да, мэм, — сказал он, предлагая свою руку и борясь с желанием зарычать на своего отчима. Мужчина отвернулся от Теодора и пошел с матерью к ручью.

Он мог изображать вежливое терпение. Был в силах переждать этот день. Сегодня Кaleb снова увидит Джессику, и его сердце сжалось от этой мысли.

Вчера девушке все очень понравилось. Она боготворила *его*. Возможно, разговоры о любви входили в ее платные услуги, но, когда Джессика прошептала это в подушку, признание казалось чистым и правдивым, пока мужчина делал грубые и удивительные вещи с ее телом.

Кaleb думал, что эта сделка доставит ему некоторое удовлетворение. Вместо этого ему хотелось еще больше. Больше Джессики разными способами. Он провел все утро, ломая голову, пытаясь вспомнить все грязные вещи, о которых когда-либо слышал. Мужчина почти не имел собственного опыта. Кaleb потратил несколько монет на женщину здесь и там лишь однажды, чтобы один раз потрахаться, и никогда не совершал того, что он вытворял с Джессикой прошлой ночью. Он хотел, чтобы она трогала его член. Рассчитывал увидеть, как она объезжает его. Потом планировал встать на колени над ней и...

Кaleb расправил плечи и заставил себя перестать думать. Он сопровождал свою мать весь день рождения, но даже это не помогло ему стряхнуть мысли о Джессике.

— О-о, Кaleb, — проворковала мать, сжимая его руку, — это та самая, милая мисс Аннабель. Она была еще девочкой, когда ты ушел, но посмотри на нее сейчас. Созрела для замужества, я бы сказала.

Мужчина послушно взглянул на сладкую, пышную блондинку и представил себе, что ухаживает за ней. От этого Кaleb почувствовал себя еще отвратительней, чем от того, что он проделал с Джессикой.

Его взгляд скользнул мимо девушки к группе лиц, стоявших с ней, потом к людям позади нее. Высший социальный класс этого города. Люди, у которых было время на пикник во вторник. Кто-нибудь из этих мужчин трахал Джесс? Кто-нибудь из них обижал ее?

Кaleb ненавидел их всех. Не мог оставаться здесь, в этом городе. Не в состоянии жить тут и постоянно задавать себе эти вопросы. Но когда эта неделя закончится, как же он сможет уехать?

Глава 10

Джессика чувствовала себя странно весь день. Грустно. Тревожно. Словно ждала чего-то, но чего?

Кaleb снова придет вечером, и она нервничала и волновалась из-за этого, но было еще какое-то странное предчувствие. Некая тяжесть на душе.

Может, из-за всего этого греха? Джесс была проклята. Но ей уже это известно, не так

ли? Девушка перестала молиться несколько месяцев назад.

После смерти отца, она была слишком погружена в горе, чтобы логически мыслить. Сначала это казалось простым. Джессика свяжется с Калебом. Он вернется домой и поможет ей. Но мужчина не ответил, а новости становились все печальней и мрачней. Долги ее отца были огромными, дом принадлежал санаторию, и даже ее собственные вещи теперь были не ее. А Калеб... не собирался возвращаться домой.

Теодор Дарст приехал лично, чтобы сообщить эту прискорбную новость. *«Он нашел новую возлюбленную. Вероятно, скоро женится»*. То будущее, которое она рисовала себе, испарилось.

Сердце забило сильнее, когда Джессика завязала халат и потянула низкую ванну к черному входу. Что это было за чувство? Чувство вины? Вины за то, что она сделала и кому причинила боль?

«Нет, эта туча — не чувство вины». Это гнев, но, конечно, сегодня девушке не на что было злиться. Джессике заплатили за ее собственное удовольствие. Двадцать пять долларов плюс руки Калеба, даровавшие гораздо больше, нежели девичья дрожь, которую она чувствовала. Как Джесс могла сердиться из-за этого?

Но это был гнев. Девушка чувствовала его сейчас, мрачный и жидкий как вода, смешавшаяся с уличной грязью, когда она перевернула ванну на бок.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Из-за чего?»

Джесс забыла вопрос, когда появился Калеб, шагая по грязи, чтобы забрать у нее ванну.

— Позволь мне, — сказал мужчина, подняв ее с легкостью, чтобы вылить последнюю воду под кусты сирени.

— Спасибо.

Выражение лица девушки потеплело, когда она увидела его. Отныне места для гнева не осталось. Джессика была слишком занята, дрожа от нервов. Большими руками Калеб держал ванну так же, как обхватывал Джесс накануне вечером, ей нравилось это, и сегодня мужчина прикоснется к ней снова. Немного удовольствия шло бок о бок с ее болью и одиночеством.

Калеб установил ванну на кухне в углу, где указала девушка, а потом вытер влажные руки о полотенце, предложенное ею. Когда с работой было покончено, она поняла, насколько тусклым был свет, как близко находился мужчина, и каким обнаженным было ее тело под этим тонким зеленым платьем.

— Джесс, — пробормотал Калеб, а затем поцеловал ее.

Поцеловал просто, обхватив руками лицо Джессики, будто нежно любил ее. Калеб сделал глубокий вдох. Казалось, он ждал этого весь день. Возможно ли это? Что мужчина скучал по ней, словно девушка снова была для него настоящей?

Джессика потянулась к нему. Прикоснулась к его челюсти, волосам и шее, а потом провела рукой по линии сильных мышц, красиво округлявших плечи мужчины. Она всегда любила его мускулы, их красивую пошлость по сравнению с теми молодыми людьми, составлявшими ее окружение. В Калифорнии Калеб возмужал. Стал тверже. Его мышцы напрягались и растягивались, когда мужчина обнаженным передвигался по ее комнате. И когда подходил к ней.

Пальцами Калеб нашел шпильки в ее волосах и освободил их, отчего локоны девушки рассыпались по плечам и окутали его запястья. Джессика скользнула руками под пальто

мужчины, и он почувствовал, как они стали единым целым: оба запутались, и никто из них уже не был свободен.

Хотя, это было очередной ложью. Она была свободна. Независима в выборе: умереть с голоду или скончаться от холода. Никто не стал бы оплакивать ее. Кaleb же был волен уйти навсегда. Но не сегодня. Сегодня он останется.

— Наверх, — скомандовал мужчина прямо ей в губы, — ты нужна мне.

Слова были вульгарными и, в тоже время, сладкими на вкус, даже его объятия ощущались слаще, когда Кaleb взял девушку на руки и понес. Сегодня она принадлежала ему. Джессика была его собственностью на несколько часов.

Мужчина усадил ее на кровать и дернул пояс платья. Раскрыл его и встал над ней.

— Посмотри на себя, — прошептал Кaleb.

Джессика удивилась тому, что могла вот так сидеть перед ним, в широко распахнутом платье и с раздвинутыми ногами. Каким-то образом, ее нагота усовершенствовалась: соски, в обрамлении бледно-зеленого хлопка, стали насыщенно розовыми, а волосы между ног темнее.

— Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

Мужчина упал на колени перед Джессикой.

— Ничего красивого, — прошептала девушка, когда тот склонил голову между ее ног. — Это неправильно.

Но слова потеряли всякое значение, когда Кaleb коснулся ее ртом, потому что это было красиво. Изысканно. Его теплые и влажные губы, скользившие по ней, наполняли невероятным удовольствием тело Джесс.

Взъерошенные волосы мужчины были такими темными между ее бедер. Девушке нравилось видеть Калеба там, и когда его язык нашел идеальное место, Джессика застонала.

— Вот так... — призывала она, и перебирала пальцами его волосы.

Казалось невозможным, что девушка прожила всю свою жизнь, не зная, что можно испытать такие ощущения, и, тем более, немислимым, что она могла прожить всю оставшуюся жизнь, не вкусив этих ощущений вновь. Кaleb уйдет, оставив ее в одиночестве. Джессика навсегда крепко удержит эту радость, постарается сохранить все памяти, попытается запомнить, как влажные удары его языка сводили ее с ума. Руками Кaleb раздвинул ее колени шире, раскрывая киску девушки таким образом, чтобы предоставить себе возможность насладиться ею сполна. Он глубоко вошел в нее языком и начал трахать.

Джессика упала на спину, не в силах больше сдерживать себя. Она закинула ноги мужчине на плечи и позволила ему делать то, что он хотел. Кaleb пробовал, лизал и сосал, пока ее бедра не задрожали и не прижались к нему, чтобы получить еще больше наслаждения. Наконец, он сосредоточился на конкретной точке.

— Да, — простонала она, — пожалуйста, Кaleb...

Это было неправильно, но Джессике было все равно. Извращенно, но она любила его. Сходила с ума от губ Калеба, его пальцев, раздвигающих ее плоть, и обожала его член. Она хотела почувствовать его внутри себя снова, любыми способами, какие мужчина мог себе представить.

Воспоминания о предыдущей ночи подтолкнули девушку выше. Джессика почувствовала, как его палец скользнул в ее попку. Кaleb ласкал ее, пока она не стала готовой для его члена. Девушка прижалась лицом к подушке и подняла бедра вверх, потому что хотела, чтобы он взял ее именно так.

— О Боже! — закричала она, когда волна наслаждения жестко прокатилась сквозь ее тело, а бедра дернулись в сторону его рта. Кaleb хмыкнул, крепко удерживая ее ноги, пока девушка кончала.

Джесс все еще трясло, когда он встал и разделся.

— Чего ты хочешь? — прорычал мужчина. — Скажи мне, как сильно ты этого хочешь.

— Трахни меня, — прошептала Джессика.

— Громче, — приказал он снова.

Она сделала глубокий вдох и произнесла более громко:

— Трахни меня. Ты нужен мне. Ты мне так нужен...

Кaleb уложил девушку на кровать, а затем встал на колени между ее бедер. Он вошел в нее медленно, наклонив голову, чтобы наблюдать за движениями члена.

Джессика закрыла глаза и попыталась прочувствовать каждый его дюйм, желая запомнить эти ощущения. Спустя месяцы или годы, когда она будет лежать в одиночестве и страхе в темноте, сожалея обо всем, что совершила, она вспомнит именно этот момент.

Когда бедра мужчины, наконец, соединились с ее, Кaleb вздохнул. Это звучало как любовь, как мир, поэтому она закрыла глаза и представила, что каждый толчок его члена — это нечто сладкое; что она не была шлюхой, а он все еще любил ее.

— Смотри на меня. Я хочу, чтобы ты знала, кто тебя имеет.

— Я знаю, — ответила она. — Это ты, — и девушка открыла глаза, чтобы увидеть его красивое ожесточенное лицо. Прижала руку к его щеке и чуть не заплакала, когда мужчина повернулся, чтобы поцеловать ее ладонь. — Это ты, Кaleb.

— Я так хочу тебя ненавидеть, — мягко признался он.

— Понимаю. Все в порядке.

Мужчина покачал головой и ускорил толчки.

— Все в порядке.

Джессика подняла колени, чтобы принять его глубже и почувствовать, как он растягивал ее.

Кaleb ахнул, а его лицо перекопилось, словно удовольствие смутило мужчину.

— Как же хорошо, Джесс. Идеально.

Девушка обвила его шею руками, и ее пальцы стали скользкими от пота Калеба. Если бы они поженились, это было бы идеально. Безупречно ощущать тяжесть его тела; его бедра,двигающиеся глубже и быстрее; чувствовать его семя, наполняющее ее. Но притворство, на самом деле, ничего не изменило, поэтому она впиалась ногтями в его затылок, а вторую руку положила ему на грудь.

— Нет... — произнесла Джессика, когда выгнулась от удовольствия. — Не кончай в меня, — удалось прохрипеть девушке, хотя ногами она притянула его ближе.

На мгновение тяжелый взгляд мужчины стал пустым, когда Кaleb посмотрел в лицо Джесс, однако затем кивнул. Он вошел глубоко внутрь нее и перевел дыхание, прежде чем выскользнуть из Джессики.

Мужчина оседлал ее бедра, и девушка ждала, что он закончит сам, но вместо этого Кaleb протянул к ней руку и обвил ее пальцы вокруг своей эрекции. Жар от этого порыва потряс Джессику. Влага из ее собственного тела сделала его член скользким.

Кaleb обхватил рукой ее пальцы, обернутые вокруг него, и начал двигать ими вверх и вниз.

Его дыхание стало прерывистым.

— Заставь меня кончить, — прорычал он, убирая свою руку.

Джессика попыталась сохранить тот темп, который установил мужчиной, подражая его движениям и двигая кулаком прямо до головки члена, а затем обратно вниз к его основанию.

— Жестче, — велел мужчина, и она сжала чуть сильнее, боясь причинить ему боль. Но ему, похоже, это понравилось. Калевб хмыкнул и поддался бедрами вперед. — Я хотел увидеть это, — прохрипел он. — Представлял твою руку на мне, когда снимал напряжение, но никогда не думал, что ты сделаешь это. Я никогда бы не попросил. Ты была такой милой.

Мужчина выглядел на десять футов выше, склонившись над ней. Его лицо было жестоким и страстным, пока она трудилась над его стояком своими бледными пальцами.

— Сейчас... — сказал он.

Сейчас.

Стон Калеба был чем-то вроде жесткого смеха.

— Теперь я хочу, чтобы ты заставила меня кончить.

Она должна была отвести взгляд, но не могла этого сделать. Казалось позором наблюдать за его толстым, смуглым членом, все еще скользким от ее смазки и твердым как сталь в руках Джессики.

— Быстрее, — прошипел мужчина.

Она стала драть быстрее, жестче. Калевб качнулся бедрами вперед.

— *Джесс...*

Семя выстрелило из члена и попало ей на грудь. Девушка ахнула и чуть не отпустила его, но мужчина снова сжал ее руку в кулак, призывая двигать быстрее и резче, пока он изливался на ее тело, попадая густой горячей жидкостью на живот и грудь Джесс.

Наконец, он замер, а его рука сжалась так крепко вокруг пальцев Джессики, что ей стало больно.

Взгляд девушки поднялся к лицу Калеба, к полураскрытым губам и темным глазам, но его взор застыл на ее теле и том, что он с ней сделал. Мужчина смотрел так, будто находился в шоке и судорожно дышал.

Впервые за эту ночь Джесс хотела прикрыться. Ей стало стыдно. Потому что когда-то она была милой, а теперь стала настоящей шлюхой, которую он пометил своей спермой.

— Ты такая красивая, — прошептал Калевб.

И Джессика возненавидела его. Ненависть заполнила девушку. Каждое глубокое, темное место внутри нее, которое мужчина хотел наполнить своим семенем.

Когда он от нее отодвинулся, девушка захотела повернуться и зарыться в одеяло, но не смогла. Не так. Она все еще лежала раскрытой и замерзшей, когда Калевб смочил салфетку и принес ее ей. Он наклонился, чтобы обтереть ее, но Джессика вырвала салфетку и сделала это сама, пока мужчина стоял и наблюдал.

Став достаточно чистой, девушка протянула ее обратно и высоко натянула одеяло.

Калевб не уходил. Он все вычистил и вернулся в кровать, как сделал накануне вечером, только на этот раз дождя не было. Мужчина мог уйти прямо сейчас. Они сделали все, не так ли? Или он думал, что девушка делала с другими мужчинами что-то еще? Неужели остались еще какие-то части ее тела, которые Калебу не удалось поиметь?

Джессика вздрогнула, когда он теснее прижался своей грудью к ее спине. Она пыталась держаться жестко и отдельно от мужчины, но его тепло просочилось в нее, и девушке

пришлось закрыть глаза, чтобы не расплакаться, когда ее тело с радостью подстроилось под его изгибы.

— Сегодня день рождения моей матери, — мягко произнес Калев, словно они были супружеской парой, обсуждавшей свои дела в конце дня. — Я приехал на праздник, и пробыл в городе достаточно долго.

Джессика кивнула. Вот и все. Конец их маленького соглашения. По крайней мере, девушка была достаточно умна, чтобы не дать ему кончить в нее в этот раз.

— Я скоро уезжаю, — пояснил он. — Завтра. Или, в крайнем случае, через пару дней.

— Понимаю.

— Я не знаю, как мне быть, Джесс.

Она не станет просить мужчину остаться подольше. Этого он ждал? Девушка не станет умолять его использовать ее еще несколько раз, независимо от того, сколько удовольствия она от этого получала.

Калев произнес ее имя еще раз, а затем перевернул девушку на спину. Она открыла глаза только, чтобы он не узнал, как сильно Джесс хотела исчезнуть.

— Я так хочу тебя ненавидеть, — сказал мужчина более ожесточенным голосом.

— Знаю.

— Я ведь должен, да? — он выглядел так растерянно, что ей захотелось прикоснуться к лицу Калеба, чтобы утешить. — А если я не ненавижу тебя, тогда что?

Джесс покачала головой и заставила себя заговорить:

— Возвращайся в Калифорнию и можешь ненавидеть меня там.

— Я не могу простить тебя!

Мужчина произнес эти слова так, будто она его об этом просила. Словно *заставляла* его почувствовать себя каким-то уродом. Сама же Джессика ощутила, как внутри нее что-то сломалось. Она почти услышала этот щелчок, когда потянула одеяло и снова повернулась лицом к стене.

— Ты уже делал это раньше, — сумела спокойно произнести девушка, несмотря на то, что гнев распространился и снова заполнил каждую ее частичку.

— Что?

— Спал с женщиной.

Это был не вопрос.

— Я... только однажды.

Это признание тяжелым грузом осело на нее.

— Со шлюхой?

Он медленно выдохнул.

— Джесс...

— Я не первая шлюха, которую ты трахал, да?

Калев не хотел отвечать. Его молчание ясно дало это понять. Мужчина не желал признавать свое лицемерие, но не мог молчать вечно. И, наконец, заговорил:

— Нет.

— Нет, — повторила Джессика, просто чтобы убедиться, что они оба это услышали.

— Я был в одном месте в Калифорнии. В основном я... имею в виду, я сделал это всего один раз.

— Позволил шлюхе отсосать у тебя? — выплюнула она.

— Это не имеет значения. Это было просто...

— Просто что? — спросила девушка, повернувшись к нему лицом, и ее рот растянулся в жесткой ухмылке, не имевшей ничего общего с радостью. — Просто ничто для тебя, но *все* для меня.

— Я не понимаю.

Джессика выпрямилась, держа одеяло прижатым к груди, чтобы оградиться от мужчины.

— Ты можешь посещать шлюх и чувствовать себя при этом просто прекрасно, но то, что сделала я — непростительно.

— Ты — женщина, — сказал Калеб, как будто это оправдывало все. — Это не то же самое.

— Нет! — Джесс даже засмеялась над своей серьезностью. — Нет, это определенно не то же самое. Я сделала это, дабы спасти себя. А вот зачем это сделал ты?

— Что ты имеешь в виду?

Мужчина медленно сел и насторожился.

Девушка снова рассмеялась, отчего ее горло обожгло.

— Я не могу поверить, что ты заставил меня чувствовать себя так низко. Вы все злые. *Все вы*. Вы трахаете шлюху, а потом осуждаете ее за это. Как еще они должны зарабатывать деньги в этом мире? Женщина ничего не имеет, если у нее нет отца или мужа.

— Не смей обвинять в этом меня, — прорычал он. — Мы должны были пожениться. Если ты передумала, то могла бы найти работу.

Джесс поднялась с кровати, взяв простынь, чтобы обернуть ее вокруг себя. Оставив Калеба в постели одного.

— Найти работу в качестве кого? Учителя? Я никогда никого не учила и даже не была среди детей достаточно долго, чтобы называть себя гувернанткой. И, если бы смогла работать, то скорее всего, оказалась бы вынуждена обслуживать своего нового работодателя так тщательно, как обслуживала тебя!

— Это не дает тебе право продавать свое тело, Джесс.

— Это не значит, что ты поступил правильно, заплатив за подобное, но ты сделал это, не так ли?

— У мужчин есть потребности, — отрезал Калеб, но она прервала его бешеным взмахом руки. Гнев клокотал в ней сейчас, переполняя чашу терпения.

— У мужчин есть *потребности*, — усмехнулась девушка. — Необходимость для удовольствия и разврата. А знаешь, какие потребности у женщины? Еда, кров и кровать. Ты хочешь, чтобы я стыдилась? *Я?* Мне пришлось сделать это ради денег, ты же очернил себя из-за удовольствия, и после этого говоришь, что не можешь простить *меня?*

Хмурясь, Калеб встал и поднял руки, как бы успокаивая ее.

— Ты знаешь, что мужчины это воспринимают по-другому, — он пытался оправдаться, но Джессика ткнула пальцем в его голую грудь.

— Да, есть разница. Я сделала это для того, чтобы *выжить*. Тебе же должно быть стыдно. Как ты смеешь смотреть на меня свысока? Как *смеешь?*

Калеб схватил ее за запястье, но девушка рванула его обратно.

— Ты трахаешь шлюху, а потом просто застегиваешь брюки и уходишь, возвращаешься к жизни без последствий, а я *навсегда осталась помечена!* Заклеймена твоим глупым членом. Отмечена твоим драгоценным *желанием*. Ты — монстр. Такой же негодяй, как и все остальные. Убирайся.

— Джесс...

— Убирайся! Ты поймел меня всеми способами. Засунул свой член в каждую дырку. Надеюсь, это стоило твоих денег. Все кончено. Убирайся из этого дома и никогда не возвращайся.

Он покачал головой, и Джесс захотелось влечь ему пощечину.

— Я ненавижу тебя, — зарычала она. — Презираю и *не смогу* простить, слышишь меня? Я никогда, никогда не прощу тебя.

Калев просто стоял там обнаженный, глядя на нее и не веря в происходящее. Девушка хотела ударить мужчину, причинить ему боль, и ей хотелось плакать от того, что она потеряла его.

Если Калев не уйдет, она расплачется, поэтому Джессика подхватила штаны и рубашку и бросила их ему в лицо, прежде чем повернулась, чтобы уйти. Она побежала в спальню и громко захлопнула дверь, боясь, что мужчина последует за ней. Конечно, она не думала, что он смог бы ее обидеть. Даже не могла этого представить. Но мужчина мог увидеть ее. Прикоснуться к ней. Уговорить ее снова любить его, а Джессика бы никогда так не поступила.

Дрожа, она прижалась спиной к двери и начала молиться, чтобы Калев ушел. Каждый скрип, разносившийся по дому, заставлял ее вздрагивать от страха, ведь ярость и обида слишком сильно засели под кожей. Джесс была в панике, что Калев может прийти за ней, но не могла понять почему. Все, о чем она могла думать — чтобы он ушел.

«Уходи, Калев, пожалуйста, просто уходи».

Казалось, прошло несколько часов, но это была всего лишь минута. А потом послышались его приближающиеся шаги. По щекам потекли слезы, но Джессика старалась дышать тихо и неглубоко, подобно прячущейся добыче.

В конце концов, шаги замерли на ужасающе долгое время, после чего скрипнула ступенька, а затем и еще одна; Калев спустился вниз по лестнице и через холл вышел из ее дома.

Джесс сползла на пол и позволила долгому, низкому крику вырваться из горла. Мелисанда ошибалась. Джессика не могла забыть того, что сделала, и никогда не сможет.

Глава 11

В течение вот уже трех дней они питались лишь стручковой фасолью, и, Боже, Джессике от этого уже тошнило. И все же, девушка продолжала ее собирать. Мелисанда научила ее правильно хранить бобы, и Джесс старалась не строить гримасы при мысли, что им придется питаться стручковой фасолью еще несколько месяцев. Это еда, которая не даст им умереть — вот что важно!

Две недели назад она не могла вообразить, что ее будут заботить подобные вещи. В ту ночь, когда Калев ушел, Джесс даже не заперла за ним дверь. Если бы кто-то захотел причинить ей боль, девушка не стала бы сопротивляться. Или, возможно, надеялась, что мужчина вернется и начнет вымаливать у нее... что-нибудь. Прощение. Отпущение грехов. Любовь.

Но, открыв глаза следующим утром, Джессика обнаружила, что была по-прежнему одинока и в безопасности, а потом, когда девушка умылась и заправила постель, то поняла, что в ее конечностях ощущалась некая легкость. Мелисанда уже поставила печенье в духовку

и ждала Джесс в саду. Взглянув на опухшие глаза подруги, она, однако, не проронила ни слова, и девушки спокойно проработали все утро. Когда солнце, наконец, пробралось в сарай, Джессика почувствовала себя так, как никогда не чувствовала раньше. Горячие и чистые лучи солнца на ее коже отогревали нечто холодное и темное внутри девушки. Она выпрямилась и закрыла глаза, позволив солнцу обжигать себя.

Слова Мелисанды прожигали насквозь.

«Ты все еще жива».

Прошло две недели, а она до сих пор была жива. И если бы пришлось питаться стручковой фасолью в течение нескольких месяцев, ужинать одними яйцами, которые несли ее куры, и молоком от своей коровы, она бы это сделала. Джесс все еще была жива, это место принадлежало ей, и она собиралась заставить его работать, потому что ничего другого девушке не оставалось.

Джессика сразу же заплатила налоги, боясь, что кто-то украдет золото из подвала или что Калевб вернется и потребует его обратно. Но он не вернулся, что было прекрасно, даже если это разбивало ей сердце.

Это конец.

Единственное, что вызывало у Джесс сожаление, это то, что она сказала Калевбу, как ненавидела его. Девушка вовсе не ненавидела мужчину. Джессика сильно обидела его, и мужчина тоже причинил ей боль, но он был хорошим человеком. А если Калевб был порядочным человеком, то, возможно, и Джесс тоже. Возможно.

Как только жара начала набирать обороты, Джессика разломила стручок фасоли пополам и положила его в рот, чтобы почувствовать влагу.

Сад был небольшим, и поле не превышало его размером. Они не расширятся достаточно, чтобы продать дом, и здесь в любом случае некому его покупать, но у Джессики созрел план.

В ее распоряжении имелись куры и корова. Девушка не могла открыть бизнес поблизости от дома и продавать яйца, но была в состоянии увеличить количество цыплят и отвезти их на рынки в пару городов, где ее никто не знал. Она могла взять с собой корову и отдать ее для размножения. Возможно, на следующий год Джесс отвезет на рынок теленка, чтобы продать его вместе с большим количеством кур и может быть маринованными яйцами. Не много, но хоть что-то. Достаточно для того, чтобы оплатить налоги и обеспечить их троих. Вдоволь, чтобы начать собственное дело.

Эта мысль согрела ее больше, чем солнце. Щечки Джессики порозовели от странного смущения. Все это означало, что девушка не сдалась. Что она двигалась дальше. Ведь множество женщин прошло через гораздо более тяжкие испытания, чем она, и никто из них никогда не получал ферму от сделки. У многих из них и выбора-то не было. Джессика решила прекратить жалеть себя.

Закончив с последним стеблем, она потянулась. Девушки будут весь день стоять у плиты, и Джесс с нетерпением ждала этого, чтобы узнать что-то новое и полезное. Скоро нужно будет солить огурцы, тушить помидоры и консервировать зерна кукурузы, чтобы насладиться их вкусом через год.

Мелисанда первой услышала какой-то звук и резко подняла голову, после чего и Джессика обратила на него внимание. Всадник.

Джесс прищурила глаза, не ощущая в этот раз страха. Девушка не позволит им снова

напугать себя. Если кто-то приехал, чтобы снова побеспокоить ее, она разнесет о нем славу по всему городу. Скажет, что видела Иисуса, и тот хочет, чтобы все грешники заплатили за содеянное.

Удовлетворенно ухмыльнувшись, девушка ждала пока всадник приблизится. Но когда незваный гость снял шляпу, улыбка исчезла с ее лица, и все мужество тут же испарилось.

Это был Калев. Мужчина, который должен был уехать в горы и никогда не возвращаться. Его конь был оборудован для дальней поездки, а сам он выглядел усталым и пыльным. Джесс не могла понять, как он мог оказаться здесь.

Она отступила на шаг и почувствовала руку Мелисанды на своем плече.

— Хочешь, чтобы я позвала Билла?

Джессика покачала головой. Нет, она сможет справиться с этим самостоятельно, чего бы он ни хотел. Девушка была почти в этом уверена.

Боже, Калев выглядел серьезным, он замедлил своего коня и остановился в нескольких шагах от девушек. Что на этот раз ему могло понадобиться от нее?

Мужчина спешился, взял шляпу в руки и подошел к Джесс.

— Я уже потратила деньги, — жестко отрезала девушка, надеясь, что это отправит его подальше. — На налоги. Их нет.

Он перевел взгляд на Мелисанду, затем вниз на свои сапоги и снова встретился взглядом с Джессикой.

— Мы могли бы поговорить наедине? — спросил Калев, ни капельки не рассердившись.

Джесс бросила взгляд через плечо на Мелисанду, надеясь, что подруга подскажет ей, что делать. Но глаза подруги лишь расширились в немом вопросе.

— Я думала, ты уехал, — сказала она Калебу, вместо ответа.

— Уехал, — ответил тот.

Джессика хотела ответить «нет» на его просьбу, однако, если прогонит Калеба, то потратит недели, мучаясь от мысли, почему же он вернулся, а она только начала спокойно спать.

Девушка не могла ему отказать. Знала, что это ей не под силу.

— Все в порядке. Мы можем присесть на минутку. В гостиной.

Калев повел своего коня к веранде, а Джессика срезала путь, обойдя дом, и вошла через заднюю дверь. Протерла влажным полотенцем лицо и руки, поправила волосы. Ей не хотелось, чтобы Калев видел ее с растрепанными локонами и испариной на лбу. После того, как девушка кричала на него словно сумасшедшая, сегодня она хотела быть спокойной или, по крайней мере, не поругаться с ним.

А вот сердце Джессики было неутомным. «Почему он здесь?» Оно разрывалось на части. Девушка приказала себе успокоиться. Но этот приказ ничего не значил. Ее сердце дрожало так же сильно, как и руки, пока Джесс набирала кувшин воды из крана в раковине.

«Почему он здесь?»

Она узнает, как только наберется достаточно смелости, чтобы дойти до двери.

Слава Богу, девушка уже уплатила налоги. Если Калев спросит, осталось ли что-нибудь, она солжет.

Джессика принесла кувшин в переднюю комнату, но, приблизившись к двери, замедлила шаг. Она позволила себе один глубокий вдох и потянулась к защелке. Девушка

открыла дверь, когда Калев уже был там; она чуть не выронила тяжелый кувшин при виде того, что мужчина держал в руках.

— Что... что это? — пролепетала Джесс.

Калев посмотрел вниз на маленький букетик полевых цветов в руке, который так смутил девушку.

— Цветы? — спросил он, как будто и сам не знал ответа.

Джессика отступила назад, покачав головой и слегка запаниковав от этих милых желто-белых цветов.

— Зачем ты привез их?

Неужели Калев настолько жесток? Решил поиздеваться над ней?

— Я увидел их на поляне несколько часов назад. Подумал, они тебе понравятся, поэтому сунул их в сумку.

— Но зачем?

Мужчина сделал глубокий вдох; побелевшие костяшки его пальцев были единственным свидетельством того, как сильно Калев сжал букет.

— Я пришел, чтобы извиниться. Перед тобой. За все.

— За все? — она вздохнула, задаваясь вопросом, не означало ли это самое худшее, что он узнал всю ужасную правду?

— Джесс... — он протянул ей цветы, но когда девушка отпрянула прочь, его плечи поникли, и Калев наклонился, чтобы оставить букет на крыльце. — Могу я войти?

Она пропустила мужчину, отступая назад, чтобы тот не находился к ней слишком близко.

Он смущенно встал рядом с двумя ветхими стульями, составлявшими мебель в гостиной, и не сел, пока Джесс не налила две кружки воды и не села сама. «Калев заплатил, чтобы переспать с ней, но не сядет, пока она будет стоять?»

Порой мужчины были такими странными.

— Прости меня, — сказал он.

Девушка прижала руки к холодной кружке. Ее челюсти сжались так сильно, что заболела голова.

— За что? — удалось ей задать вопрос.

«Только бы Калев не узнал правду...»

Мужчина склонил голову, словно не хотел говорить.

— До меня не доходило, пока я не оказался на полпути в горах. До тех пор, пока не побыл один довольно долгое время.

«Пожалуйста, только бы не узнал...»

— Я думал о том, что кто-то посмел причинить тебе боль, о том, как он это сделал...

«Нет».

— Размышлял об этом, и, Джесс... как я могу ненавидеть тебя после такого?

«Что это значило?»

— Как ты заметил, — проговорила девушка онемевшими губами, — я сама выбрала этот путь.

— Но ты была права. Возможно, ты поступила плохо, но тобой управлял страх. Отчаяние. То, что сделал я, было просто... просто, чтобы скоротать время. И я сделал это с какой-то женщиной, находившейся в таком же отчаянии, как и ты. Некоторые женщины

пытаются выжить и прокормить себя. Для меня не имело значения, почему она спала со мной.

Джесс почувствовала, что это было началом чего-то хорошего. Чего-то, что она никогда не ожидала услышать от Калеба или кого-то еще. Возможно, когда-нибудь она будет благодарна за это. Но сейчас девушка чувствовала угрозу и надежду, в которую не хотела верить и не желала узнавать.

«Поэтому он вернулся?»

— Ладно, — пробормотала она, — спасибо, что пришел сказать мне об этом.

— Джессика...

Торжественный тон, которым Кaleb произнес ее имя, заставил ее сердце забиться быстрее.

— Очень любезно с твоей стороны, — девушка так быстро встала, что почувствовала головокружение. — Спасибо.

— Джесс.

Мужчина вскочил на ноги, и его шляпа упала на пол. Она уставилась на нее, словно хотела удостовериться, что Кaleb не наступит на нее и не помнет.

— Твоя шляпа... — произнесла Джессика, в то время как ее уши горели от страха.

Он сделал шаг вперед, отодвинув головной убор ногой в сторону на несколько дюймов.

— Даже когда я пытался тебя ненавидеть, то все равно любил тебя.

Эти слова вывели девушку из шокового состояния. Джесс оторвала взгляд от его шляпы и помотала головой.

— Нет.

— Это правда.

Кaleb приподнял ее подбородок, и Джессика посмотрела на него, пытаясь выявить ложь на его прекрасном лице, в жестких очертаниях его губ, скул и носа.

В глазах мужчины больше не было жестокости. В них читалась мольба.

— Мне было необходимо то, что мы сделали, чтобы ощутить, как я ошибался. Я хотел преподать тебе урок. Но это было прекрасно. Как и ты, Джесс. Мне жаль, если я заставил тебя чувствовать себя плохо.

Ее глаза наполнились слезами. Одна горячая слезинка скатилась по щеке девушки. Кaleb поймал ее большим пальцем.

— Я хотел, чтобы тебе было больно, — сказал он.

Джессика с трудом сглотнула, от чего еще больше слез выкатилось из глаз.

— Знаю.

— Извини меня за это. Прости, что оставил тебя два года назад. Я должен был остаться и жениться на тебе. Нужно было набраться смелости и сделать то, чего мы оба так хотели.

У Джессики в горле встал ком. Это все, о чем она когда-либо мечтала. Слова Калеба о том, что они принадлежали друг другу. Что он останется с ней. Не покинет ее. Что ей не было необходимости притворяться кем-то другим для того, чтобы быть с ним, а лишь нужно оставаться самой собой. Однако, теперь было слишком поздно.

— Я был зол, — продолжил мужчина. — Думал, что все, что я делал, было для тебя. А когда узнал о смерти твоего отца, то взял еще больше работы, хотя и не стоило. Мне хотелось быстрых денег, поэтому я стал работать на начальство, сворачивая шею организаторов и выслеживая людей, воровавших в шахтах. Это было ужасно, и, думаю, я также винил в этом тебя.

— Мне жаль, — на автомате прошептала Джессика, но Калев покачал головой.

— Ты никогда не просила меня этим заниматься. Не извиняйся. Я пришел не за этим.

Джесс вновь проглотила очередной комок в горле, только чтобы прошептать ему:

— Я больше ничего не могу тебе предложить, Калев.

— Как насчет обеда?

Вопрос настолько ее удивил, что Джессика рассмеялась.

— Обед?

— Я довольно долго в пути. И не отказался бы от обеда и ведра воды, чтобы умыться.

Она покачала головой.

— Это все о чем я прошу. Обещаю. Сейчас.

«Что это значило?»

Джессике следовало бы выставить его отсюда. Ей было необходимо, чтобы Калев уехал и никогда не возвращался, тогда она смогла бы найти какой-нибудь способ и забыть его, вычеркнуть из памяти то, что сделала, выбросить из головы свою прежнюю жизнь. Но ее губы никак не хотели произносить слова, которые бы заставили мужчину уйти. Тело Джессики отказывалось отходить от него хоть на шаг. Она смогла уловить исходивший от него запах лошади, пота и грязи, и даже это было бальзамом для ее глупого, бестолкового сердца.

Как Джессика могла заставить его уйти?

— Ты можешь остаться на обед, — выдавила она, сжав челюсть.

Его плечи слегка расслабились.

— Спасибо.

Девушка развернулась и помчалась на кухню. Калев последовал за ней.

— Тебе нужно помыться, — Джесс собрала мочалку, мыло, полотенце и бросила их в ведро. — Ручей лишь в четверти мили к западу, если ты срежешь через лес. В тени вода приятная и прохладная.

Джессика сунула ведро ему в руки.

— Да, мэм.

— На обед тушеные бобы и кролик, — пробормотала она. — Билл подстрелил его утром.

— Может, я поставлю пару ловушек по дороге к ручью. И добуду еще одного кролика на завтра.

— Если это сделает тебя счастливым.

Мужчина смотрел на нее, пока Джесс, смутившись, не покраснела.

— Думаю, сделает, — произнес Калев.

Затем он повернулся и отошел от нее, отчего девушка вновь смогла дышать полной грудью.

Джессика должна была послать его подальше. Она лишь хотела спокойствия, а теперь ее сердце снова проснулось, в то время как Джесс нуждалась в том, чтобы оно уснуло навсегда. Но вопреки всему девушка все равно закрыла глаза и поблагодарила Бога за его возвращение.

Глава 12

Калев окунулся в чистую воду извилистого ручья. Щелочное мыло удалило даже самые въевшиеся следы грязи. Возможно, в нескольких местах его кожа и была в пчелиных укусах, но, по крайней мере, он был по-настоящему чистым.

Мужчина наблюдал, как по небесной лазури проплывало облако, и старался убедить себя, что не должен желать того, чего хотел. Пытался сказать себе это сотню раз за последнюю неделю. Тысячу. Калеб всегда жаждал Джесс. Какую бы боль она не причинила... представив себе, что больше никогда не увидит девушку, мужчине стало гораздо больнее. Калеб любил Джесс. И никогда не перестанет любить.

Разве важно, что она делала с другими мужчинами? То, что он практиковал с иными женщинами, не изменило его чувств к Джесс. Это были разные вещи, почти нереальные. Несомненно, как и для нее.

Но, если Калеб смог простить ее, простит ли Джессика его в ответ?

Он поднялся и стряхнул воду со своих волос, передвигаясь по скользким камням к скале, где оставил полотенце. Его ткань была тонкой и рваной — очередное напоминание о том, что Джесс уже не та изнеженная молодая особа, в которую он влюбился. Она стала другой. Женщиной. Страдала так же, как и Калеб. А может быть даже сильнее.

Возможно, теперь их прошлое не имело никакого значения. И похоже, он был дураком все это время.

Калеб переоделся в чистое, а затем положил в ведро одежду, которую постирал в ручье, и направился обратно к дому Джесс. Мужчина шел той же тропой, он останавливался, помечая деревья, где поставил силки, чтобы потом показать Джесс, где их найти в том случае, если она прогонит его сегодня вечером.

По возвращению Калеб услышал, как женщины смеялись на кухне. Он остановился в пяти футах от двери и на мгновение прислушался, очарованный звуком. Джессика вела себя беззаботно. Шутила. И Калеб не мог поверить, что когда-то его целью было вынудить девушку страдать. Наказать и заставить ее рыдать. Он был уверен, что Джесс уже пролила достаточное количество слез.

Калеб поставил ведро рядом с лестницей и взял мокрую одежду, чтобы развесить сушиться. Стук за сараем отвлек его, и мужчина обнаружил там Билла. Этот большой человек пытался ровно держать доску, которую прибивал.

— Помочь? — спросил Калеб.

Билл кивнул, словно уже знал, что мужчина был там.

— Эта чертова корова так же упряма, как и мул. Здесь трава не очень уж хорошая, и думаю, поэтому она собралась найти ее где-нибудь еще.

Калеб взял доску и осмотрел следы множественных ремонтов в загоне.

— Может, где-то неподалеку бродил бык — это ее и привлекло.

Билл пожал плечами.

— Она никогда не уходила далеко. Всегда паслась рядом и не доставляла хлопот.

Мужчины работали над укреплением загона в течение часа, а затем занялись дверью сарая, которую выбило в бурю. Когда подошло время обеда, Калебу пришлось еще раз быстро ополоснуться. Его живот заурчал от запаха жареного кролика, доносившегося из кухни.

Войдя, Калеб услышал женский смешок. Джессика покраснела и отвела взгляд, но улыбка не покинула ее губ.

— У нас не так много кроликов, но уверена, что фасоль не закончится никогда.

— Я расставил силки, — сказал Калеб. — Три. Они стоят прямо на тропе, но на всякий случай я оставил метки на деревьях и мог бы показать, как их устанавливать.

— Спасибо, — кивнула Джесс.

— Можно будет круглый год ловить кроликов в этих кустах.

— Это очень нас выручит.

Существовало множество способов, которыми он мог бы помочь здесь, но в данный момент Калевб оставил эту мысль при себе.

Ужин был тихим, однако сейчас мужчина не чувствовал себя неуютно за столом. Билл оказался немногословен, а Мелисанда, напротив, расспросила Калеба о Калифорнии. Затем рассказала об истории Луизианы. Здесь, как она сказала, ей не доставало жары, но не более того.

Калевб помог очистить тарелки, пока женщины мыли посуду, а Билл вытирал стол. Казалось, прошло лишь несколько минут, прежде чем Билл и Мелисанда, извинившись, оставили их обоих наедине.

— Они пошли отдохнуть, — объяснила Джесс, пока развязывала и снимала свой передник.

— Они выглядят довольными.

— Я тоже так думаю. Хорошо, что они живут здесь. Так спокойней.

— А раньше ты жила одна? — спросил Калевб.

— Да, — из ее голоса исчезла мягкость, словно она не хотела разговаривать на эту тему.

— Но как ты управлялась здесь со всем одна? Ты никогда не рассказывала.

Заботливой рукой Джесс разгладила свои волосы, ее глаза уставились в некую точку за его плечом.

— Это была сделка. Данный дом в обмен на мою невинность.

— Кто это был, Джесс? Я убью его, если хочешь. Кем бы он ни был, он этого заслуживает.

Девушка побледнела.

— Это не имеет значения. Я согласилась на сделку. Думала, продам дом, буду двигаться дальше, и никто никогда не узнает об этом. Даже ты. Но потом... кто-то что-то услышал. Распространилась молва. И никто не захотел покупать бордель для своей семьи. Здесь недостаточно хорошая земля, чтобы смириться с позором.

— Кто-то все равно купит, — сказал мужчина, однако, его мозг работал, пытаясь вспомнить, кому раньше принадлежало это место.

Калевб мог поспрашивать в городе, кто работал на данной земле и продал ее. Кем бы он ни был, он должен быть человеком. А потом Калевб... что он сделает? Действительно убьет его? Изобьет до полусмерти, как минимум? Плюнет на истерзанное тело?

— Ты виделся с матерью, с тех пор как приехал? — спросила Джессика.

— Нет. Я приехал прямо сюда. Не был уверен, что вернусь.

Кивнув, она спрятала руки в юбку, и Калевб начал переживать, что Джесс собиралась попрощаться с ним.

— Хочешь, покажу, как поставить силки? — быстро спросил он. — У нас есть час до захода солнца.

— Нет, я...

— Все просто. Ты быстро научишься.

— Может, утром, — прошептала Джессика.

— Утром? — Калевб хотел бы скрыть оптимистичные нотки в своем голосе, но они прозвучали ярко и правдиво.

— Я не знаю, — сказала девушка. — Понятия не имею, следует ли мне просить тебя остаться.

Мужчина медленно подошел к ней и взял за руку.

— Пожалуйста. Пожалуйста, позволь мне остаться. По крайней мере, на сегодня. Позволь мне... — его горло сдавило, и мужчина не был уверен в том, что собирался сказать. — *Дай мне возможность вернуть все назад. Разреши показать тебе свою доброту.*

В конце концов, Джесс кивнула, и мужчине больше не пришлось ничего говорить.

— Тогда я проверю корову, — предложил Калев. — Нужно убедиться, что она устроилась на ночлег.

Джесс помотала головой.

— Ты не должен. Билл займется этим.

— Я сделаю это с удовольствием. Мне все равно нужно проверить своего коня.

— Все в порядке. А я пока отнесу законсервированную фасоль Мелисанде. Думаю, банки уже достаточно остыли.

Мужчина чувствовал себя так чертовски правильно. Как будто это было их место. Их ферма. И сегодня он ляжет рядом с Джессикой и сделает ее своей. Руки Калеба дрожали, пока он закрывал за собой дверь кухни. Когда мужчина вернулся в дом, солнце уже клонилось к закату, и прохладный ветерок проскальзывал через открытые окна. Тусклая гостиная встретила его молчанием, и он обнаружил, что кухня была пуста.

Калев поднялся по лестнице; его сердце бешено колотилось. Будет ли Джессика ему рада, или он неверно истолковал приглашение? Если девушка приготовила для него другую спальню, то Калев остался бы в ней, но он предполагал, что там его сон был бы также плох, как и в дороге.

Но нет, это не то, чего хотела Джессика. Он нашел ее в спальне уже в ночнушке. Мужчина приблизился к ней и поднял руки, чтобы вытащить шпильки из ее волос. Их взгляды встретились, и девушка покраснела.

— Виски? — спросила она и указала на бутылку, стоящую на комодe.

Калев покачал головой.

— Я уже чувствую себя мертвецом. Это был долгий путь.

Освобожденные локоны каскадом рассыпались по ее спине. Калев знал, что кожа девушки оказалась бы теплой, если бы он прикоснулся к ней.

— Я была уверена, что никогда не увижу тебя снова, — произнесла Джесс и взяла в руки расческу.

Калев наблюдал, как гребень заскользил по волосам девушки; любовь и страсть вспыхнули в нем, оживив член и сердце. Джессика была так чиста. Так красива. Она расчесывала волосы, как делала это прежде тысячу раз. Позволяя ему увидеть частичку себя, словно мужчина не обижал ее вовсе.

То, что Калев по-прежнему испытывал к ней такие сильные чувства, пугало его. Но также мужчину приводило в ужас и то, что, возможно, их любовь была больше, нежели все остальное. Выше, чем боль, ревность и глупые решения. Она просто являлась... *правильной.*

За время наблюдения за тем, как девушка готовилась ко сну, уверенность Калеба достигла своего предела.

— Помочь тебе снять обувь? — спросила Джессика.

— Нет, я никогда не встречал никого в дороге, кто бы помогал мне с этим.

Она рассмеялась над его жалкой шуткой, и звук ее смеха лишил Калеба сил, пока он снимал с себя рубашку и носки с сапогами. Потом мужчина заметил цветы, увядшие и наполовину сломанные, но стоявшие в кувшине у окна. Девушка сохранила их после всего.

Учащенное сердцебиение стало причинять ему боль.

Когда Джессика подошла к краю постели и сняла ночнушку через голову, Калев увидел ее бледные и гладкие изгибы. Джесс казалась какой-то неприступной для женщины, собиравшейся спать с мужчиной, но потом она одарила его нервной улыбкой.

Калев был уже настолько твердым, что ему потребовалось несколько попыток, чтобы справиться с кнопками на брюках и снять их. Следуя ее указаниям, мужчина разделся догола, после чего скользнул под простыни. В отличие от теплой руки Джессики, коснувшейся Калеба, от хлопка веяло прохладой и свежестью. Девушка пахла более нежным мылом, чем то, которым он мылся днем.

— Я не знал, позволишь ли ты мне остаться, — произнес мужчина в сгустившуюся темноту.

— Если это последний раз, когда я вижу тебя... — она не закончила мысль.

Калев приподнялся над девушкой, скользнув рукой вдоль ее шеи и челюсти.

— Я не хочу, чтобы он был последним. Мне хочется, чтобы это был первый раз.

— Слишком поздно, Калев.

— Это не так. У тебя никогда не было первого раза. Не по-настоящему. Все, что у тебя когда-либо было — сделки.

Ее руки накрыли его и прижали мужскую ладонь плотно к щеке.

— Ничего не вернуть обратно.

— Нет, но мы можем сделать что-то новое. Настоящий первый раз. Никто не причинит тебе боль, даже я.

— Калев... — пробормотала Джессика и в отрицании покачала головой. Мужчина увидел отблеск на ее щеке, прежде чем почувствовал влагу своими пальцами.

— Ш-ш-ш, — прошептал Калев, — я не сделаю тебе больно, Джесс, обещаю.

Его губы встретились с ее, девушка приоткрыла рот, и их языки стали нежно ласкать друг друга. Калев целовал ее медленно и внимательно, будто старался прочувствовать Джесс и ритм, который заставлял ее вздыхать ему в рот.

Он провел пальцами вниз по шее девушки, а затем очертил линию ее ключицы. Кожа Джессики казалась невероятно тонкой. Калев обнаружил, что хоть они оба были людьми, но Джесс ощущалась совершенно по-другому.

Мужчина пальцами нашел изгиб груди девушки. От прикосновения его руки по ее коже побежали мурашки.

— Ты самая красивая женщина в мире.

Калев поднял голову и посмотрел на Джесс. Несмотря на кромешную тьму, окутавшую комнату, он разглядел ареол ее соска.

Дыхание девушки сбилось, когда мужчина провел пальцем по вершинке.

— Ты знаешь, как часто я представлял себе это на протяжении многих лет, Джесс? Мечтал об этом.

— Я... я тоже.

— Правда? — удивился Калев.

— Да. Лежа в постели, я ночи напролет гладила себя руками по ночной рубашке, и спрашивала себя: «Каково это было бы, быть твоей женой?». Задавалась вопросом: «Был ли ты разочарован тем, что я всегда рядом?».

От звука собственного смеха у Калеба защемило сердце.

— Никогда. Все в тебе восхищает меня.

— Не говори так, — прошептала Джессика.

— Это правда. И ты должна быть такой. В отличие от меня, — мужчина стряхнул руку девушки со своего плеча. Джесс опустила ее на его сердце, и Кaleb почувствовал биение пульса под ее ладонью. — Я, наверное, слишком грубый и тяжелый.

— Немного, — согласилась девушка. — Но такой теплый. Такой... успокаивающий.

У него в горле застрял ком. Как Джессика могла считать его тело умиротворяющим после того, что он совершил? Кaleb опустил голову, чтобы поцеловать ее грудь. Рукой девушка скользнула по спине мужчины, а когда губами он нашел сосок девушки, Джесс впиалась в его тело ногтями. Он лизнул вершинку сначала нежно, а потом прижал свой язык сильнее, всасывая ее глубже в рот.

Джессика застонала и начала задыхаться оттого, что его член коснулся ее бедра.

Кaleb не мог ничего с собой поделать и потерялся об нее. Удовольствие было слишком интенсивным, чтобы сопротивляться ему.

Он опустил свою руку вниз, ощущая, как ее живот напрягся от шока. Мужчина почувствовал мягкость ее волос под своими дрожащими пальцами. Странно, Кaleb считал свою наготу грубой, а тело всего лишь инструментом и к тому же уродливым. Но с Джесс все было потрясающим. Кожа, волосы и секс делали мир прекраснее.

Мужчина прижал свою руку, удерживая девушку на мгновение. Его палец скользнул между складочек в глубину ее тепла, и он зарычал, почувствовав влажность Джессики.

Когда Кaleb пошевелил пальцами, девушка ахнула, поэтому он продолжил делать это снова и снова. Его ствол начал пульсировать от вида, как Джесс раздвинула для него свои ноги. От этих ощущений тело мужчины напряглось, а член дернулся.

Он зажмурился и попытался глубоко дышать. Пока нет.

— Кaleb, — стонала она, двигая бедрами ему навстречу.

Мужчина просунул ногу под ее колено, раскрывая ее шире.

— Так хорошо? — прошептал он.

— Да!

Ее дыхание стало частым, как если бы девушка за чем-то гналась. Кaleb почувствовал, как его член прижался к коже Джесс, скользнув между его животом и женскими бедрами, и застонал.

Сжав плечо мужчины, и впившись в него ногтями, Джессика повторяла его имя снова и снова.

— Вот так, — движения Калеба стали жестче. — Вот так, Джесс. Именно так.

— Боже, — выдохнула она, ее бедра начали двигаться, поднимаясь все выше, чтобы встретить его пальцы. — *Кaleb*.

Когда ее тело напряглось, девушка закричала хриплым, мучительным криком. Мужчина чувствовал, как ее мышцы дрожали под его пальцами. Продолжив кричать, Джессика запрокинула голову назад, обнажая длинную шею.

Когда Джесс успокоилась, то увидела, что Кaleb дышал также тяжело, как и она.

— Ты так чертовски красива. Чудесна.

Ее бедра все еще дрожали под ним.

Мужчина устроился между ног девушки и взял член в руку.

— Я не хочу ранить тебя, — пробормотал он. — Скажи мне, если я сделаю тебе больно, Джесс.

Кaleb потерялся членом об ее складочки, и его сердце почти остановилось от ощущения

их гладкости. Наконец, он приблизил головку к лону и вошел на полтора дюйма.

— Я перестану, если хочешь.

— Нет.

Джессика обвила ногами его бедра и притянула мужчину ближе.

Калев поморщился, когда вошел на дюйм глубже.

— Медленнее, — прошипел он.

— Нет, — неровно дыша, снова повторила она.

— Я скорее умру, чем сделаю тебе больно. Мне хочется тебя порадовать. Я жажду сделать все правильно.

Джессика всхлипнула, прежде чем выгнулась, чтобы принять его. Мужчина отстранился немного, а затем толкнулся вперед.

— Так хорошо?

Он почувствовал, как девушка кивнула, но ее дыхание стало рваным, словно она плакала. Калев потянулся всем телом, пытаясь не двигать бедрами, и нашел рот Джесс.

— Я люблю тебя, — сказал мужчина ей в губы.

— Не нужно... — ответила Джессика.

Он губами высушил слезы на ее щеках и повторил свои слова, погружившись внутрь нее.

— Я люблю тебя.

Калев трахал ее медленно, двигаясь туда и обратно, как будто у него было все время мира, словно тело Джессики принадлежало ему навсегда. Она обхватила его ногами, притянув ближе.

— Я люблю тебя, Джесс, — сказал мужчина последний раз, толкнувшись так глубоко, как только мог. Калев не двигался, пока кончал, и чувствовал, как его член пульсировал внутри девушки, сжатый ее внутренними мышцами. Когда мужчина, наконец, расслабился, Джессика вздохнула и запечатлела легкий поцелуй на его подбородке.

Он чувствовал себя как на брачном ложе, словно их клятвы уже произнесены. Они еще не поженились, но Калев хотел верить, что они это сделают.

Глава 13

— Прости, — произнес Калев низким голосом, передавшим вибрации по коже ее шеи.

Его нежность вызвала у Джессики улыбку.

— За что? — спросила она.

— За то, что кончил в тебя. Я не подумал.

— Утром я выпью специальный чай. Все будет хорошо.

— В любом случае, я хочу жениться на тебе, Джесс.

— *Нет.*

Мышцы девушки так напряглись, что все ее тело заныло от боли.

— Ты не хочешь выйти за меня замуж?

— Это не так. Не совсем. Я не могу. Ты же знаешь, что не могу.

Мужчина вышел из нее, даря Джессике последнюю каплю наслаждения, которое боролось с паникой внутри нее.

— Тогда поехали в Калифорнию. Поженемся там, если хочешь сохранить это в тайне.

Ее сердце заколотилось так быстро, что Калев почувствовал его дрожь в девичьей груди.

— Я не могу выйти за тебя.

— Меня не волнуют те другие мужчины, — настаивал он, упав на спину рядом с ней. —

Разве ты не понимаешь?

— Калевб, дело не в этом.

— Мне плевать, сколько их было, и что вы делали. Все, чего я...

— Был только один!

— Что?

Девушка услышала нотки недоверия в его голосе и пожелала забрать свои глупые слова назад. Ей лишь хотелось, чтобы Калевб знал — у нее не было много мужчин. Она не изменилась. Дурацкая, бессмысленная гордость. Ее бы не было, если бы Джесс пустила в свою постель других мужчин. Она же взяла деньги у Калеба.

— Что ты сказала? — спросил он.

— У меня был... Был только один мужчина. *Не спрашивай кто.* Ему хотелось оставить меня себе. Как игрушку. На несколько дней. Он так и сделал. А потом...

— Что потом?

«Что потом?»

Девушка почти рассмеялась от ужаса и покачала головой.

— Что произошло потом, Джесс?

— Он... он привел сюда кого-то еще. Сказал, что другой мужчина подождет в гостиной. Это была самая ужасная ночь. Гость Теодора был *министром*; человеком, которого она знала с двенадцати лет.

Джессика думала, что умрет от ужаса и стыда.

«Кому еще мужчина рассказал об этом?»

Но девушка послушно пошла в спальню с Теодором. В конце концов, ей нужно было отработать еще две ночи.

— Джесс, — Калевб приподнял ее подбородок.

Она покачала головой. Девушка все еще помнила, как стояла на коленях, и как Теодор сам загонял себя внутрь снова и снова. Руками Джесс вцепились в покрывало, и так сильно зажмурилась, что разболелась голова. Даже сквозь хрюканья Теодора, она услышала скрип двери. Ее глаза резко открылись, и девушка обнаружила министра, стоящего в дверях и ухмыляющегося как обезьяна.

Джесс вскрикнула, а затем попыталась отстраниться от Теодора, и схватилась за простыни, чтобы прикрыться, но тот крепко сжал ее, и пальцами вонзился в девичьи бедра.

— Он просто хочет посмотреть, — зарычал Дарст. — Успокойся.

Когда девушка снова изо всех сил начала бороться, мужчина схватил ее за волосы и притянул обратно, словно норовистую лошадь. Человек, который относился к ней как к дочери все эти годы, держал ее как домашнее животное.

— Я сказал, что он просто хочет посмотреть, — Дарст снова загнал себя глубже. — Никакого вреда, — еще один толчок, — он не причинит.

А потом министр расстегнул свои брюки.

Джесс вскрикнула и попыталась отодвинуться от Теодора, но он только дернул ее за волосы.

— Все в порядке, — сказал тот, смеясь. — Может, он тоже хочет тебя попробовать.

Джессика так погрузилась в воспоминания, что больше не могла выносить прикосновения Калеба, поэтому отстранилась от него.

— Я не смогла сделать это, — прошептала девушка.

— Не смогла сделать что, Джесс?

— Он сказал, что уже заплатил за ночь, и я сделаю все, что он скажет. Но я не смогла и убежала.

Джессика помнила все слишком отчетливо: ощущение Дарста, двигавшегося внутри нее, отчего ее грудь подпрыгивала с каждым толчком; человека, которого она считала посланником Бога, стоящего с членом в руках и ожидающего своей очереди, чтобы растлить ее.

Теодор наконец-то хрюкнул как свинья. Она почувствовала, как его семя стекало и сползало вниз по ее дрожащим ногам еще до того, как он сам вытащил свой член и шлепнул ее по попке.

Джессика считала секунды до того момента, пока брюки министра не окажутся вокруг его лодыжек. Ждала, когда Теодор скатится с нее. Видимо он думал, что на пороге она просто встанет на колени, готовая к продолжению. Но девушка вскочила с кровати, прыгая к двери и карабкаясь на четвереньках, и помчалась к лестнице. Простынь уже скатилась вниз по ее телу.

Их крики раздались прежде, чем Джессика добралась до двери. Полуголой, она бежала в ночи через высокие кустарники, которые вели к деревьям, а потом к ручью.

Мужчины не стали искать девушку так далеко, хотя ждали долгое время. Холод просочился в ее тело. Джесс крепко обнимала себя за ноги, пытаясь унять дрожь.

В конце концов, они уехали. Ей удалось сбежать от министра. Но девушка не ускользнула от его гордости. В наказание за отказ он распространил слухи о ней по всему городу.

Ей следовало просто позволить ему взять ее в свою очередь. С этим было бы легче жить. Это бы ни чем не отличалось от того, что произошло с Теодором.

— Джессика, — сказал Калев и повернул рукой ее лицо к себе, хотя в темноте мужчина, скорее всего, был также слеп, как и она. — Почему ты не сказала мне, что у тебя был лишь один мужчина?

— А это имеет значение? — прошептала она.

— Да, — сказал Калев. А потом произнес... — Нет. Я не знаю. Мне не известно ничего кроме того, что я все еще люблю тебя.

Снова эти до ужаса чудесные слова. Это не могло быть правдой.

— Если бы у меня было пятьдесят мужчин, ты бы любил меня?

— Да.

«Да».

И Джессика верила ему. Сказал бы он это до того, как она ляпнула глупую правду? Калеба не волновало, сколько мужчин у нее было, так почему ей хотелось рассказать ему правду?

— Я тоже люблю тебя, — девушка задохнулась. — Но я не могу.

— Скажи мне, кто это был, — настаивал мужчина. — Я заставлю его заплатить за содеянное, а потом мы покинем город. Поженемся в Калифорнии. У нас будет все, что мы планировали.

— Я не могу. *Пожалуйста*. Не могу рассказать тебе. И не могу стать твоей женой. Твоя семья...

Потребовалось некоторое время, чтобы осознать всю полноту позора. Джессика предала не только Калеба, но и его бедную мать, которая всегда была добра к ней.

— Моей семье придется смириться.

— Нет! Я никогда не смогу выйти за тебя. Этого не произойдет. Я не смогу быть с тобой, Калев.

Девушка позволила себе быть убаюканной мыслью, что они могли бы быть вместе, но если мужчина когда-нибудь узнает правду, то возненавидит ее.

— Тогда...

— Нет, — настаивала она. — Ты должен будешь уйти утром.

— Я не... — Калев попытался снова, но Джессика прервала его.

— Да, ты уйдешь. Я не могу выйти за тебя и не буду твоей шлюхой, так что просто... просто подари мне сегодняшнюю ночь. В этот раз останься до утра.

— Я не уйду, Джесс. Останусь до тех пор, пока ты не передумаешь. Возьмусь за старую работу на ранчо. Буду помогать здесь по хозяйству.

Она скользнула рукой по его груди, вверх к шее, а затем наклонила голову вниз к себе. Калев был таким хорошим человеком, и Джессика любила его так сильно, слишком сильно, чтобы снова позволить ему прийти завтра.

— Только сегодня, — прошептала она, целуя мужчину в губы. — Еще один раз.

А потом ей придется набраться сил, чтобы отпустить его навсегда.

Глава 14

Калев оставил ее спящей, похожей на ангела. Если он уйдет, когда Джессика проснется, она может сказать ему, чтобы тот не возвращался. А мужчина, черт возьми, все равно должен был научить ее ставить силки.

Он знал, почему девушка боялась, почему не хотела выходить за него замуж. Калев говорил ей ужасные вещи, называл уродливыми словами. Джесс нужно время, чтобы быть в нем уверенной, и он его ей даст. Мужчина останется в Колорадо до тех пор, пока девушка не увидит, что он изменился.

Когда Калев покинул ферму, еще не было сильно жарко, и он подумал, что можно проникнуть в город и направиться работать на ранчо, не вызывая ажиотажа. Но, только достигнув города, мужчина понял, что это невозможно. Мать хотела бы знать, что ее сын вернулся, и ей будет больно, если тот не заедет к ней повидаться. Поэтому вместо того, чтобы ехать на ранчо, он поехал к дому своей матери.

— Калев! — воскликнула она, увидев его в дверях. Радость осветила лицо женщины. — Почему ты так рано вернулся? Ты не ранен?

— Я в порядке, мама. Просто передумал. Решил, что буду работать все лето на ранчо, останусь ненадолго здесь, в Колорадо. Вот и все.

Она больше ни о чем не стала спрашивать, но, когда Теодор Дарст шагнул в дверной проем, его хмурый взгляд был полон вопросов.

— Входи же, — сказала мать, потянув Калеба в дом. — Мы должны приготовить еще порцию завтрака! Я скажу Салли, чтобы поставила дополнительную тарелку. Не могу поверить, что ты так быстро вернулся!

— Я направляюсь на ранчо, — уточнил Калев, но она уже исчезла из виду.

Отчим смотрел на него в упор.

— Попал где-то в беду?

Калев прошмыгнул мимо.

— Все хорошо.

Спустя час после того, как он в сотый раз уверил свою мать, что не мог остаться на

дольше, Калев допил свою последнюю чашку кофе и встал.

— Я пришел снова увидеть тебя после того, как вернулся, — мужчина крепко обнял мать и взял шляпу. — Пойду, напою лошадь, прежде чем уеду, если ты не возражаешь.

Он направился в сарай за ведром и думал, что ушел подальше от семьи, но, войдя в помещение, дверной проем за ним закрыла тень.

— Ну? — потребовал отчим.

— Что ну?

— Что ты здесь делаешь? Полагаю, тебе нужны деньги.

— Вовсе нет, — спокойно ответил Калев.

— Не скромничай. То, что ты не хочешь говорить своей матери, можешь рассказать мне.

Калев нашел ведро, выпрямился и встретил взгляд Теодора.

— Я вернулся к Джессике.

Лицо мужчины тут же исказилось в гримасе.

— Что? — выплюнул он.

— Я планирую отвезти Джесс в Калифорнию, если она согласится.

Краска залила щеки Теодора, а затем продолжила свой путь к лысине.

— Что, черт возьми, ты говоришь?

— Я попросил ее руки.

— Ты не можешь жениться на шлюхе, — закричал Дарст.

— Конечно же могу, — удалось произнести Калебу сквозь зубы. — И не используй это слово.

— А какое слово я должен использовать для девушки, раздвигающей ноги за деньги?

— Ты вообще не будешь использовать это слово, если хочешь сохранить свои зубы.

Теодор выпучил глаза на угрозы Калеба.

— Как ты со мной разговариваешь? Я должен был догадаться, что ты не навещал друзей, пока находился здесь. Ты имел эту сучку на ее тощих коленях все это время! А потом вернулся в мой дом с этой грязью на себе!

Нечто большее, чем гнев, зародилось в мозгу Калеба, призывая мужчину к насилию.

Его отчим продолжал глумиться.

— Ты спутал эту узенькую дырочку с любовью, и я этого не допущу. Не нужно марать мое доброе имя.

«Тощие колени». «Узенькая дырочка». Странные слова в адрес девушки, которая едва ли не была ему дочерью.

И вдруг Калеба осенило. Он точно знал, как все было, даже до того, как это произошло.

Никакой фермер не владел имуществом Джесс. Банк. Теодора. Мужчина не получал письмо Джесс после смерти ее отца, потому что отчим не включил его в пакет. По этой же причине его письмо к ней не достигло своего адресата.

— Это был *ты*, — сказал Калев, услышав свои слова, как будто их произнес кто-то другой. Он даже не чувствовал движения собственных губ.

Теодор скривил рот и встряхнул головой.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

Калев шагнул вперед. Он почувствовал, как ведро выпало из его рук, и услышал, как оно бухнулось в грязь.

— Это был ты. Ты сказал ей, что я не вернусь и оставил ее без выбора. Скорее всего,

долги ее отца — твоих рук дело.

— А теперь послушай-ка! Эти долги были настоящими!

«Что конкретно возмутило Теодора? Сомнения в его профессионализме? Именно на это обвинение ответил Дарст?»

Рука Калеба обернулась вокруг шеи отчима. Мужчина наблюдал за собственными дрожащими пальцами, и смотрел, как лицо Теодора начало багроветь, из-за чего маленькое чувство удовлетворения заставило его захотеть большего.

Теодор боролся изо всех сил, и Калек толкнул его к стене, по-прежнему удерживая отчима за горло.

— Сколько раз ты пил чай с ее отцом или сидел напротив нее за собственным обеденным столом? Все это время ты думал о том, как изнасиловать Джессику?

Теодор попытался покачать головой.

— Это было не... изнасилование, — задыхался он.

— Изнасилование, — зарычал Калек, сжимая руку крепче. — Ты загнал ее в угол, а затем сказал, что есть только один выход.

Глаза Теодора начали закатываться, поэтому мужчина слегка ослабил хватку, обеспечивая приток крови.

Его отчим закашлялся и захрипел.

— У нее был выбор, — сумел выговорить тот.

— У тебя был выбор, — мужчина отпустил горло отчима для того, чтобы ударить его головой о стену. Сильно. — У тебя был выбор, а ты решил использовать девушку, которая нуждалась в твоей помощи, — Калек приложил его об стену еще раз: зверь внутри него становился все сильнее, завывая от звука удара черепа о твердую древесину. — Как долго ты ждал возможности использовать ее? Сколько раз думал о Джесс, как о куске мяса, который хотел оставить себе? Ты, чертов ублюдок!

Калек наклонился ближе и проигнорировал попытки отчима, отчаянно цепляющегося за его руки.

— Я собираюсь прожить всю свою жизнь счастливо и планирую отправить тебя в ад.

Он ударил отчима о стену еще раз, а затем занес руку, и увидел, как кулак врезался в лицо Теодора, сломав ему кости и разодрав кожу.

— Твоя... твоя мать, — прохрипел Теодор.

Калек оглянулся через плечо, убрал кулак и встряхнул рукой. Там никого не было. Его мать ничего не видела.

— Твоя мать. Подумай о ней! — просипел его отчим.

Рука Калеба дрогнула. Он наблюдал за попыткой Теодора наклониться вниз.

— Она заслуживает лучшего, чем ты.

— Это ее уничтожит!

Мужчина покачал головой и закрыл глаза. Нужно заставить этого монстра заплатить. *Необходимо* превратить его ни во что.

Действительно ли он собирался отправить к праотцам мужа своей матери? Разрушить обе жизни: свою, которую Калек хотел построить с Джесс, и ее?

Мужчина перестал убивать кого-то в Калифорнии по желанию начальства.

«Но сейчас было бы легче, не так ли? Отправить на тот свет человека, который явно этого заслужил?»

Но у Калеба не получится купить землю, чтобы начать новую жизнь, находясь в

розыске. Он не сможет ничего обещать Джессике. Опять же, мужчина мог бы дать девушке все свое золото и позволить ей устроить собственную жизнь, освободиться от этого чертового зверя, причинившего ей боль.

— Кaleb, — прошептал его отчим. — Твоя мать — хорошая женщина. Пожалуйста, не делай этого с ней.

— Это был *ты*.

Мужчина схватил его и начал трясти.

— Это была ошибка.

«Ошибка. Как стукнуть стаканом по столу?»

Он должен убить этого человека и доставить его пожалевшее сердце к двери Джессики. Это единственное, что успокоило бы ярость Калеба.

«Но было бы эгоистично, не так ли? Снова оставить девушку ради собственной гордости?»

Это не сильно отличалось бы от самовлюбленных решений, которые он принял, оставив ее здесь в одиночестве, когда сам уехал и построил карьеру в Калифорнии.

И, если мужчина убьет Теодора Дарста, его мать узнает причину. Весь город узнает.

Кaleb опустил руку и ослабил хватку.

Теодор упал на землю и скрючился, кашляя и всасывая воздух.

Мужчина поправил манжеты и встряхнул разболевшуюся руку.

— Знай одно, — сказал он своему отчиму. Голова мужчины дернулась вверх, ужас все еще читался в его глазах. — Если я не смогу сделать ее счастливой, если мне окажется не под силу все исправить, я вернусь и найду тебя. Каждую ночь, ложась спать, знай, что проснувшись, ты можешь увидеть меня, стоящего у подножия постели. Я никогда не забуду, что ты сделал. Чего ты лишил ее, гребаное животное.

Кaleb вышел, оставив отчима лежать на полу. Мужчина был в синяках, истекал кровью, и ему будет необходимо найти способ объяснить это своей жене. Дарст, конечно же, соврет, но Кaleb не знал, слышала ли его мать когда-нибудь правду.

Его тело напряглось, мужчина вскочил на коня и поехал обратно к Джесс. Он подстегивал коня, чтобы тот бежал; кровь Калеба кипела, искала какой-то выход от этой новой боли. Он не знал, что собирался сделать или сказать. Он просто знал, что это необходимо сделать сегодня же.

Кaleb перевязал свою больную руку и наклонился. Его конь потянулся и помчался вниз по дороге. Разум мужчины попытался показать ему картинки, как Теодор издевался над Джесс, и, хмыкнув, Кaleb сосредоточился на дороге. Стена деревьев означала, что он был на полпути, после чего мужчина проехал небольшой поворот, ведущий прямо к ее дому.

Он въехал во двор в облаке пыли и силком потянул поводья. Увидев Джессику в саду, Кaleb спрыгнул на землю и направился к ней.

Девушка стояла, приложив руку к спине, как будто та болела, и хмурилась. Он был в десяти футах от Джессики, когда уловил движение около сарая — это Билл, вышел из сарая на ее защиту.

Кaleb проигнорировал его и подошел к Джесс.

— Это был он, — сказал мужчина хриплым и сухим голосом.

— Что? — спросила девушка в замешательстве, но затем ее глаза расширились, а лицо побледнело.

Кaleb остановился в двух футах от нее.

— Теодор. Это был он.

Джессика выронила лопату, которую держала, и сделала шаг назад.

— О, — выдохнула она, — ой, — и опустилась на колени в грязь.

— Джесс.

Он потянулся к ней, Билл окликнул его по имени, предупреждая, но Калеб не обратил на него внимания. Мужчина опустился на колени и схватил Джессику за плечи, чтобы успокоить. Девушка подняла обе руки, чтобы прикрыть свой открытый рот.

— Нет, — сказала она сквозь пальцы.

Калеб сжал ее крепче.

— Мне очень жаль. Мне так жаль.

Джессика смотрела на него глазами, полными слез, и ее руки медленно упали на колени.

— Ты не должен был возвращаться.

— Должен был. Я люблю тебя.

— Как ты можешь говорить такое? — закричала она.

— Потому что это правда.

Калеб попытался обнять ее, но девушка застыла.

— Не прикасайся ко мне!

— Мисс Джессика, — сказал Билл где-то рядом. — С вами все в порядке? Хотите, чтобы я ушел или остался?

Ее голубые глаза открылись, рассматривая пространство позади Калеба, будто девушка не могла понять, что Билл там делал.

— Я в порядке, — выговорила Джессика.

Но мужчина не был в порядке. Он сломался, когда слезы покатались из глаз Джесс.

— Тебе лучше уйти, — прошептала девушка, — уходи и никогда не возвращайся снова.

— Я планирую уехать, но заберу тебя с собой.

— Ты не можешь, — Джессика сидела расстроенная, а ее юбка расползлась по грязи. — Твоя семья... я разрушила все для вас.

— Не ты. А я. Я тот, кто позволил тебе усомниться. И если он... если он использовал эти сомнения в отношении тебя, то лишь потому, что меня здесь не было.

— Калеб... — она сжала зубы и закрыла глаза. Когда Джессика открыла их, шок в некотором роде прошел. — Как ты можешь думать о любви ко мне? После того, что я делала с ним?

— Ты доверилась ему, Джесс. А Теодор использовал это доверие, чтобы причинить тебе боль. Он не отправлял мне твои последние письма. Что он тебе сказал?

Джесс смахнула выступившие слезы, но те все равно побежали по щекам.

— Сказал, что у тебя есть девушка. Что ты не приедешь домой. Он так *сожалел* об этом. Когда я писала, а ты не отвечал, стало понятно, что это правда. Я осознала, что... у меня никого не осталось.

— Вот гад, — рывкнул Калеб. — Я должен вернуться и прикончить его.

Джессика схватила его за руку.

— Что ты натворил, Калеб?

— Не так уж много, как следовало бы. Он будет жить.

Джессика сделала долгий вздох, и ее грудь сжалась.

— Хорошо. Твоя мать... твоя бедная мать.

Действительно бедная, замужем за таким мужчиной, как Дарст, но Калев не мог ничего сделать, чтобы помочь этому.

— Джесс, мне очень жаль...

— Не говори так. Это моя вина. Мой *выбор*. Я была глупа и наивна...

— Тогда он должен был защитить тебя, а не *причинять боль*.

— Я не знаю, — сказала девушка, пряча лицо в ладонях, — не знаю, не знаю.

— Кем был другой мужчина? От кого ты сбежала?

Еще один вопрос, мучавший его, когда Калев представлял, как отчим организовал такую мерзость, такое зло.

Джессика покачала головой, и он уже было подумал, что она не станет отвечать, но потом девушка прошептала последнее имя, которое мужчина совершенно не ожидал услышать.

— Министр Форбс.

— Что? — рявкнул Калев и вздрогнул от сожаления, когда она отпрыгнула. — Этот бездушный монстр. Я выпущу наружу его кишки...

— Нет. Ты ничего не станешь делать, потому что будет еще хуже, Калев. Теперь все кончено.

Джесс ошибалась. Было еще кое-что, что он мог сделать.

— Давай уедем, Джесс. Выберемся из этой дыры, уберемся подальше от этих людей и никогда не вернемся. Мы можем пожениться в Калифорнии. Возьми...

— Нет. Я не разлучу тебя с твоей матерью. Клянусь, я этого не сделаю.

Даже после всего этого, девушка не хотела причинить ему боль. Не желала обижать его мать.

Любовь к ней заставила мужчину оттолкнуть всю свою ярость подальше. Гнев исчез. Может быть не навсегда, но хотя бы на данный момент.

Он придвинулся ближе и сел рядом с ней в грязь, переместившись медленно, чтобы снова не напугать девушку. Калев обнял ее, и Джессика не отстранилась. Вместо этого она наклонилась и опустила голову на его плечо.

— Ты думаешь, я смогу когда-нибудь вернуться сюда? — спросил он. — Видеть этого человека? Поселиться в его доме? Я закончил здесь, и это его вина, не твоя.

— Не могу, — сказала Джесс.

— Потому что ты ненавидишь меня?

— Потому что люблю тебя. Очень сильно.

Эта любовь поглотила Калева, сдавив легкие так, что ему стало трудно дышать.

— Я тоже люблю тебя. И мы так долго ждали этого шанса. Просто шанс, Джесс. Поехали подальше от этого места. Со мной. Давай посмотрим, как мы можем быть счастливы вместе.

— Однажды ты возненавидишь меня. Как ты можешь смотреть на меня после того, как все узнал?

— Точно так же, как я должен был смотреть на тебя все это время. Как на женщину, которая нашла в себе силы выжить. Которая не сдалась, а ухватилась за жизнь и держится. Выходи за меня, Джесс. Дай мне еще один шанс. Я не уйду на этот раз и не позволю уйти тебе.

— Калев, — вздохнув, Джессика подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. — Может быть...

— Может быть, что?

Девушка посмотрела на него долгим пристальным взглядом и надеялась что-то разглядеть в глубине его глаз. Затем кивнула, как если бы мужчина прошел испытание.

— Давай просто уедем. Мне не нужна свадьба, чтобы сделать это правильно. Мы поедem в Калифорнию, а все это останется дурным сном. Я не могу быть твоей женой, но мы можем уехать. На некоторое время.

— На чертовски долгое время, — проворчал Калеб и поцеловал ее. Целовал до тех пор, пока девушка не растворилась в нем. Отстранившись, Джесс положила голову обратно на его плечо. — И я изменю твои мысли. Сделаю тебя такой чертовски счастливой, что тебе придется выйти за меня.

Она рассмеялась.

— Я могу купить лошадь, — сказал мужчина. — Запасы в дорогу. Мы можем отправиться через несколько дней. Еще достаточно рано, и мы успеем добраться до перевала до наступления осени. Или мы могли бы сесть на поезд...

— Нет. Нет, я хочу увидеть все-все.

— Тогда я куплю тебе лошадь, и мы будем в Калифорнии через несколько недель. Там много земли, которую можно купить. Хорошей земли для ранчо.

— Что, если ты передумаешь? — прошептала она.

— А что, если передумаешь ты?

— Почему я должна сделать это? — снова рассмеялась Джессика.

— Я плохо себя вел, — просто ответил Калеб.

— И я.

— Тогда думаю, у нас все получится.

Глава 15

Джессика пригладила рукой заплетенные волосы и оглядела кухню еще раз. Через несколько дней здесь на плите будут тушиться помидоры, а баночки выстроятся на столе в ожидании заполнения. Спустя недели Мелисанда сделает соленья. Но Джесс уже никогда не попробует их.

Смешно, но девушка ненавидела это место так долго, что казалось странным то, что она будет по нему скучать.

Джессика коснулась руки Мелисанды.

— Ты уверена, что сможешь справиться без меня?

Мелисанда принялась.

— Вероятно, без тебя, постоянно обжигаящей свои пальцы, процесс пойдет быстрее.

Джесс улыбнулась сквозь слезы и притянула подругу в объятия.

— Я бы не выжила без тебя.

— Уверена, что выжила бы. Просто пришлось бы окунуться во все это глубже, прежде чем ты смогла бы подняться обратно.

Возможно, это было правдой, но Джесс сомневалась. Однажды она бы просто утонула в своей постели и ни за что бы не встала. Девушка позволила Мелисанде подойти и вытереть слезы.

Как только ее лицо стало сухим, Джессика взяла со стола запечатанный конверт и протянула его ей.

— Это для тебя.

— Что это? — Мелисанда посмотрела на конверт с опаской, прежде чем взяла его.

— Это договор аренды, который мы обсуждали. Все в порядке. Вы платите налоги государству, а мне всего один доллар в год.

— Почему доллар? — спросила подруга.

— Это делает его официальным, как я слышала.

— Кажется ужасно глупым, но это нормально.

— Вы можете откладывать каждый доллар до тех пор, пока мы не встретимся вновь. Береги это место.

— Мы обязательно обо всем позаботимся.

— Я знаю.

— Мы хотели спросить тебя кое о чем, Билл и я... — Мелисанда перевела взгляд в сторону Билла и Калеба, которые готовили лошадей для поездки. — Я получила письмо от своей тети.

— Твоей тети? Не знала, что у тебя есть семья.

— Мы на некоторое время потеряли связь. Она поссорилась с мамой из-за меня, но сейчас... я написала ей однажды, после того, как поселилась здесь.

— Рада это слышать. Она приедет сюда?

Подруга рассмеялась.

— Нет, она поклялась, что никогда не ступит за пределы Нового Орлеана и до сих пор придерживается клятвы. Но у нее возникла мысль.

Джесс редко приходилось видеть, чтобы женщина так долго задумывалась над чем-то.

— Ты говоришь, как я, когда обсуждаю шлюх. Выплюнь уже то, что хочешь сказать, прежде чем это станет горьким во рту.

В этот раз Мелисанда улыбнулась немного неуверенно, но все же кивнула.

— Моя кузина умерла. Осталось два маленьких ребенка. Мальчик одиннадцати лет, достаточно взрослый, чтобы заниматься сельским хозяйством, и шестилетняя девочка, которая может помогать на кухне. Я подумала... Ну, мы с Биллом подумали, что они могли бы приехать сюда, если ты не возражаешь.

— Если я не возражаю? — Джесс еле-еле выговорила слова, пока слезы душили ее горло.

Она не была уверена, кто расплакался первым. Глаза Мелисанды были полны слез нервозности, надежды и волнения.

Девушка понимала ужас всех этих эмоций, потому что тоже испытывала их. Жизнь, которую она считала потерянной для нее, вдруг расправила свои крылья к небу. Джессика не была уверена насчет детей. Она не была уверена ни в чем, но чувствовала *надежду* и видела то же самое на лице Мелисанды.

Девушка откашлялась, стараясь говорить спокойно.

— Почему я должна быть против? — наконец, спросила Джесс.

— Это твой дом.

— Нет, теперь это ваш дом. Привезите сюда всю семью, которую хотите. Сделайте это место снова живым. Прогоните прочь всех призраков.

— Да, — Мелисанда кивнула. — Пусть прошлое останется в прошлом. Дети отлично помогают избавиться от старого хлама.

Она представила их всех ранней весной. Билл и молодой юноша работают, чтобы расширить поле. Миниатюрная девочка рядом с ней на кухне, учится выпекать печенье так,

как когда-то Джессика. Мысль настолько взволновала девушку, что она потянулась к подруге и крепко ее обняла.

— Я чувствую, каким жизнерадостным станет это место. Как ты *будешь* счастлива.

— Все это благодаря тебе... — прошептала Мелисанда.

— Нет. Мы сделали это вместе. Дали друг другу шанс.

Щека Мелисанды коснулась волос Джессики, когда та кивнула, а потом подруга отстранилась и промокнула глаза фартуком.

— Давай посмотрим, что делают ребята.

Джессика еще раз осмотрелась вокруг, вспоминая трогательные моменты на кухне, и кивнула. Уехать было хорошей идеей, но ей будет не хватать лучшей подруги.

Они нашли мужчин, сидящими на корточках за крыльцом, Калев рисовал что-то в грязи.

— Вы можете запустить его, прежде чем замерзнет земля, — сказал мужчина.

— Запустить что? — спросила Джессика.

Калев посмотрела на нее с полуулыбкой, которая заставила ее сердце биться так быстро, что это стало причинять боль.

— Я просто показывал Биллу, где бы он мог вырыть арык из ручья.

— Рада, что ты не потерял терпение и не отправился без меня.

— Никогда, — сказал он, подарив ей еще одну улыбку. — Но если вы, дамы, уже попрощались, то мы действительно должны ехать.

Джессика обняла Мелисанду в последний раз, попрощалась с Биллом, и бросилась к своей лошади, прежде чем снова расплакаться.

Калев помог ей сесть на коня и взобрался на своего.

— Мне нравится этот вид, — сказал мужчина, и заглянул под ее приподнятые юбки.

— Так вот почему ты не купил мне дамское седло?

— Нет, я просто хотел, чтобы тебе было более комфортно.

Мужчина подмигнул ей, и девушка хихикнула в восторге от легкости, ощущавшейся сейчас. Не то, что раньше. Теперь все было гораздо лучше.

Помахав Мелисанде и Биллу, они отправились в путь. Джессика остановилась лишь однажды, чтобы повернуть лошадь и оглянуться в последний раз. Даже если бы она заработала это все своим трудом, Джесс принадлежала этому месту. А оно принадлежало ей. Даже если бы девушка ненавидела саму почву под ногами, она была ее.

— Прощай, — прошептала Джессика дому.

А затем погнала свою лошадь рысью, чтобы догнать Калеба.

— Готова увидеть океан? — спросил он.

Девушка улыбнулась мужчине.

— Я видела океан раньше.

— Не этот, — напомнил он ей.

— Нет, — призналась Джесс, — не этот.

И не с Калевом.

— Мы все еще можем поехать на север и сесть на поезд. Будем в Калифорнии в течение нескольких дней.

— Нет, я хочу увидеть звезды, землю и горы.

— Если ты передумаешь...

— Не передумаю, — перебила его Джессика.

— Тогда ладно, — ответил Калев, удовлетворенный ее ответом.

Они почти исчезли из поля зрения обитателей дома, когда девушка услышала звук позади себя. Джессика не повернулась, но Калев остановил свою лошадь и прищурил глаза.

— Мелисанда что-то кричит.

— Да, — подтвердила Джесс.

— Она машет листом бумаги.

— Правда?

Джессика улыбнулась и продолжила движение. Как только девушка доехала до поворота, Калев поспешил ее догнать.

— Что это было? — спросил он.

Джесс бросила на него быстрый взгляд.

— Документы на дом.

Его брови приподнялись.

— Документы?

— Мелисанда этого заслуживает. Это скорее ее дом, нежели мой. И мне он больше ни к чему. Не думаю, что и тебе он понадобится, когда мы поженимся.

— Когда мы поженимся, — тщательно повторил Калев, а потом широко и сладко улыбнулся. — Мы могли бы остановиться в следующем городе.

Она размышляла над этим в течение последних нескольких дней, позволяя себе свыкнуться с данной мыслью и прочувствовать ее.

— Нет, — сказала Джессика, — не здесь. Сначала посмотрим, как у нас все пойдет. Но когда доберемся до Калифорнии... возможно, мы начнем все заново.

Калев протянул к ней руку и дернул своего коня к ее, чтобы иметь возможность поцеловать пальцы девушки в перчатках.

— Ты имеешь в виду, мы начнем в первый раз.

— Сколько раз у нас все будет в первый раз? — фыркнула Джессика.

— Столько, сколько нужно, чтобы сделать все правильно.

Ей не нужно больше никаких первых раз. Все уже было безупречно. Безукоризненно и прекрасно. А ведь девушка думала, что такого больше никогда не будет.

Когда они отъехали от города, Джессика уже знала, что никогда сюда больше не вернется. Ее будущее было впереди и рядом с ней. И она намеревалась его прожить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net